

В Вихре Времён

ЗА ГРАНЬЮ

Капитан
поневоле

Андрей ГРОГ

Annotation

Четверо друзей, сплавляясь на рафтах по горной реке, попадают в пространственную аномалию, которая переносит их за грань – в мир, который очень похож на наш, но отстает в развитии на триста лет: люди там сражаются, используя кремневые мушкеты, а океан бороздят парусные корабли. К счастью, они оказываются не первыми невольными путешественниками через грань – бывшие соотечественники, угодившие в аномалию двадцать лет назад, готовы оказать новичкам необходимую помощь на первых порах. Чтобы найти способ вернуться назад, друзьям придется стать мореходами. Их ждут шторма, схватки с пиратами, нападения аборигенов. Но кроме опасностей, они могут найти и любовь...

- [Андрей Грог](#)

- - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
-

Андрей Грог

За гранью. Капитан поневоле

© Грог А.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Об отпуске люди мечтают по-разному. Часть населения его проводит на даче, за обхаживанием своего любимого огорода, рыбалкой в соседнем пруду и прочей идиллией сельской жизни. Часть мечтает добраться до теплых и соленых вод с навязчивым сервисом смуглых людей на берегу. Иногда это совмещается с посещением различных культурных достопримечательностей и зланных мест. Есть еще некоторые варианты по проведению свободного от работы времени, люди ведь такие затейники, но не будем перечислять их все, потому что список может стать довольно длинным. А остановимся на тех редких экземплярах, которые в наш техничный век устремляются туда, где этой техники нет и ничего не напоминает о ее наличии. Знаете же, есть такие странные люди, которые, вместо того чтобы лежать под зонтиком на морском берегу, зачем-то отправляются в горы или тайгу, тратят довольно приличные деньги на дорогу и снаряжение. Там, вдали от цивилизации, где даже Интернета нет, они мокнут, мерзнут, кормят своим драгоценным телом комаров, выбиваются из сил, а вечером, абсолютно счастливые, сидят, вытянув уставшие ноги, у костра, попивают горячий чай и смотрят на яркие звезды в тишине. Или, бывает, поют старые забытые песни под аккомпанемент гитары...

Вот к таким-то оригиналам и принадлежал Александр Струг со своей веселой компанией, которая сложилась, как это часто бывает, еще в студенческие годы. Лучший друг – Коля Паперна, окончивший вместе с ним Московский университет геодезии и картографии два года назад и работавший в космической отрасли. Два других товарища сошлись с ними во время совместных походов, организуемых клубом водного туризма. Начинаящий стоматолог Сергей Валевский и менеджер Игорь Журавлев, работавший в московском представительстве металлургического завода из Электростали. Сам Александр, прежде чем получить свою нынешнюю специальность, выбрал трудную стезю морской карьеры. Даже поступил в прославленную питерскую мореходку, где проучился два года и где посчастливилось проходить практику на не менее знаменитом паруснике «Мир». Но детские мечты оказались разбиты прозой жизни. Нет, не трудностями. А конфликтом с одним из курсантов, вылившимся в банальную драку. Но его визави был сыном какой-то шишки в морских кругах, и после долгих разбирательств Александру пришлось забирать

документы из академии. Тут же пришла повестка из военкомата, он попал под осенний призыв и отправился отдавать свой долг родине. А уже после службы, понимая, что прямая дорога в море для него закрыта, он поступил в университет, после которого смог устроиться только на стройку геодезистом. Единственной отдушиной для него были сплавы по горным рекам. Были еще старые друзья-реконструкторы, с которыми он был знаком со школьных времен, увлекавшиеся эпохой XVII века. Туда он тоже захаживал, но времени на все не хватало.

А еще был общий знакомый по университету, приехавший учиться в Москву с Камчатки. Отличный парень, которого они тоже в свое время приобщили к горным рекам. Но после окончания учебы он не нашел своего места в столице, а может, не очень хотел, что, конечно, странно на фоне всеобщего стремления, и уехал к себе домой. Связь с ним была через соцсети, и друзья были в курсе, чем он занимается. Парень пошел по стопам своих родителей, работал в геологических партиях, иногда выкладывал потрясающие фотографии природы Камчатки. Поэтому, когда он в один прекрасный момент предложил организовать для своих друзей сплав по какой-то камчатской реке, они все этим загорелись, тем более что была возможность сильно сэкономить на доставке к месту старта за счет геологов.

Перелет до Петропавловска-Камчатского сам по себе влетал в копеечку, и других вариантов не было, потому что поезда туда не ходили в принципе. Камчатка, она хоть и полуостров географически, по факту остров. Туда не то что железной дороги, туда и автомобильной не существует даже в теории. Все крупные грузы доставляются исключительно морем из Владивостока. Остальное по воздуху. Но прилететь в Петропавловск еще ничего не значит. Места там красивые, но довольно обжитые, а друг Пашка предлагал настоящую камчатскую глушь, и река, писал, с технико-спортивной точки зрения интересная. А главное, рядом, в соседней долине, велись разведочные работы геологической партией, в которой он и работал. Естественно, что в этих условиях организовать доставку нескольких человек с вещами не стоило буквально ничего. Ну а продолжительный сплав должен был вывести их к местам более цивилизованным, откуда уже можно и самим выбраться к Петропавловску. Единственное, что было необходимо, – это четкое совпадение по срокам с заброской партии в район работ – середина июня. В это время будет все: и халявный рейс из Петропавловска до Ключей, и вертолет оттуда до базового лагеря геологов. А за вполне скромную сумму, сдобренную бутылкой коньяка, вертолетчики сделают небольшой крюк и

осуществят промежуточную посадку там, где скажут. Сам Пашка, занимая в партии какую-то хитрую, нововыдуманную техническую должность, на первых неделях там не очень-то и нужен. А поскольку начальником был его же отец, то и отпроситься ему проблем не составляло.

В общем, путешествие в любом случае намечалось недешевым, но если его предпринимать самостоятельно, то могло стать баснословно дорогим. А так можно было сэкономить немалые деньги, что для всех друзей было существенно – жили они на зарплату, хоть и неплохую. Оставалось самое главное – выгрызть у своего начальства три недели отпуска именно в нужное время – середина июня. Психология большинства руководителей мало отличается друг от друга. Они часто любят говорить, что незаменимых людей нет. Но стоит тебе только захотеть в отпуск, как именно с этого момента ты становишься единственным и неповторимым. Как бы то ни было, но этот момент у всех сложился благоприятно, и после утверждения сроков началась предварительная подготовка к путешествию.

К июню она была завершена. Билеты на самолет заранее куплены, снаряжение подобрано и проверено. Друзей охватил радостный мандраж перед началом очередного приключения. Сплав по реке предполагался на их излюбленной модели четырехместного катамарана. Собственно, потому-то они и были «великолепной четверкой», что представляли собой всегда готовый, прекрасно слаженный экипаж. Или, как говорят в среде туристов-водников, «сплаванный». Правда, дюралевый каркас пришлось оставить из-за трудностей сдачи его в багаж, которого и так намечался приличный перебор. Но это было некритично, потому что каркас можно было изготовить и на месте из стволов деревьев, что было довольно распространенной практикой среди катамаранщиков. А Пашка должен был присоединиться к ним на двухместном катамаране вместе со своей недавно обретенной женой, которая, хоть и не являлась заядлой водницей, но была не чужда авантюрного духа и уже успела познакомиться с водной стихией под чутким руководством мужа.

После девяти часов перелета самолет заходил на посадку в аэропорт Елизово, разворачиваясь над Авачинской бухтой. Ее пронзительно голубая гладь, снежные шапки вулканов, удивительная прозрачность воздуха – от всего этого дух захватывало. Там их и встретил Паша. Познакомил с женой, а спустя несколько часов ожидания они уже грузились в легендарный кукурузник и отправились на север до поселка Ключи, некогда бывшего города, но теперь разжалованного. Все четверо прилипли к иллюминаторам, наслаждаясь видами лежащей внизу земли. Еще два с половиной часа полета, во время которых изрядно потряхивало на

воздушных ямах, и они, наконец, приземлились на аэродроме в Ключах. Никакого аэропорта здесь не было, хотя в советские времена отсюда совершались регулярные рейсы в облцентр – Петропавловск-Камчатский. Домик диспетчерской службы, несколько ангаров для техники и деревянная будка туалета – вот и все устройство. Здесь же, на краю летного поля, был разбит промежуточный лагерь геологов из нескольких брезентовых палаток в рост человека и прорезиненного тента над кострищем, где и готовилась нехитрая еда.

После взаимных приветствий и знакомств им пояснили, что вертолет сегодня уже не полетит, потому что поздно, поэтому следует устраиваться на ночь здесь, а завтра с рассветом все вместе и отправятся в путь. Погода должна быть хорошая, и ждали только их.

Поскольку людьми они были подготовленными, то быстро достали из рюкзаков свои палатки и установили их рядом с геологами. Контраст получался забавный: яркие невысокие туристические палатки и большие брезентовые, вылинявшие на солнце, но все еще надежные и добротные – у геологов. Достали коврики и спальные мешки, разложили их заранее, приготовив себе место ночлега, потому что, как подсказывала интуиция, вечер будет бурным и готовить это все пьяным да в темноте будет очень непросто. Заодно и переоделись из относительно приличной одежды, в которой путешествовали до сих пор, в предназначенную для походов, которую не жалко испачкать.

И началось веселье. Геологи радовались тому, что наконец-то вырвались в поля, бурно отмечая это событие. А приезжие туристы – тому, что уже находятся на удивительной земле Камчатки и цель их длинного путешествия близка. Погода стояла довольно теплая, вдалеке, над деревьями, возвышался исполинский заснеженный конус Ключевской сопки, народу вокруг никого, только бесконечные истории и байки от неунывающих геологов. Кстати, немалая их часть была посвящена различным приключениям, связанным с местными медведями, которых в этих краях было удивительно много и встречались они не реже, чем бродячие собаки в иных местах. Специально ради них Пашка тащил с собой целый арсенал сигнальных ракет и фальшфейеров. А также старый одноствольный «ИЖ» шестнадцатого калибра и новенькую «Сайгу-20» с магазином на пять патронов. Впрочем, ружья предполагалось использовать еще и для охоты, особенно в последней части путешествия, когда характер реки будет равнинный и можно будет пострелять водоплавающих птиц.

Угомонились поздно. Подсвечивая фонариками, добрались до палаток

и с наслаждением завернулись в предусмотрительно разложенные спальники. А утром их разбудил металлический звон. Выглянули наружу – классика! Слегка припухший после вчерашних возлияний мужик из геологов колотил большой поварешкой в металлическую крышку, созывая народ на завтрак. Проснувшиеся, поеживаясь на утренней прохладе, потянулись к протекавшему рядом ручью умываться. А затем, весело перешучиваясь, собрались у костра под тентом, по очереди накладывая себе из котла в миски рисовую кашу на сгущенном молоке, сдобренную щедрой порцией топленого масла, и рассаживаясь на бревнах. Никакого опохмела не было. Предстояла тяжелая работа по погрузке вещей геологов в вертолет. Поев и попив чая, отправили гонца в диспетчерскую узнать, не поменялось ли чего и будет ли вертолет. Когда же он вернулся, подтвердив все, старший дал отмашку сворачивать лагерь. Это же касалось и наших туристов. Быстро собрав палатки, решили помочь геологам, перетаскивая мешки и ящики с едой, а также с инструментами ближе к вертолету на взлетном поле.

Часа за два управились. Старенький «Ми-8» был забит под завязку, люди сидели в тесноте, но, как говорится, не в обиде, а двигатели раскручивали винты, готовя машину к старту. Качнувшись, вертолет плавно оторвался от земли и начал набирать высоту. В иллюминаторе мелькнули бараки поселка-недогорода Ключи, частные дома с огородами, пыльные улочки и широкая лента реки Камчатка. Когда борт наклонился, во всей красе на юге предстала Ключевская сопка наполовину в снегу, утопающие в зелени смешанного леса подходы, и начался полет. Им предстояло лететь пока на север, вдоль долины реки Еловка – левого притока Камчатки. А потом высадить туристов в верховьях одного из притоков, на склонах Срединного хребта. А геологов забросить в следующий приток, где у них был базовый лагерь и они рыли землю в поисках чего-то очень полезного. Хотя и так можно было догадаться. Единственное, что пока представляет ценность в этих глухих местах, – это золото. Основная часть партии была уже на месте и начинала работы. Это был последний борт, которым забрасывались остатки продовольствия и оборудования. Вместе с людьми. Следующий предполагался где-то через месяц, с которым и должен будет прибыть Пашка вместе со своим новым цифровым оборудованием для составления подробной карты района. Геодезист как-никак. Недаром же его предприятие учило за казенный счет. Ребята притерлись в Москве, а вот товарищ убыл в эти далекие края, внедряя новые технологии на месте при поддержке своего отца, который и был начальником геологоразведочной партии.

Через час с небольшим вертолет начал снижаться, выискивая подходящую поляну для посадки. Внизу мелькали близкие склоны гор, поросшие елью, лиственницей и березой. Ближе к воде они сменялись зарослями ивы и ольхи. Наконец задобренный подношениями вертолетчик нашел нужную поляну и осторожно приземлился в довольно высокую траву. Вещи туристов предусмотрительно были сложены с краю, поэтому их быстро и без проблем выгрузили через открывшуюся грузовую панель сзади. Тепло попрощались с геологами, махнули рукой вертолетчикам в кабине и проводили взглядом плавно поднимающуюся вверх машину.

Вскоре шум от работающего двигателя стал стихать вдаль. Компания начала оглядываться по сторонам. Они одни. Ближайшие люди – геологи. За перевалом, и еще прилично вверх по соседней долине. По прямой километров тридцать. Поселков здесь нет вообще. Ближайший как раз и есть Ключи, до которого больше ста километров опять же по прямой. Само собой, что нет никаких дорог, только тропы, и те звериные. Внизу, в долине Еловки, зимник. Но летом он неактуален – болота. Одним словом, случись что – рассчитывать можно только на себя. Надо ли говорить, что мобильной связи здесь не было. Впереди ждало несколько дней спортивного сплава по горному участку реки, с порогами и шеверами, а потом больше недели спокойной гребли по равнинному участку, с рыбалкой и охотой.

Еще когда друзья общались по Сети, Пашка рассказал, как он бродил вдоль этой речки в составе поискового отряда, выискивая признаки золота. Ничего стоящего они здесь не нашли, но он еще тогда обратил внимание на красоту собственно водного потока и оценил, насколько интересны здесь, в горной части, пороги. А когда узнал, что на следующий год в соседней долине будут ставить базовый лагерь, то и появилась идея позвать сюда своих друзей. И все получилось!

Вообще-то, сплав по неизвестной и неописанной реке является довольно опасным занятием. Находясь «на воде», очень трудно оценить серьезность предстоящего препятствия. Зачастую невозможно увидеть верный путь прохождения. Поэтому перед любым хотя бы относительно серьезным порогом положено сходить на берег и идти просматривать его. Даже если есть лодия и описание. Это ничего не значит, потому что порог меняется в зависимости от уровня воды. Высота валов и сливов разная, открываются или скрываются камни в самых неподходящих местах. Иногда их можно только угадать по подозрительному бурлению воды. Сверху, с берега, это можно в любом случае рассмотреть гораздо лучше, наметить береговые ориентиры для верного пути и обязательно расставить страховку в случае кия (переворот судна). Страховка – это отдельная песня. Люди

стоят на берегу в удобных местах с так называемыми «спасательными концами», или «морковками». Это довольно длинная толстая веревка, метров 10–15, с карабином на конце и куском пенопласта, обернутого в яркую капроновую ткань. Обычно оранжевую (морковка). Когда происходит киль во время прохождения порога, люди в бурлящей воде зачастую оказываются дезориентированы, а особенности некоторых порогов таковы, что самостоятельно из них выбраться вообще невозможно, потому что вода там закручивается в обратную сторону, подтаскивая всякий мусор (и людей в том числе) обратно под сливную струю. Такие места называются «бочка». Человека может здорово приложить о какой-нибудь камень при перевороте, и ему будет трудно самому плыть к берегу. Много чего может быть. Поэтому после порогов обычно стоят люди с «морковками» и, случись чего, бросают их перевернувшимся. Пенопласт не дает веревке утонуть, оранжевая ткань хорошо видна в воде и пене, а карабин нужен для того, чтобы человек, поймав веревку, смог застегнуть его на своей обвязке, и тогда его просто вытащат руками на берег в любом случае.

Эту речку Пашка, конечно, осмотрел, но очень поверхностно. Он прошел далеко не по всему ее течению, а там, где вроде бы был, не везде видел воду. Поэтому сюрпризов здесь могло быть сколько угодно. Но это все понимали и продвигаться собирались максимально осторожно, причаливая при малейшем подозрении на что-то серьезное и высылая вперед разведчиков по берегу для осмотра.

Теперь предстояла привычная работа по сборке катамаранов и подготовке к сплаву. Обшарив окрестные заросли, нарубили небольших стволов деревьев, порядка десяти сантиметров диаметром, связали при помощи веревок из них каркас нужного размера и, надув баллоны, присоединили их к нему. Вот и все, катамараны готовы. Но это заняло довольно много времени, день клонился к вечеру, поэтому решено было заночевать здесь, на месте. А с утра, позавтракав, отправиться в путь.

С утра свернули лагерь, переоделись в неопреновые гидрокостюмы, надели каски и спасжилеты. Все вещи убрали в гермомешки, привязав их к катамаранам. Отдельная забота была о сигнальных средствах для отпугивания медведей и оружия. Все это тоже было спрятано в плотные непромокаемые пакеты и чехлы, но отдельно и привязано так, чтобы можно было максимально быстро достать и использовать. А то ходили среди водников истории, как туристы становились добычей медведей на мелких перекатах таежных рек. Медведь, конечно, не является злобным хищником, и человек, как правило, не представляет для него интереса с

гастрономической точки зрения. К тому же нормальный дикий зверь вообще человека избегает и сам старается уйти в сторону. Впрочем, это совершенно не распространяется на ту живность, что обосновалась в окрестностях городов и поселков. Эти уже целенаправленно лезут на городские помойки, а при случае и на огороды, высматривая, чем бы там поживиться. И если им под руку, или под лапу, подворачивается какой-нибудь слишком любопытный человек, то могут его просто так, на всякий случай, приласкать этой самой лапой. Собственно, большинство несчастных случаев с медведями происходит, когда встреча получается неожиданной и близкой. С определенной дистанции зверь воспринимает присутствие человека как однозначную угрозу или посягательство на свое достоинство. Еще хуже – на потомство. Причина этого проста: у медведей от природы плохое зрение и слух. Единственное, что у них очень хорошо развито, – это нюх. Но если вы двигаетесь навстречу ветру, то возможный медведь за кустами вас не учует заранее. Идете вы по извилистой тропе, продираясь между кустов, отодвигаете очередную ветку, а там... Какая встреча! И это не анекдот. Во всяком случае, в тот момент точно не до смеха. Тут только два варианта. Или медведь решает все же убежать, или, как говорилось выше, на всякий случай устранить потенциальную угрозу. Дальше вопрос уже только в том, захочет ли он в добавок ко всему попробовать человечину, что тоже не факт. Но если попробовал, то становится реально опасен, потому что убеждается в доступности нового источника питания. Окрестное население прекрасно знает об этом, и если факт подобного становится известен, то на медведей в округе объявляется облава с привлечением массы охотников и даже военных. Выглядит как месть, но по-другому нельзя.

Но, как говорится, бог не выдаст, медведь не съест. Бедра в упорах, задницы на сидушках, руки в неопределенных перчатках крепко сжимают углепластиковые весла. Два катамарана отчаливают от каменистого берега на стремнину. Речка здесь уже была достаточно широка для них – десять с лишним метров. По камчатским меркам это, конечно, ручей. С мощным и стремительным течением, который, впрочем, почти везде можно перейти в брод, как говорится, не зачерпнув воды в болотные сапоги. А это основной критерий «переходимости» в тех краях. Если уровень воды выше, то, как правило, течение валит человека с ног. Но водникам это не страшно.

Первый день прошел без приключений. Четыре небольших порога прошли легко, даже не выставив страховку, поскольку после просмотра было ясно, что для катамаранов там опасности быть не может. Вечером, остановившись на ночевку, сушили гидрокостюмы, приняли по сто грамм

(именно сто!) разведенного спирта для здоровья и, попивая чай, наслаждались красивейшим пением Юли под гитару, Пашкиной жены. Она оказалась компанейской и легкой в общении, с красивым лицом, гибкой и сильной фигурой. Все были ей очарованы, но не переходили известных границ. Вообще друзьям было о чем поговорить после долгой разлуки. Рассказывали о своих работах, проблемах, увлечениях. Конечно, больше всего слушали Пашу с Юлей. Им-то было о чем поведать, здесь все было настоящее, живое, экзотическое. Но и москвичи не оставались в долгу, особенно Коля Паперна со своими космическими делами.

Утром приходил медведь. Нисколько не стесняясь, трещал ломаемыми ветками в кустах на краю поляны. Вообще-то, ребята, проинструктированные Пашкой, никакой еды снаружи не оставили, а использованные консервные банки обожгли в костре. Но, видать, какой-то запах остался, а может, зверушка просто проявила любопытство. Кто ж его знает? У него вон какая голова большая, может, он Достоевского читал... Саша как раз собирался вылезать из палатки, потому что сегодня была его очередь готовить завтрак. И застрял в проходе от неожиданности. До медведя было метров двадцать. Он отчетливо видел его шкуру в сваливавшихся комьях бурой шерсти. Из соседней палатки выглянула сначала голова Юли, а следом Пашки. Оба тут же исчезли, чтобы через несколько секунд появиться снова. Юля с цилиндром дымовой шашки в тонких руках, а Пашка – с «Сайгой».

– Э, мужик! Тебе че надо? – Громко и зычно крикнул Пашка. И для убедительности лязгнул затвором. Копошение прекратилось. Медведь замер. Потом оглянулся на поляну, постоял несколько секунд в раздумьях и не спеша затрусил по краю поляны в сторону тропы, проходившей чуть дальше от реки. На заднице смешно тряслась обвислая шкура – не успел еще нагулять жира. Саша с ужасом вспомнил, как он вчера ходил в те самые кусты справлять нужду в темноте.

Ничего удивительного в поведении медведя, конечно, не было. Как следует из наставлений бывалых людей, его могут привлекать стоянки людей, но сильно смущают не свойственные природе звуки. В частности, членораздельная речь. Не истошные вопли или агрессивный рев, а именно речь. Поэтому в случае близкой встречи со зверем рекомендуется если уж и кричать, то что-то членораздельное, хоть и бессмысленное. Как правило, в таких ситуациях, кроме мата, ничего не получается. А зря. Чем посылать по известному адресу порядочного зверя, ему можно стихи почитать... «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», например. Медведь среагирует точно так же, как и на посыл к чьей-то матери. Из этой же оперы лязг

металла. Для окружающей медведя природы звук совершенно нехарактерный, а потому смущающий его и пугающий.

Как бы то ни было, а лагерь весь проснулся, народ начал выбираться из палаток, Саша развел костер, запахло дымом, и все почувствовали себя спокойнее. Пашка сказал, что медведь вроде нормальный, а потому в кусты можно ходить без опаски – он больше не вернется. И для убедительности первым пошел в чащу, оставив ружье на поляне. Москвичи, конечно, последовали его примеру, но опаска все же осталась.

Завтрак поспел быстро. Поели и начали сворачивать лагерь, сразу пакуя вещи в гермомешки и пристраивая их на катамараны. Река уже стала чуть шире, вобрав в себя несколько ручьев. Валы стали выше, как и сливы на порогах. Закопав использованные консервные банки в небольшую ямку, отчалили. Сегодня, по уверениям Пашки, должны начаться серьезные пороги. И они начались. Пришлось выставить страховку. По договоренности сначала порог проходила четверка москвичей как более серьезное судно. А Пашка их страховал внизу с «морковкой», привязанной к какому-нибудь дереву или крупному камню. Юля в это время стерегла двойку выше порога от непрошенного визита медведя, вооруженная сигнальной ракетой и дымовой шашкой. Если зверь наберется наглости и начнет рыться в оставленных без присмотра вещах, то первым делом порвет в лоскуты гермомешки и баллоны катамарана, а это сильно осложнит путешествие. Конечно, одна она отбиться не сможет, если медведь все же проигнорирует отпугивающие средства, и ей придется спасаться вплавь. Но такой вариант развития событий был очень маловероятен. Разве что будет свидетельствовать о том, что у них серьезные проблемы. И порванный катамаран – самая меньшая из них. Потому что так поступить может только непростой медведь...

Но никто им не мешал, и ребята наслаждались прохождением. Сначала четверка, потом двойка, которую уже полноценно страховали. Серьезных порогов было три, которые прошли красиво. Мелочовку уже даже не считали. К вечеру погода начала портиться, небо затянуло тучами, но дождя пока не было. Впрочем, о перемене небесной стихии Пашка предупредил еще утром, указав на длинные полосы перистых облаков. Здесь это однозначно свидетельствовало о том, что с океана приближается какая-то гадость.

Ночью пошел дождь, почти не прекращавшийся. Утром наступило короткое затишье, во время которого успели быстро развести костер из дров, загодя укрытых под полиэтиленом, и поесть. Собирались уже под начавшим моросить дождем. Медведей больше не было, препятствия

проходили по отработанной схеме. Группа втянулась в рабочий ритм. А на четвертый день подошли к очередному порогу, который на первый взгляд не вызвал особых опасений с технической точки зрения. Кто же знал, что там такое...

Река на тот момент стала в два раза шире, метров двадцать. Порог предварялся длинной шеверой, метров в двести. Затем русло сужалось, зажатое с обоих берегов каменными выступами, возвышавшимися над бурлящей водой метра на три, что представляло собой очень удобную площадку для просмотра. Валевский сторожил катамараны, все остальные рассматривали подходы и порог. Двухметровый слив сам по себе не представлял из себя опасности, неприятен был котел под ним, в котором вода пенилась и бурлила. Бросив со скалы туда сухую палку, все внимательно проследили за ее поведением. Палка быстро ушла под воду и больше не появлялась. Ни в котле, ни ниже по течению. «Засосало», – подумали все и молча переглянулись. Конечно, почти невероятно, что с такой же легкостью котел втянет в себя и катамаран, но может возникнуть другая проблема. Если на подходе к сливу катамаран потеряет скорость, зацепившись за камни, которых здесь хватало, то свалится туда совершенно инертным и котел его может просто держать на месте, не позволяя вырваться из плена. И усилия четырех гребцов в пенной воде могут оказаться недостаточными. Был похожий случай на Шуе в Карелии у них. На катамаране два парня и две девушки. В слив вошли грязно, свалились, полностью потеряв скорость. Хорошо, хоть не перевернулись. И стоят в котле, который их еще и под струю подтаскивает, притапливает, выйти не могут. Чуть расслабишься – тянет под струю, а силы-то небесконечны. Помогла страховка – забросили спасконец на катамаран с берега, там его пристегнули к раме и общими усилиями вытащили на чистую воду. Собственно, здесь намечался такой же запасной вариант. Но на страховке-то Пашка один. Достаточно ли будет сил одного человека, чтобы справиться с силой воды?

Все же решили проходить, чтобы не затевать обнос. Риск выглядел разумным. Пашка со спасконцом и ружьем остался на месте, остальные двинулись в обратный путь. В двух словах рассказали о проблеме Валевскому. Тот пожал плечами, давая понять, что он-то не видел порога, а товарищам своим верит на слово. Выдохнули и отчалили. Моросил дождик, заставляя прятаться комарье. По обоим берегам стояли мокрые деревья, кусты ивы и ольхи. Чуть выше, на террасах, росла камчатская береза. Вдалеке над долиной нависали серые хребты с кедровым стлаником на вершинах.

– Удачи! – крикнула с берега Юля, махая одной рукой и сжимая ракетницу и шашку в другой. Все молча отсалютовали ей на мгновение поднятыми веслами. Шеверу преодолели кое-как, пару раз сев на камни, но по-другому было сложно, нужно было уходить далеко к противоположному берегу, откуда был проблемный заход в слив. А так, подрабатывая веслами и толкаясь от камней, при помощи течения сами снялись, без десантирования в воду. К сливу подошли, хорошо разогнавшись, красиво обойдя заранее примеченные с берега скрытые обливники (камни, не выступающие из воды, но находящиеся очень близко к ее поверхности; не всегда прослеживаются по бурунам и пене). И вот он, слив...

Следует заметить, что с берега (с высоты берега!) водные валы и сливы никогда не выглядят так, как с воды. Отсюда они смотрятся совершенно по-другому. Гораздо выше или, наоборот, воспринимаются как целая пропасть. Этот слив впечатлял! На нем катамаран мог поместиться полностью, хоть и не вертикально. Внизу kloкочущая пена, зажатая камнями со всех сторон. Но было что-то еще... Саша, сидя на заднем месте справа, может, это и не так остро прочувствовал, как сидящие спереди Коля и Сергей, но и его на последних метрах перед сливом насторожило что-то необычное. Может, какое-то мутное облако, висящее над котлом? Но это, скорее всего, водяные брызги. Так от чего же так мерзко свело горло? Поздно! Вот оно! Катамаран, резко наклонившись вперед, ринулся вниз. Передние гребцы отпрянули назад, почти легли на спину, чтобы не увеличивать опрокидывающий момент своим телом, и подняли вверх весла, готовые их тут же опустить в пену, как только катамаран выровняется. Бедра надежно зафиксированы в упорах. Удар! Нос глубоко вошел в пену котла. Тела передних гребцов скрылись в ней наполовину с поднятыми веслами, большая скорость массивного катамарана толкала его вперед, одновременно начиная поднимать из пены по мере увеличения объема, погруженного в нее. Все шло нормально и ожидаемо. Саша даже успел увидеть на берегу взволнованное лицо Пашки, который, несомненно, переживал за них. А потом последовал новый удар. Словно катамаран уперся носом в стену или камень, что более вероятно, скрытый пеной. Но... как? Разве такое может быть прямо посреди котла? Мощная струя воды давно должна была вышвырнуть препятствие со своего пути. Если это только не свежий подарочек, скатившийся со склона в этом году. Или даже несколько лет назад...

Все эти мысли пронеслись вихрем в Сашиной голове. А уже в следующее мгновение он ощутил, что струя воды поднимает корму вверх, ставя катамаран вертикально. «Вот это будет киль! – мелькнула следующая

мысль. – Жалко, фотки не будет». Между тем катамаран действительно поставило вертикально, а поскольку нос по-прежнему упирался во что-то, то и продолжало толкать вперед, прямо в загадочное облако, которое оказалось к тому же совершенно непрозрачным. Сквозь него вообще ничего не было видно. «Странно, почему мы не обратили на него внимания с берега», – пробежала следующая мысль. А потом катамаран начал падать, совершая переворот через нос. Саша выставил вперед руки с веслом, пытаясь хоть как-то защитить себя от камней, которые наверняка поджидали его в пене и мутном мареве, которое их словно проглатывало. Казалось, что это длится вечность. Сплошное падение через вязкое ничто. Вокруг ничего не было видно, кроме липкой серости. И это бесконечное падение... «Вот так перед смертью, наверное, и видишь всю свою жизнь», – пронеслось в голове.

Между тем падение продолжалось, только теперь, повинаясь силе инерции, они миновали положение вверх дном и падали кормой вниз, постепенно даже выравниваясь в нормальное положение... Но не успели. Снова удар. Корма погрузилась в воду, скрыв сидящих там с головой. Саша успел задержать дыхание, а спустя какое-то время вода начала выталкивать катамаран на поверхность. Он жадно вдохнул, в глаза ударил солнечный свет, зеленые берега. Вокруг клочкотала пена.

– Вперед! – проревел слева Игорь на правах капитана.

И, едва катамаран опустился всей поверхностью на воду, четыре весла погрузились в нее, стараясь достать под пеной до струи. Еще гребок! Еще! Катамаран медленно, но уверенно выходил из плена котла самостоятельно. Вскоре течение, поднявшееся со дна, подхватило его и понесло вперед.

– Чалка слева! – заорал Игорь следующую команду. И Саша с Колей, сидящие на правой стороне, сделали мощный гребок, в то время как гребцы левой стороны его пропускали. Когда катамаран развернулся, грести снова начали все, быстро достигнув близкого берега с крошечным галечным пляжем. Баллоны зашуршали по камням, все дружно оглянулись назад... Позади высился огромный слив, метров пять высотой. Почти водопад, только не вертикальный. Зажатая все теми же, но, кажется, чуть другой формы камнями, струя вырывалась из теснины, с ревом падая в бурлящий котел внизу. Нет, все, конечно, бывает, у страха глаза велики, с воды пороги выглядят всегда более внушительно, но так ошибиться они не могли! Никакого водопада они не видели с берега.

Глава 1

– А где Пашка? – спросил Коля севшим голосом.

Пашки на камнях не было. Все переглянулись.

– Пашка! – закричал Игорь.

Ничего. Рев воды, скрежет баллонов о камни.

– Что за хрень, – в сердцах молвил Сергей и первым соскочил на берег. За ним следом попрыгали в воду остальные, вытаскивая катамаран повыше и привязывая его за конец к большому валуну.

– Пашка! – снова закричал Игорь и устремился наверх к камням над водопадом, держа в руках весло. За ним бросились все остальные. Наверху никого не было. А водопад даже отсюда впечатлял. Они бы никогда не полезли в него. Что за наваждение? И он был как будто уже. Выше, но воды в реке было однозначно меньше, шевера перед ним была практически непроходима для четырехместного катамарана. Саша внимательно вглядывался в воздух над водопадом, выискивая то самое облако, которое его так поразило на подходе и в которое они кувыркнулись. Отсюда, сбоку, его видно не было, хотя какая-то неясная тень и присутствовала. Тогда он молча соскочил с камня и побежал вверх по течению, пытаясь найти оттуда позицию в анфас, так сказать. Он даже залез в воду, держась руками за выступающие камни, чтобы его не унесло течением, и разглядел-таки это марево примерно посередине водопада. Все такое же серое и непрозрачное, в окружении брызг воды.

– Ты чего тут? – спросил подоспевший Коля с берега.

– Облако, – ответил Саша.

– Что облако? – не понял тот.

– Мы нырнули в это дурацкое облако, и все пропало.

– Что пропало? Пашка только куда-то убежал.

– Ты не находишь, что погода резко поменялась и жарковато как-то стало?

– Может, и поменялась. Пока шеверу проходили, могла поменаться, а мы не заметили.

– А деревья? Посмотри вокруг! Ты видишь хоть одну березу? – не унимался Саша.

И действительно. По берегу все так же росла вездесущая ива, но выше, на террасах, были совсем другие лиственные деревья с темными стволами. Да, и ива была какая-то другая. Пока ходили вокруг порога, глазам

примелькалось определенное расположение кустов и деревьев, а здесь – Саша был готов поклясться, что растения занимали другое положение. Да и наличие водопада всех повергало в полный ступор. Надо быть полными идиотами, чтобы полезть в него. Просто чудо, что они не разбились. Хотя сама долина реки была очень похожа. Те же очертания хребтов вдали, скалы над сливом. Может, и не точно такие же, но очень похожие. Становилось уже попросту жарко, что тоже наводило на нехорошие размышления.

– Сань, побудь пока здесь с Колей, а мы с Сергеем сходим наверх, поищем Пашкин катамаран и Юлю. Мимо нас он не проплывал, а уйти он, в отличие от того же Пашки, по берегу никуда не мог. Да и вообще, посмотримся.

– Хорошо, – ответил Саша, вылезая из воды и направляясь к скалам над водопадом.

Присев на валявшийся неподалеку огрызок бревна, выброшенный когда-то паводком на берег, он мрачно смотрел вслед уходящим товарищам. Те прыгали по прибрежным камням, двигаясь в ту сторону, где метров за триста до порога, на небольшом плесе, остались катамаран-двушка и Юля. Отсюда этого места не было видно за кустами и небольшим изгибом реки. Коля тоже молчал, пытаясь осознать случившееся, но, очевидно, еще лелея надежду, что всему есть простое и понятное объяснение. Минут через десять из-за поворота появились ребята. И чем ближе они подходили, тем яснее становилось, что этого объяснения нет.

– Пусто? – спросил Саша.

– Пусто, – подтвердил Игорь. – И следов никаких нет. Вообще. Словно и не было там никого. – И, помолчав, добавил: – Тропу видели. Хорошо натоптана. Во-первых, я ее не помню, а во-вторых, она, судя по всему, не звериная. Слишком четкая и на поляне не теряется. Должна и здесь проходить где-то чуть выше. – И Игорь махнул в сторону склона.

– Обитаемые места начались? – высказал мысль Коля. – Пашка не говорил, что они тут будут. Обещал первозданную природу. Да и по карте тут пусто.

– А еще он говорил, что в этих краях в последнее время все стало быстро меняться, – вставил свое слово Сергей. – Мог чего-то и не знать. Может, тут какая другая партия работает вот и тропу уже натоптали?

– Или черные старатели, – мрачно добавил Игорь.

После этих слов все тревожно переглянулись. Об этом Пашка им успел рассказать. Черные старатели, их еще называли маугли, добывали золото нелегально в глухих местах. Про встречу же с такими тружениками Пашка

говорил только одно. Увидел – беги. Бросай все и беги. Очень быстро. Потому что очень велика вероятность того, что от тебя просто избавятся, как от нежелательного свидетеля. Ведь догадаться, зачем люди ковыряются в столь глухих местах в земле, совсем не сложно. А потом сболтнуть об этом где-нибудь. И поползли слухи. Зачем им так рисковать? Нет человека – нет проблемы. Куда делся? А кто ж его знает. Сгинул в тайге. Или в горах. Но эта плохая версия хоть и объясняла наличие тропы, а также с большими натяжками исчезновение Паши, Юли и их катамарана, никак не состыковывалась с появлением на реке водопада, в который они сиганули «не заметив», и появление на склонах совершенно других пород деревьев. В голове у каждого уже начинало крутиться то самое страшное в реальности слово – «попали». Но вслух произнести его все боялись, пытаюсь найти какое-нибудь более прозаичное объяснение. Итог тяжких раздумий подвел Саша:

– Надо бы осмотреться получше. Если есть тропа, значит, есть и люди. Надо пройти по ней осторожно.

– Вещи бросать нельзя, – возразил Игорь.

– Разделимся. Двое с вещами, один вверх по течению, другой вниз.

– Ты же знаешь, что хождение в одиночку крайне не рекомендуется.

– Значит, сначала сходить в одну сторону вдвоем, потом в другую, если ничего не прояснится. В принципе, вверх мы уже были и ничего там не видели. Если это тот верх... – При этих словах все четверо тревожно переглянулись. – А вот внизу мы по-любому еще не были. Значит, начинать надо оттуда.

– Хорошо, – согласился Игорь. – Давай ты с Колей прогуляешься вниз. Контрольное время четыре часа. Два туда, два обратно. За это время, мне кажется, по-любому должно что-то проясниться. Ружье возьмешь?

Да, тут следует добавить, что Паша снабдил их катамаран не только несколькими ракетницами и дымовыми шашками, но и старой одностволкой «ИЖ-16» с патронами. Предполагаемым пользователем намечался как раз Саша, как единственный служивший в армии. Хотя и Коля, как реконструктор, прекрасно знал, с какой стороны братья за столь простое оружие.

– Нет, пусть здесь лежит. А шашку и ракетницу возьмем.

– Ладно. А мы к вашему приходу пожрать чего-нибудь соорудим.

На том и порешили. Саша с Колей сняли гидрокостюмы, одевшись в обычные вещи, и переобулись в ботинки. Взяли компас с картой на всякий случай, по ракетнице и дымовой шашке от медведей и полезли на склон террасы, где предполагалась упомянутая тропа. Она действительно скоро

обнаружилась, петляя между нечасто росших... Больше всего это походило на буки. Или грабы. Черт их разберет. Но такие деревья они неоднократно видели на Кавказе. Да и тепло было совсем не по-камчатски. А комаров почти нет. И вообще пейзаж разительно отличался от привычного. Было очень мало травы, а все пространство под деревьями было завалено густым ковром прошлогодних или позапрошлогодних листьев. И жара! Там, у воды, это еще не так чувствовалось, а здесь была просто какая-то одуряющая духота пополам с запахом прелых листьев. Сняв ветровки, которые они надели по привычке, потому что до этого здесь было довольно свежо, они двинулись по тропе, внимательно поглядывая по сторонам. Впрочем, это не представляло проблем, потому что видимость в таком лесу была очень хорошая. Отпадала камчатская проблема неожиданно встретить за соседним кустом медведя. Но и сами они были здесь хорошо видны, что в случае встречи с некоторыми категориями людей было крайне нежелательно.

Двигаясь дальше, отмечали, насколько этот лес отличается от виденного ранее. Величественные деревья резко контрастировали с невысокими и кряжистыми камчатскими березами, подлесок был очень скудным, мало травы. Зато когда тропа подходила к краю террасы, то в пойме были видны обширные поляны с высокой травой. Несколько раз им попадались ответвления от тропы в сторону хребта, как правило, идущие по долинам небольших ручьев.

Так они и прошагали часа полтора, никого не встретив и не обнаружив каких-то дополнительных свидетельств цивилизации, пока не увидели с края террасы очередную большую поляну, вытянувшуюся вдоль реки, на которой паслось самое обычное стадо светло-коричневых коров. Штук пятьдесят, наверное. Радостно направились к ним, высматривая пастуха, чтобы узнать, далеко ли до селения и не видел ли он туристов, парня с девушкой.

Когда они обходили стадо, их обнаружила собака – здоровенный волкодав, чем-то похожий на кавказскую овчарку, с лаем бросившийся в их сторону. Ребята замерли на месте, справедливо полагая, что лучше собачку не провоцировать, ожидая появления пастуха. И действительно, вскоре раздался чей-то неразборчивый крик, после которого собака остановилась, глухо рыча на незнакомцев. А из травы на краю поляны поднялся длинноволосый совсем молодой парень, скорее даже подросток, в какой-то долгополой светло-серой рубаше без воротника, да еще и без штанов. Наверно, это и был пастух. Он смотрел на них с удивлением, но без страха. А чего ему бояться с таким-то стражем? Сохраняя на лице как можно более

дружелюбное выражение, ребята направились к нему, сопровождаемые глухим рычанием волкодава. Вскоре рядом с парнем из травы поднялась вторая голова, с волосами такой же длины, но, судя по мягким чертам лица, принадлежавшая девушке. Теперь понятно, почему парень без штанов. Как неловко получилось. Помешали...

– Здорово! – сказал Саша, сблизившись с парнем.

Тот посмотрел вопросительно и ничего не ответил.

– Здравствуйте, – повторил попытку Саша.

Снова молчание.

– До поселка далеко? – решил уточнить Саша.

На этот раз после короткого молчания парень ответил. Но Саша не понял ни одного слова. Тарабарщина какая-то. Что-то сказала девушка. Тоже ничего не понятно. Потом между ними состоялся короткий диалог, во время которого в Сашиной голове стали роиться самые нехорошие мысли, а сам он стал покрываться потом. Еще больше. Потому что он и так вспотел, пока сюда топал. Коля находился в не лучшем состоянии. Самые худшие опасения подтверждались. Оставалось только добыть более веские их доказательства. Два пастуха, говорящих на непонятном языке, – это, конечно, очень плохо, но еще оставалась вероятность какого-то дурацкого розыгрыша. Хотя водопад... Но черт с ним! Если есть пастухи, то, значит, где-то неподалеку есть и селение. Вот глянуть бы на него хоть одним глазком, и тогда все прояснится окончательно... Наверное...

Саша взял себя в руки и начал жестами объяснять, что хочет дойти до этого самого селения. Нет, он, конечно, говорил при этом, но сопровождал свои слова активной жестикуляцией. Складывал руки домиком, рисовал в воздухе прямоугольники окон. Подкладывал ладони под щеки, наклоняя голову набок, показывая, как засыпает. В конце концов пастухи, впечатленные такой пантомимой, махнули рукой на тропу, типа там. А может, просто послали куда-то. Кто их знает... Очень хотелось еще узнать сколько туда топать, но как это объяснить жестами, Саша не знал. Коля вообще стоял бледнея мела и явно был плохим советчиком в такой ситуации. Поблагодарив по-русски пастуха, он помахал ему рукой в прощальном жесте и, взяв Колю за локоть, направились в сторону тропы. Пастух махнул ему рукой в ответ, девушка помахала более интенсивно и даже как-то кокетливо. Волкодав, продолжая глухо рычать, проводил их до конца поляны, но дальше не пошел.

Когда они прошагали по тропе пару сотен метров, Коля пришел в себя и сдавленным голосом спросил:

– Ты уверен, что нам надо идти в это селение?

– Да. Нам надо его хотя бы увидеть. Отпадут сомнения в дурацком розыгрыше, и появится какая-то определенность.

– А если нас там схватят? – не успокаивался Коля. – Или вообще сразу прибьют?

– Возможно, – спокойно ответил Саша. – Но разве у нас есть варианты? Вот что мы будем дальше делать? Продолжать сидеть у того водопада? Рано или поздно нас все равно найдут. Тропа там совсем рядом. По ней ходят. Поплывем вниз – так селения нам не миновать, оно полюбому на реке стоит. К тому же не забывай о такой возможности, что это всего лишь пара приколистов, а селение самое нормальное – с машинами, электричеством и связью.

– Ты сам-то веришь в то, что сказал? – скептически спросил Коля.

– Нет. Но убедиться надо. Признаки нашей цивилизации какие? Машины, провода... Ну, внешний вид домов, наконец. Людей даже. Эти-то двое явно не от мира сего... Или нашего. Надо посмотреть на селение, – подвел итог Саша.

– А может это какие-то староверы? – выдвинул версию Коля.

– Ага. Без штанов. Говорящие на непонятном языке. Корякские староверы.

– На коряков они не похожи.

– На русских тоже.

– А может, сектанты какие-нибудь? Ну, там, хари кришна и прочее. Живут по заветам предков, не пользуются электричеством и техникой. И говорят на своем выдуманном языке.

– Ты по-английски хорошо говоришь? – спросил Саша. – Как я на поляне, ты говоришь. С жестами еще понять можно, но до совершенства тебе явно далеко. А эти говорили свободно. Это их родной язык.

– А может... – не унимался Коля.

– Селение, Коля. Се-ле-ни-е, – по слогам проговорил Саша. – Все ответы находятся там. Или новые вопросы. Но посмотреть надо.

Дальше они шли молча, не обращая внимания на усталость. Теперь тропа стала широкой, натопанная множеством копыт коров, с многочисленными лепешками на ней различной степени свежести. По пути утолили жажду в пересекавшем дорогу ручье, испытывая при этом большие сомнения – стоит ли это делать. В этой части Камчатки пить воду можно было почти везде, хоть прямо из реки. Она была чистейшей, а прохладный климат делал ей безопасной. Но с этой жарой... На всякий случай прошли чуть выше по течению от дороги и попили там. Пошел третий час, как они ушли от водопада. По-хорошему пора бы было

возвращаться, но оба понимали, что ситуацию надо прояснить до конца. Долина становилась все шире, в одном месте, где тропа снова подошла к самому краю террасы, Коля проверил сотовый телефон, достав его из внутреннего кармана ветровки, которую нес в руках. Связи не было.

Вскоре они слышали отдельные крики впереди. Вроде какие-то команды и что-то неразборчивое. Слов разобрать было невозможно. А может, это просто другой язык. Переглянувшись, друзья прибавили шаг. Между деревьев показалась вырубка, на которой были люди. Прячась за деревьями, ребята, как диверсанты, стали приближаться к свободному пространству, чтобы получше рассмотреть, что там происходит. На самый край выходить не стали и, присев за камнями, стали наблюдать. Несколько человек толстыми палками кантовали стволы деревьев к реке. Там был пологий спуск к воде с двумя бревнами в качестве направляющих. Ну, все понятно без перевода. Классическое «раз-два, взяли!», только не по-русски, а потом «э-эх!». Последнее в переводе не нуждалось. И еще что-то, возможно, в вольном переложении означающее «...твою мать». Саму реку было не видно, но несложно догадаться, что таким образом бревна будут сплавлять ниже по течению. Люди были одеты примерно так же, как и пастухи, – в длинные рубашки без воротников, примерно до середины бедра, и с голыми ногами. На ногах что-то типа сандалий. Все они были со светлыми волосами до плеч разных оттенков и бородатые. Несколько человек поднялись по склону от реки, явно направляясь за следующим бревном. На другом конце вырубки стояли телеги, запряженные лошадьми, с непонятным грузом. Вокруг них тоже крутились люди, которых подробно рассмотреть отсюда было невозможно. Бревна, валявшиеся везде на вырубке, были толстыми, длинными и ровными, как на подбор. Рубили не все деревья, а только те, которые отвечали каким-то стандартам. А значит, это не дрова... И это, скорее всего, не сектанты.

Проверив еще раз связь на телефоне и убедившись в ее отсутствии, Коля грустно вздохнул.

– Ты по-прежнему хочешь дойти до селения?

– Уже нет, – мрачно ответил Саша. – Во всяком случае, не сегодня. Мы увидели достаточно, чтобы начать обсуждать, что делать дальше, всем вместе.

– Попали? – грустно спросил Коля.

– Вляпались по самое не балуйся, – сосредоточенно ответил Саша, не сводя глаз с вырубки и людей на ней. – Пора валить.

Обратный путь на первых порах казался легче, хотя и шел с небольшим подъемом. Ребята на автомате замечали характерные места,

мимо которых проходили раньше: вывернутые с корнем деревья, крупные валуны у тропы, характерные изгибы террас и пересекающие тропу ручьи. Вскоре они проходили мимо поляны, где общались с пастухами. Тропа шла совсем близко от края террасы, деревья росли негусто, а кустов почти не было. Поэтому их заметили, девушка встала и снова помахала им рукой. Они помахали ей в ответ. Постояли немного, глядя друг на друга, а потом ребята пошли дальше. День клонился к вечеру, они безнадежно опаздывали к контрольному сроку, условленному с друзьями. Вскоре им навстречу попала еще одна девушка, подросток, спускающаяся по тропе сверху. Такая же светловолосая, по сути без прически, если не считать за нее грубо подстриженную челку, с голубыми глазами. Все та же светло-серая рубаша до середины загорелых бедер, грязные ступни в сандалиях. За плечами у нее была небольшая плоская корзина на толстых лямках, надетых на плечи. Эта смотрела на них тоже с любопытством, но еще и с некоторой опаской. Саша изобразил на лице самую добродушную улыбку, а Коля, опередив его, брякнул:

– Привет! – и помахал рукой, впрочем, не вытягивая ее вперед.

Девушка что-то сказала и, не спуская с них глаз, боком разминулась с ними на тропе. Немного пройдя молча, Коля сказал:

– А девчонки здесь ничего! Красивые.

– За нее дадут больше, чем она весит, – философски заметил Саша.

– Думаешь, здесь есть уголовное законодательство?

– Может, и нет, но наверняка есть традиции. Поэтому, мой милый друг, держи себя в руках.

– Я просто констатировал факт! – возмутился Коля.

– Ну разумеется, – согласился Саша.

Вернулись они, опоздав на час. С тропы ничего видно не было – катамаран был причален внизу, за обрывом. Если бы не слабый дымок, поднимавшийся кверху, то можно было подумать, что здесь никого нет. Подойдя к реке, ребята увидели небольшой костерок, сбоку от которого висел кан, чтобы не остыл, и Игоря с Сергеем, о чем-то разговаривавших. Спустившись к ним, Саша с ходу выпалил:

– А вот и кавалерия! – и бросил ветровку на землю, а сам направился к речке умыться и освежиться.

– Вы где столько ходили? – сердито спросил Игорь. – Неужели так трудно было повернуть обратно через два часа?

– Ты девчонку видел? – вместо ответа спросил Саша.

– Какую девчонку? – удивился Игорь.

– Тогда подожди. Жрать хочу – сил нет. А без пол-литры тут всего не

расскажешь. – С этими словами Саша потянулся к лежавшему рядом гермомешку, где должна быть их с Колей посуда. Игорь тем временем достал из речки баклашку уже разведенного спирта и открутил пробку, ожидая кружки. Прозрачная жидкость пробулькала по металлическим емкостям, Саша с наслаждением принялся к гречневой каше с тушенкой, которую навалил себе в миску, и взял протянутую ему кружку.

– Парни, мы все-таки встряли! – начал он. – Ну, будем... – И опрокинул в себя холодную жидкость, разлившуюся теплом по организму. Закусил кашей, хрустнул долькой луковицы и начал рассказ об увиденном...

Когда Саша закончил повествование, все молча переваривали услышанное. Желая как-то разрядить атмосферу, он вынес предложение:

– Для начала надо поэкспериментировать с этим облаком над водой. Покидаться туда чем-нибудь...

– Уже... – буркнул Игорь. Я обвязался веревкой, Серега меня держал, подобравшись как можно ближе к краю водопада, бросал туда разные предметы – палки и камни. Все пролетает насквозь. Кроме тех предметов, которые попадают в края облака. Эти отскакивают назад.

– Как это? – удивился Саша.

– Обыкновенно, – ответил Игорь, пожимая плечами. – Отскакивают, как от стенки. Звук расслышать в этом шуме не получалось.

– Это отчасти объясняет, почему наш катамаран сделал такой кульбит, – размышлял вслух Саша. – Эта аномалия...

– Портал, – поправил Сергей.

– Ну... пусть портал, – согласился Саша, – имеет твердые края, в которые мы уперлись, и нас опрокинуло течением, забросив в портал. А здесь мы вывалились с высоты. В некотором роде нам повезло. Если бы мы упали здесь вниз головами, а катамаран сверху, неизвестно еще что было бы.

– Да, уж... повезло... – со вздохом проговорил Коля.

– Пашки не было? – ни на что не надеясь, спросил Саша.

– Нет конечно. Было бы странно, если бы он сюда полез, – устало сказал Игорь.

– Ждать будем? – задал следующий риторический вопрос Саша.

– А смысл? – возразил Игорь. И начал рассуждать, чтобы привести мысли в порядок. – Что он видел? Мы воткнулись во что-то носом, потом нам начало задирать корму. Все это очень быстро на самом деле, и помочь он вообще никак не мог. А потом нас забросило в это облако, из которого мы не появились... Первое, что он мог подумать, – что нас все же засосало

в котел. Но даже в самых плохих случаях какие-то части катамарана должны были мелькать в пене, погружаясь обратно. В крайнем случае должно было выплунуть хоть что-то ниже по течению. А значит, он рано или поздно пойдет потом вдоль реки, искать нас или то, что от нас осталось. И ничего не найдет. На это он потратит очень много времени. Разумеется, при таких раскладах он ни за что не полезет в сам порог, а значит, ждать его незачем. Второй вариант – это если он все же свяжет наше исчезновение с облаком и подумает об аномалии. Мне кажется, что в этом случае он тем более не должен лезть в порог, потому что природа этой аномалии не известна и о том, что мы живы, он понятия не имеет. Это только в книжках люди через порталы попадают в другие миры и у них начинаются приключения. А так-то, если подумать, это вообще может быть какой-то аннигилятор, уничтожающий материю или совершающий преобразования, не совместимые с жизнью обычного человека.

– Но нас же будут искать, – утверждающе сказал Саша.

– Конечно будут, – согласился Игорь. – Но, во-первых, начнут не скоро. А во-вторых, не найдут.

– Думаешь, никто не обратит внимания на облако?

– С чего бы?

– А если Пашка будет настаивать именно на облаке?

– Ему никто не поверит. Это же чистой воды фантастика. Мы палку бросали в котел. Там действительно не очень понятно, утонула она или еще куда-то делась. Искать, конечно, будут долго. Всю реку обшарят. МЧС, вертолеты... Ну, пропали люди, бывает...

– Ждать будем? – спросил Сергей.

– А смысл? – ответил Игорь. – Даже если сюда вывалится спасатель, обратно он вернуться не сможет. И окажется в таком же положении, как и мы.

– Человеку хоть поможем, – грустно сказал Сергей. От водопада с таинственным облаком уходить не хотелось.

– Что-то мне подсказывает, что попасть сюда все же не так просто, – рассуждал Игорь. – Иначе с этой стороны уже был бы комитет по встрече.

– Вряд ли, – возразил Саша. – С той стороны места глухие. Возможно, мы вообще первые идиоты, угодившие в эту дурацкую дырку.

– Ну, что же. Подведем итоги размышлений, – сказал Игорь, разливая по второй. Выпили молча. – Весь сегодняшний день Пашка и Юля будут бродить вдоль реки в поисках наших останков и вещей. Если не полезли в порог сразу, то потом точно не полезут. И правильно. Это время уже давно вышло. Дальше у них два варианта. Первый – это бросить катамаран и с

минимальным количеством вещей и продуктов уходить вверх по течению, а потом через отроги хребта в соседнюю долину, к геологам. Это дней пять минимум. Там знакомые люди и связь с цивилизацией через мощные радиостанции. Вызовут МЧС. Это еще день-два. Итого неделя. Второй вариант – это обнести порог по берегу и как можно быстрее спускаться к Еловке и дальше к Ключам. Там уже и заявить обо всем случившемся. Это дольше. Дней десять, а то и больше. Плюс те же день-два, пока сюда придут спасатели. К тому же неизвестно, есть ли ниже по течению серьезные пороги. Проходить вдвоем их будет очень рискованно, а обносить – долго и тяжело. В общем, скорее всего, он выберет первый вариант. Но что это нам дает? Кто бы здесь ни появился, он нам ничем не поможет. И не раньше чем через неделю. А за это время нас, скорее всего, найдут местные.

– Они мне не показались агрессивными. Такое ощущение, что им вообще пофиг, кто здесь ходит, – вставил Саша.

– Это до поры до времени. Должна же здесь быть какая-то власть? А власти нужно что? Правильно, чтобы все платили налоги. А мы их не платим.

– Мы иностранцы, – возразил Саша.

– И подданные какого мы государства?

– А что ты предлагаешь?

– Не знаю, – сник Игорь. – Сидеть на месте глупо, куда-то лезть страшно.

– Надо контакт налаживать с местными, – подал голос Коля. – Сходить завтра к пастухам, мне показалось, с ними просто общаться. Подарить что-нибудь из вещей, попробовать еще поговорить, хоть знаками. Может, и в селение сходить. Хотя лесорубы выглядели не столь дружелюбно...

– Ну, если бы ты целый день топором махал, а потом таскал бревна, то в это время тоже не выглядел бы дружелюбно, – вставил Саша.

– Ладно. Завтра попробуем, – согласился Игорь. – Только сначала надо основные вещи попрятать. Я тут осмотрел окрестности и на склоне обнаружил небольшую пещеру... Ну, как пещеру. Это какая-то щель в скале, неглубокая и открытая. Но в верхней части она немного углубляется в склон, и там образуется навес. Места немного совсем, но разобранный катамаран и прочие вещи, которые нам непосредственно сейчас не нужны, там вполне поместятся. Разумеется, упакуем все тщательно, чтобы не промокло, можно ветками прикрыть или листвой присыпать. И пойдем завтра все вместе знакомиться с местными реалиями.

В целом все были согласны с этим планом, потому что сидеть на месте

в ближайшие дни не имело смысла. Не откладывая задуманное в долгий ящик, начали разбирать катамаран, сдули баллоны и повесили сушиться. А вскоре поставили палатки и улеглись спать.

Глава 2

Как это ни странно, но ночью им никто не мешал и утром не пришли арестовывать местные компетентные органы. Позавтракав, начали перебирать свои вещи, решая, что им взять с собой, а что спрятать. Оставляли все, имеющее отношение к водному сплаву, катамаран, насос, весла, гидрокостюмы, спасжилеты и каски. Также решили оставить часть еды, упаковав это в гермомешок. Все остальное укладывали в рюкзаки, в том числе и палатки со спальными мешками. Конечно, брали с собой ружье и ракетницы с дымовыми шашками, хотя, по уверениям Саши, явной опасности тут для них пока не было, даже от зверья. Когда собрались, втроем потащили водное снаряжение к упомянутой Игорем щели, поднявшись сначала на террасу, а потом и начав карабкаться по заваленному прошлогодней листвой склону. Солнце уже поднялось достаточно высоко, но еще не прогрело воздух под густой кроной мощных деревьев до вчерашней духоты. Тем не менее крутой подъем и приличный груз заставил их основательно взмокнуть. Так что, когда они дотащились минут через двадцать до заветного места, пот катил с них ручьями. Отдышавшись, ребята заглянули в расщелину между камней, наполовину заваленную листвой, и действительно обнаружили там небольшую нишу под скальным козырьком. Игорь, вооружившись длинной палкой, на всякий случай потыкал ей по листве на предмет того, не притаился ли там какой-нибудь гад ползучий или нет ли там провалов под листвой, в которых можно запросто сломать ногу. Все было нормально, а листва была плотно слежавшейся. После чего он сам спустился на дно и, принимая вещи от друзей, уложил их в самом дальнем краю расщелины, куда не должны попадать дождевые воды. Затем нагребли с округи листвы и полностью засыпали поклажу ими, так что сверху обнаружить ее там было невозможно. Разве что обратить внимание на следы вокруг. Но с этим поделаться уже ничего нельзя. Как ни заматай следы, а опытный глаз наверняка сможет обнаружить здесь признаки деятельности. В общем, выдохнули и отправились обратно, спустившись довольно быстро.

После долгих раздумий ружье все же решили убрать в чехол в разобранном виде, приторочив его сбоку к Сашиному рюкзаку. Раз по здешним местам бродят одинокие девушки с корзинками, эдакий местный вариант Красной Шапочки, значит, здесь все же относительно безопасно. А поскольку технический уровень местного населения все же неизвестен, то

лучше не смущать их стволом. Если же рассуждать о ценности ружья как предмета обороны от туземцев, то она была сомнительна. Разве что как отпугивающее средство. Но с этой точки зрения и дымовые шашки, и сигнальные ракетницы были намного эффективнее. А они-то были у каждого засунуты в боковые карманы штанов. Одежда, конечно, была на них явно неместного фасона, так что незаметно затеряться не получится. Но с другой стороны, ничего яркого, бросающегося в глаза. Хорошо, что они вчера поперлись не в гидрокостюмах. Вот это одеяние действительно могло шокировать местных. А каски еще могли навести и на мысли о принадлежности пришельцев к военному сословию. А так – ну, чудики какие-то, ну, болтают не по-местному и не понимают, соответственно, ничего. Вопрос лишь в том, откуда они тут взялись. Но ни задать его им, ни получить внятного ответа пока никто не сможет... Наверное...

В общем, подтянув все ремни и лямки, друзья взвалили рюкзаки на плечи и вышли на тропу, по которой вчера так удачно прогулялись Саша с Колей. Первым делом собирались добраться до поляны с пастухами. И если они там, то начать налаживать контакт с ними. Но не успели.

Пройдя чуть больше километра, они наткнулись на встречную делегацию местных, неожиданно вынырнувшую из-за поворота тропы, огибавшей уступ скалы, и направлявшуюся явно к ним. Это было человек десять разновозрастных мужиков, все в тех же длинных рубахах. У кого-то – засаленных, грязных и рваных, у кого-то почище. В руках у каждого был топор, явно лесорубский, на длинной ручке. Но у двоих были ружья. Причем явно старинной модификации, с кремневыми замками. Это Саша и Коля, как бывалые реконструкторы, определили с первого взгляда. Вот тебе и мирные туземцы! Как хорошо, что они спрятали ружье в чехол. Толку от него против такой толпы точно не много, а вот спровоцировать оно могло.

Когда толпа приблизилась, а друзья в этот момент остановились как вкопанные, тихо переговариваясь, то стало видно, что среди туземцев две женщины. Одна с какой-то саблей, висевшей на широком поясе в ножнах, вторая с топором, который она крепко сжимала сильными натруженными руками. А сзади еще маячила та самая девчонка, которая им попалась вчера на тропе с корзинкой за плечами. Последовала короткая немая сцена, во время которой обе стороны внимательно изучали друг друга. Один из мужиков, судя по всему старший, и в самой чистой, даже расшитой узорами рубашке, что-то спросил у девчонки. Та затараторила что-то в ответ, указав пальцем на Сашу. Мужик сделал еще несколько шагов навстречу и начал говорить. Друзья, естественно, ничего не поняли. Речь его явно не была агрессивной, но и не содержала никакого подобоострастия

или любезности. Таким тоном обычно произносят что-то вроде «прошу следовать за мной до выяснения обстоятельств». Но ручаться за это, разумеется, было нельзя. Пауза затянулась. Ребята не знали, что делать. Местные тоже, судя по всему, были в затруднении. Тогда мужик повернулся боком и, вытянув руку вдоль тропы, куда и направлялись ребята, с видимым трудом выдавил из себя корявое «пожалуйста».

Та-а-ак... Ситуация отчасти становилась более определенной. Во-первых, к ним не относятся явно враждебно и не собираются в ближайшее время причинять вред. А во-вторых, местным все же известны некоторые русские слова. Значит, они тут точно не первые. Ну что же, раз просят, то надо следовать рекомендациям. Вскоре все обязательно должно проясниться.

Вся процессия двинулась обратно. Три человека шли впереди, иногда негромко о чем-то переговариваясь. Затем ребята. А все остальные шли сзади, что-то бурно обсуждая. Друзья тоже обсуждали случившееся, но единодушно сходились во мнении, что в данной ситуации надо просто подождать дальнейших событий. Все остальное время молчали.

Вскоре миновали поляну с коровьим стадом. Все те же пастухи поднялись из травы, но поскольку процессия не остановилась, то просто помахали им руками. Несколько человек махнули им в ответ и что-то прокричали. Коля тоже помахал пастухам, и ему показалось, что девушка машет в ответ именно ему. Путь продолжался. Вообще ребята начали уставать. Рюкзаки, хоть и облегченные, со всем барахлом и продуктами весили килограммов по 20–25. Ничего страшного, но обычно туристы делают небольшие остановки для отдыха каждый час минут на пять или десять. А они уже топали второй час, и когда будет остановка, неизвестно. Пока терпели. К счастью, вскоре они дошли до вырубki, где были еще люди, немедленно обступившие их и с любопытством разглядывавшие. На темноволосых Колю Паперна и Сергея Валиевского показывали пальцами. Среди местных блондинов они были явно оригинальными.

Старший, разговаривавший с ними, начал что-то обсуждать с лесорубами или рассказывать им. А ребята в это время сбросили рюкзаки, с наслаждением разминая уставшие плечи. Почти три часа непрерывной ходьбы с грузом изрядно вымотали их, и они радовались возможности отдохнуть. В это время старший то и дело поглядывал на них, явно что-то оценивая и продолжая переговариваться с лесорубами. Потом и сам присел на бревно, явно намереваясь отдохнуть. Поскольку расположились они рядом с телегами, то вскоре пришедшим мужикам из них достали перекусить – хлебные лепешки, пару небольших кругов сыра и морковь.

Все это они запивали водой из деревянного ведра. Пока ребята думали, доставать ли им свои пожитки из рюкзаков, встреченная вчера девчонка поднесла еду и им. Все то же самое. Вымытая и слегка почищенная, готовая к употреблению морковь, лепешка размером с обычный лаваш, а вот сыр явно вкуснейший, источавший аромат свежести.

Теперь ребята рассмотрели девчонку повнимательней. Узкое вытянутое лицо с тонким носом, пожалуй, чуть тяжеловатый подбородок, близко посаженные большие серые глаза. Телосложение нормальное, стройное. Не было никакого запаха застарелого пота и грязного тела – местные явно следили за собой даже в этой глуши. Разве что ступни в пыли, но это и неудивительно – листва в лесу пыльная, и если гуляешь по ней в сандалиях, то быстро пачкаешь ноги. Даже ногти на ногах были хоть и грубо, но все же подстрижены.

Подавая ребятам еду, девчонка тоже с любопытством и уже без всякой опаски их рассматривала, заглядывала каждому в глаза. А Коле даже улыбнулась. Саша достал из кармана складной нож и начал резать мягкий белый сыр толстыми ломтями, раскладывая его на сидушке, вынутой Колей из рюкзака. Лепешку ломали руками, а морковкой хрустели целой, хотя и мелькнула мысль, что надо бы ее сначала помыть. Девчонка живо заинтересовалась и ножом, и сидушкой, сделанной из невиданного здесь материала. Но руками никуда не лезла, старалась сдерживаться.

– Может, подарить ей ножик? – спросил Коля.

– Вроде не женский подарок, – возразил Саша с набитым ртом.

– Ха! Ты видел, как та женщина на тропе держала саблю? Что-то мне подсказывает, что она очень хорошо умеет с ней обращаться.

– Все может быть, – ответил Саша. – Но это-то невинное создание ничего такого не имеет. Мне кажется, что лучше сделать такой подарок тому мужику в расшитой рубашке. Ножей у нас не так уж и много, разбрасываться по пустякам не стоит.

Тем временем и старший, и многие, кто был рядом, несомненно заметили нож у ребят, который Саша, порезав весь небольшой круг сыра, положил все на ту же сидушку. Но вели себя сдержанно, что явно свидетельствовало о некотором уровне культуры, близком по понятиям для наших соотечественников.

– Не жадничай, Сань, – не отставал Коля. – Захотят – все отнимут. К тому же, видишь, мужик мнется, наверно, не в их обычаях выклянчивать, а может, и принимать подарки от незнакомцев. Да, и как ты ему подаришь его? Пойдешь с ножом к нему? А кто знает, что у тебя на уме. Навалятся всем скопом да скрутят руки. Оно тебе надо? Вот если бы он рядом сидел,

тогда другое дело. В конце концов, он лично для нас ничего не сделал, а девчонка еды принесла. Вот попить бы еще... – И после этих слов Коля начал жестами показывать, что хочет пить.

Девчонка быстро встала, сходила к телеге, достав оттуда большую деревянную кружку, а на обратном пути прихватила ведро с водой и принесла к ребятам. Особо не напрягаясь, кстати, – крепенькая, хоть и юная.

– Премного благодарны, – с улыбкой сказал Коля, не вставая, и приложил правую руку к сердцу, наклоняя голову вперед.

Девчонка задорно улыбнулась в ответ и взялась кончиками пальцев за края рубашки, отводя их в стороны, завела левую ногу за правую, поставила ее на носок и слегка присела с удивительной грациозностью. При этом продолжая улыбаться. Да, Коле местные девушки начинали нравиться все больше и больше.

– Интересно, трусы на ней есть? – проговорил Коля, улыбаясь.

– Угомонись, кобелина, – негромко посоветовал Саша, тоже улыбаясь. А потом все же решил подарить ножик. Тщательно вытер его о листья на валявшейся здесь же ветке от срубленного дерева и, держа двумя пальцами за середину, протянул его их кормилице и поилице.

Девчонка явно обрадовалась, глаза у нее вспыхнули, и она схватила предложенное, сжав рукоятку всей ладонью и подняв лезвием высоко вверх на вытянутой руке. А потом начала внимательно разглядывать, наверно пытаясь понять, как он складывается, поскольку она видела, как этот предмет из обычного бруска превращается в нож. Саша осторожно взял нож обратно и, держа его перед девчонкой, показал, на какой рычажок надо нажимать, чтобы лезвие сложилось. Та сияла от радости, пребывая в явном восторге от такого щедрого подарка. И начала с увлечением складывать нож и раскладывать снова, временами пробуя остроту лезвия на соседнем бревне.

А потом к ним снова подошел мужик в расшитой рубашке и уже со знакомым жестом руки более уверенно проговорил:

– Пожальуйста.

– Да, мы готовы, – ответил Саша и встал, надевая рюкзак.

Теперь они шли через частые вырубки, начавшие зарастать молодняком, перемежаемые участками некондиционного леса на каменистых россыпях. Тропа превратилась в явную дорогу. Часа через два лес кончился, отроги хребта ушли в стороны, открывая холмистую равнину, на которой зеленели поля, засеянные чем-то злаковым. А вскоре показалось и большое селение, шедшее в основном вдоль реки. Вокруг него были

сплошные огороды с межевými столбами между грядок. На них копошились женщины и дети, ведя вечную борьбу с сорняками. Все с интересом поглядывали на диких людей, которые шествовали в сопровождении местных. Впрочем, особого ажиотажа это не вызвало. То есть за инопланетян их явно никто не принимал, а забот и своих было полон рот. А где-то вдалеке на фоне пронзительно синего неба возвышался снежный конус огромной горы. Или вулкана. Если они все же на Камчатке, то это Шевелуч.

Когда группа приблизилась к селению, то стало ясно, что здесь нет ни электричества, ни машин, на что они уже, конечно, особо и не надеялись. Но все же стало несколько грустно. Дома были все деревянными, из бревен, что было естественно при таких лесах вокруг, крытые дранкой. Окна были затянуты какой-то мутной пленкой, скорее всего животного происхождения, с массивными ставнями. Фасадами дома выходили прямо на улицу, а остальное пространство было отгорожено высокими деревянными заборами, за которыми виднелись какие-то деревья, наверно, садовые. Так, провожаемые умеренным любопытством, они дошли до участка с большим двухэтажным домом. Им открыли ворота, но внутрь зашли не все, а только мужик, умевший говорить «пожалуйста», женщина с тесаком, два здоровенных облома с ружьями и девчонка, ошастливленная складным ножиком. Все остальные разбрелись по селению. Впрочем, на подворье народу хватало. Здесь все было с размахом, на месте не экономили, что представляло собой разительный контраст с привычными ребятам дачными участками. Территория этого участка только по фасаду была метров сто. Насколько он уходил вглубь, было непонятно, потому что вид был закрыт домом, конюшней и сараями, а дальше – явно садовыми деревьями, среди которых ребята однозначно опознали яблоню по зеленым плодам.

Мужик в расшитой рубашке начал отдавать какие-то распоряжения, народ засуетился, на ребят особого внимания никто не обращал. Из небольшой пристройки сбоку от дома выносили какие-то вещи. Вскоре к ним подошел главный и, указывая рукой на ту же пристройку, повторил свое «пожалуйста». Ребята подхватили рюкзаки и двинулись в указанном направлении. Войдя, обнаружили просторную комнату с двумя большими кроватями у стен, массивный стол посередине и две длинные скамейки вдоль него. В углу печка, которая по причине теплого времени года давно не топилась. Ничего лишнего. Большое окно, затянутое все той же пленкой. Только не сплошняком, а разбитое на несколько маленьких секций и на больших деревянных петлях. Окно было раскрыто настежь. И никаких

решеток на нем не было. Через него можно было не то что вылезти, а выйти. Выждав немного, пока ребята осматриваются, мужик бросил короткое «ждать» и вышел.

Постояв, ребята ожидали услышать звук запираемого замка или задвигаемого засова, но ничего подобного не было.

– Ну, вот и цивилизация, – подвел итог Игорь. – Местного разлива... Встряли?

– Связи нет, – констатировал Коля, включив и снова выключив свой смартфон.

– Не свети его тут особо, – посоветовал Игорь.

– Само собой, – согласился Коля. – Он мне будет дорог как память.

– Уй, блин! – воскликнул Саша, с размаху плюхнувшись на кровать, прикрытую тонким матрасом. – Деревянная.

– Простота и функциональность, – резюмировал Сергей.

– Че делать будем? – поинтересовался Коля, садясь на другую кровать.

– Ждать. Тебе же сказали, – ответил Игорь, начиная рыться в рюкзаке. – Гору видели? Это может быть Шевелуч?

– Да кто ж его знает, – сказал Саша, доставая карту. – По положению похоже. Больше сказать нечего. Разве что ручьи, впадавшие в нашу речку, примерно в тех же местах и по количеству совпадают. Я считал. И в целом конфигурация долины похожая. Так что очень может быть, что мы все же на Камчатке, только какой-то резко потеплевшей и населенной совершенно другими людьми. Отсталыми в сравнении с нами.

– Это еще неизвестно, – не согласился Коля. – Мы явно на окраине этой цивилизации.

– Ну, встретить мы здесь геологов, у них было бы и то больше признаков высокоразвитого общества, – парировал Саша. – А здесь даже ружья старинные. Кремниевые, скорее всего. Фитилей я не заметил. Это о чем-то да говорит. Хотя согласен – развитие у местных может быть неравномерным.

– В любом случае ждем. Нас явно держат, чтобы показать кому-то более сведущему, – подвел итог Игорь. – И русские слова от старшего прозвучали неспроста. А значит, скоро все прояснится.

Со двора послышался топот. Сергей быстро выглянул в окно, а потом сказал, повернувшись к друзьям:

– А вот и гонец поскакал куда-то. Наверно, поведать, что поймали очередных инопланетян.

– Насчет поведать согласен, – сказал Саша, – но вот насчет инопланетян – нет. Местные, на мой взгляд, довольно пофигистичны к

чужакам. Разумеется, если они ведут себя спокойно. А вот проверять, так ли это в противном случае, мне совсем не хочется.

– Поэтому будем хорошими мальчиками, – сказал елеинным тоном Коля и скорчил комично-невинную физиономию...

И все, как отрезало. К ним никто не заходил, ничего от них не хотел. Во дворе было в целом тихо. Иногда слышались негромкие голоса, через двор ходили люди, чем-то занятые, а перед воротами напротив дома, в тенечке, ненавязчиво сидела девочка лет десяти, явно не тянувшая на сторожа, а скорее выполнявшая функции тревожного колокольчика. Ребятам наскучило сидеть в комнате, и они выбрались на небольшое крыльцо, но жаркое солнце вскоре загнало их обратно. Впрочем, Коля вскоре отправился к девочке и жестами начал объяснять, что хочет пить. Девчонка молча сходила в пристройку, очевидно, что-то вроде летней кухни, и принесла оттуда большой глиняный кувшин, но пустой. И указала на колодец под забором. Колодец – обычный сруб, глубиной метров пять. С деревянным воротом и веревкой, намотанной на него. Ведро, естественно, тоже деревянное. Зачерпнув воды, Коля, почти не пролив ее, наполнил кувшин и отнес в пристройку ребятам. Попили.

– А сортир у них тут где, интересно? – поинтересовался Саша.

– Спроси у девчонки, – посоветовал Игорь.

Саша замялся.

– Неудобно как-то.

Дальше сидели молча. Но вскоре нужда разной степени важности начала припекать всех, и Коля, как наиболее коммуникабельный товарищ, отправился на разведку. У девчонки все же спрашивать было действительно неловко. Заглянул в летнюю кухню. Там две пожилые женщины о чем-то тихо переговаривались, ощипывая курицу. В дом заглядывать постеснялся, поэтому прошел за него. Там был сад с различными деревьями, но зрелых плодов на них еще не было. Возможно, здесь тоже еще июнь. А вскоре он углядел у забора специфически выглядывшее сооружение, которое не чем иным, как деревенским туалетом, быть не могло. Там было целых пять дверей, очевидно, в расчете на то, что утром многочисленным обитателям подворья туда надо срочно всем и сразу. Тоже, кстати, сооружение, свидетельствующее о некоторой культуре местных. Внутри чисто, деревянный надежный пол, большая дырка для оправления, правда, без всяких стульчаков. На стенке висит мешочек с засушенными довольно крупными и плотными листьями какого-то растения. Но не лопуха. Сделав дело, Коля отправился обратно, обрадовать товарищей своей находкой.

Вскоре вся компания сидела на крыльце, пользуясь тем, что солнце

начало скрываться за деревьями и пристройками. Девчонка всячески делала вид, что они ее ни капельки не интересуют, но глазами все равно косила. А ребята тем временем решали, стоит ли им поужинать самостоятельно своими запасами или подождать, что предложат местные и предложат ли вообще. Решили подождать. И не ошиблись.

Сначала с улицы завели шесть коров, которых тут же определили в конюшню, и несколько женщин отправились их доить. Это было слышно по характерному звуку, с которым струя молока бьет в пустое поначалу ведро. Затем потянулись другие люди, с огородов или еще откуда-то. Из пристроек стали тоже выходить, направляясь к колодцу. Там, нисколько не стесняясь друг друга, мужчины и женщины снимали с себя рубахи, какое-то подобие трусов, вешали все это на перекладину и направлялись в отдельно стоящий длинный домик, из которого вскоре вместе с довольными голосами и смехом послышалось журчание стекающей воды. Летний душ в конце трудового дня! Вот это уровень! Вездесущий Коля тут же направился туда, чтобы рассмотреть все поближе, справедливо рассудив, что раз они не стесняются друг друга, то постоять-то ему рядом можно. Впрочем, соваться внутрь он сразу не стал, а вежливо стоял снаружи. Но народ подходил еще, многие с интересом посматривали на невысокого, темноволосого и курчавого Колю и также без комплексов раздевались да шли мыться по мере освобождения мест внутри. Примерно через полчаса из домика вышли последние работники. Одна женщина неопределенного возраста, заметив его нерешительность, что-то сказала ему с улыбкой и махнула рукой в сторону распахнутой двери. Неопределенного, потому что сложена она была великолепно, но грудь была изрядно обвисшей, поперек плоского живота пролегало несколько складок и на лице были заметны морщинки. Впрочем, волосы были без седины, но при их светлом оттенке сказать с уверенностью это было трудно. Пока Коля соображал, она подхватила с перекладины свои трусы и продела в них стройные ноги. Трусы представляли собой плотную полоску ткани на бедрах, с завязками в самом низу живота, к которой перпендикулярно была пришита другая, спереди поуже, сзади пошире, закрывавшая пах и интимные места. Впрочем, слишком внимательно разглядывать ее Коля не стал, а начал сам раздеваться, чем, в свою очередь, немало заинтересовал женщину и всех, кто еще был рядом. В отличие от местных, процесс раздевания у Коли был более сложным, потому что сначала надо было расшнуровать ботинки, снять носки, потом штаны и футболку. Оставшись в трусах-боксерах, Коля замялся. На него явно косились, но также было понятно, что это чистой воды любопытство. Эх,

сам смотрел на сиськи, а теперь стесняется! С максимально спокойным видом Коля снял трусы, положил их на перекладину и отправился внутрь. Ребята, с интересом наблюдавшие от порога за его приключениями, отметили, что хоть его одеждой местные и интересовались, но ничего не трогали.

Войдя внутрь, Коля осмотрелся, обнаружив пять отделений, разделенных плетеными из лозы перегородками, и над каждым располагался короткий деревянный раструб, заканчивавшийся насадкой с мелкими дырочками. Простейший душ! Баки с водой или, скорее всего, бочки, располагаются, очевидно, на крыше, где они за день должны прогреваться. Конечно, все это должно быть деревянное. А может, и глиняное. Надо будет глянуть из интереса. Вода перекрывалась простейшей деревянной же затычкой сбоку, до которой можно дотянуться, встав на специальный приступок. Но самое удивительное, что в каждом отсеке на стеночке была полочка, на которой лежало мыло! Местные, даже в этой очевидной глуши, были очень привержены гигиене. Коля вынул затычку и с наслаждением встал под струи воды, смывавшие с его тела весь пот и грязь. Вода была чуть прохладной. Если проводить аналогии, то в дачном душе с железным баком на крыше, даже в средней полосе, она нагревалась сильнее. Но вполне терпимо. А главное, очень приятно! Мыло было самым обычным, что-то типа нашего хозяйственного. И вскоре обновленный Коля вышел на улицу, где уже никого не было, кроме заскучавших ребят на крыльце.

– Дуйте мыться, свиньи, – бросил им Коля, сам присаживаясь на крыльцо. – Там хорошо.

Вскоре вся компания, освежившаяся и вымытая, вернулась к крыльцу, где их уже поджидала девчонка, которой они подарили ножик. Тоже явно вымытая, с тщательно расчесанными волосами, благоухавшими чем-то ароматным, и в чистенькой рубашке, расшитой синими и зелеными узорами. Жестами она попросила их следовать за собой и, заведя за летнюю кухню, усадила за очень длинный стол, где собралось, пожалуй, все население усадьбы вместе с хозяином.

Это был крепкий мужчина лет сорока пяти, с широкой подстриженной рыжей бородой и темно-русыми волосами, чуть короче, чем у остальных. То есть не достигавшими плеч. Из-под густых бровей смотрели внимательные и умные серые глаза. Рядом с ним, с левой стороны, имелись свободные места, на которые он и указал рукой. По другую сторону сидела женщина, про возраст которой тоже было трудно сказать что-то определенное, но явно немолодая. Возможно, его жена. А дальше уселась

та самая девчонка. Детей за столом вообще было много, больше, чем взрослых. А всего здесь собралось человек сорок. Потом все встали, и мужчина во главе стола начал произносить что-то, очень похожее на молитву. При этом все повернулись в сторону заходящего солнца. Руки они держали на груди, крест-накрест. В конце все хором произнесли завершающую фразу и сели. Ребята из вежливости тоже стояли, не сразу, но все же сообразив повернуться к солнцу. Потом особых церемоний не разводили, каждый накладывал себе сам в глиняные миски еду, сначала какой-то суп. Заметив нерешительность друзей, хозяин рукой указал на глиняный горшок, стоявший в их части стола, с торчавшим из него деревянным черпаком. Суп оказался с курицей, какими-то травками, свеклой, морковкой и увесистыми проваренными кусками теста, по аналогии чем-то напоминавшими украинские галушки. По вкусу и сытности выше всяких похвал. Еще на столе стояли тарелки с сыром, все теми же лепешками, редиской и чесноком, который местные потребляли в немереных количествах. Больше никаких разносолов не было. Как, впрочем, и алкоголя. Потом пожилые женщины из кухни принесли кувшины с молоком и горшочки с медом. Молоко пили из кружек, а куски лепешек окунали в общие горшочки и ели. Ребята заметили, что еды было хоть и в достатке, но не избыточно. Готовившие все это женщины явно умели рассчитывать ее объем на количество человек. И хотя всем хватило на увесистую порцию, на столе ничего не осталось. А те крохи, что все же остались, были быстро подчищены детьми. Ели молча, поскольку все явно были голодны. А может, такова была традиция. И только когда пили молоко, начались какие-то разговоры, впрочем быстро закончившиеся, как и еда.

Начинало смеркаться. Женщины быстро убрали посуду со стола и уносили в кухню, откуда слышались привычные в таких случаях звуки и где горело несколько свечей. Люди стали расходиться. Кто в большой дом, кто по отдельным пристройкам. Ребята, провожаемые девчонкой, судя по всему хозяйской дочкой, направились к себе в пристройку. Внутри было уже темновато, и ребята начали искать фонари. Девчонка деловито закрыла окно, что-то поясняя при этом. Тем временем Коля первым достал из бокового кармана рюкзака маленький налобный фонарик на светодиодах и включил его. Девчонка резко вскрикнула, прижавшись к стене.

– Блин, Коля! – возмутился Саша. – Ты напугал ее!

– Черт... – с досадой произнес Коля. – Как-то не подумал. Но я же в лицо ей не светил. – И при этих словах он повел лучом по полу в разные стороны, чем напугал девчонку еще больше. Она снова вскрикнула и

бросилась вон из комнаты, в дверях столкнувшись с одним из мужчин, который встречал их в горах с ружьем. Сейчас у него в руках были ножны с саблей, но он ее еще не доставал. Увидев светопреставление, мужик тоже замер, но испуга на его лице не было. Тут Коля догадался выключить фонарь. В комнату зашел старший. Выражение лица в быстро наступавшей темноте разобрать было уже невозможно, но вряд ли он находился в хорошем настроении.

– Коля, дай фонарь, – потребовал Саша. И, взяв его осторожно, приблизился к местным в дверях. На крыльце стоял кто-то еще с факелом. Поэтому там было значительно светлее. – Мы дико извиняемся, – начал Саша, – за то, что напугали девочку. – И с этими словами он приложил руку к груди и слегка поклонился ей. – Я хочу показать, что это совершенно безобидная вещь. Но полезная. – Разумеется, его никто не понял, хотя жесты могли быть истолкованы как извиняющиеся, как и сам тон. Потом Саша указал рукой на дверной проем, предлагая выйти на улицу. Под светом факела он сел на крыльцо и начал объяснять: – Это всего лишь изделие, сделанное людьми. – Держа фонарь перед собой в свете факела, он откинул заднюю крышку и достал оттуда батарейки. – Вот без этого он не будет работать, – продолжал он и слегка потряс маленькие цилиндрики в ладони. – Можете посмотреть. – И он протянул фонарик старшему.

Тот осторожно его взял, повертел в свете факела, провел пальцем по внутренней камере с клеммами, осмотрел спереди, естественно, ничего не поняв, но заинтересовавшись.

– А вот с этим, – Саше пришлось встать, чтобы забрать из рук мужика фонарик, – прибор будет прекрасно работать. – После этих слов Саша, находясь в свете факела, показывал окружающим каждую батарейку и вставлял внутрь. Потом защелкнул крышку и сказал: – А теперь внимание. Я его сейчас включу, и будет луч света. – И с этими словами он сделал пасс рукой от фонарика в сторону улицы. Держа на виду, медленно поднес к переключателю палец другой руки, слегка постучал им по нему и продолжил вещать: – Я сейчас нажму вот на эту кнопочку, и появится свет. Пожалуйста, не пугайтесь. – И передвинул выключатель. Яркий луч на улице был не столь впечатляющ, но все же вырвал вздох удивления у всех четверых местных. Саша пару раз двинул лучом по сторонам, а потом снова привлек внимание к своему пальцу, постукавшему по выключателю, и передвинул его. Свет погас. Все смотрели восторженно. Ребята тоже, удивляясь дипломатическим способностям товарища. Потом снова включил, потом выключил. А когда включил опять, то, держа луч направленным под ноги, чтобы не ослепить им местных, плавно перевел

его в комнату. Там, в сгустившейся темноте, он смотрелся контрастно, выхватывая из мрака доски, стену и печку. – Очень удобная вещь, – резюмировал новоявленный дипломат. – И, чтобы подтвердить свои добрые намерения, я хочу подарить ее вам. – И с этими словами он протянул выключенный фонарик старшему. А сам прижал руку к груди и слегка наклонил голову.

Мужик осторожно взял фонарь, повертел в руках и собрался уже его включить, держа лампочками к лицу. Саша поспешно протянул руку, закрывая фонарь ладонью, и успел сказать:

– Нет! Так держать не стоит. – Мужик посмотрел с недоумением. Тогда Саше вновь пришлось изображать пантомиму, сопровождая ее словами. Он взял фонарь, направляя его себе в лицо, а второй рукой, раскрывая ладонь, изобразил нечто, бьющее по глазам. Потом заслонил их тыльной стороной ладони, отворачиваясь. И снова направил фонарь в землю – и только тогда включил и выключил. Ну и передал его старшему. Неизвестно, понял тот или нет, но, во всяком случае, просто повторил Сашины действия и самостоятельно включил и выключил фонарь, освещая крыльцо. Начал переговариваться со своими спутниками и девчонкой, покачал восторженно головой и хотел отдать вещь Саше.

– Нет, это подарок. Вам, – отказался Саша, вытягивая перед собой ладони в отстраняющем жесте. – Подарок, – повторил он, показывая пальцем сначала на себя, а потом на мужика. И в подтверждение приложил руку к груди и снова наклонил голову.

Мужик заулыбался, тоже наклонил голову вперед и, что-то сказав подобревшим тоном, направился в дом. Ребята выдохнули. А Коля возмутился шутливо:

– Блин, ты подарил мой фонарик, даже не спросив!

– Я подарю тебе свой, если это тебя утешит, – ответил Саша.

– Спасибо, конечно. Но все равно жалко, – пробурчал потерпевший, и все зашли в комнату, закрыв за собой дверь.

Ночь прошла спокойно, если не считать успевших налететь в комнату комаров, попивших поначалу крови. Но когда Игорь разложил по углам тлеющие кусочки фумитокса, то зловредные насекомые забились по щелям и спать больше не мешали. Рано утром их разбудила все та же девчонка, стоя у открытой двери. Умылись, почистили зубы и побрились, чем вызвали немалое удивление видевших это действие. Потом пошли завтракать за дом, но за большим столом уже никого не было, даже хозяина. Все ушли работать. На завтрак была какая-то каша непонятного происхождения, сдобренная щедрыми кусками масла, по паре яиц, искусно

сваренных «в мешочек», хлеб и вездесущий чеснок. Запили опять же молоком, но уже без меда. А потом пришел мужик, забежавший вчера с саблей в дом на писк девчонки, и поманил их за собой.

Оказалось, что их решили припахать к заливке бочек над душем водой. Естественно, что никаких насосов здесь не было, а процесс осуществлялся при помощи ведер. Управились быстро, и больше они никому были не нужны.

После нескольких часов безделья Коля пристал к девчонке, сидевшей у ворот. Сначала познакомились, а потом он начал показывать на разные окружающие предметы и спрашивать их название на местном языке. Поскольку ребята сидели неподалеку, то все слышали, а Саша сообразил принести из комнаты листы бумаги с карандашом и, присев рядом, начал записывать. Этот процесс очень заинтересовал ребенка. Она с любопытством смотрела, как из-под тонкого грифеля появляются загадочные закорючки.

По результатам этих лингвистических изысканий можно было с уверенностью сказать, что фонетически местный язык был прост для русских, потому что не содержал каких-то сложнопроизносимых звуков. Но в нем не было абсолютно ничего общего по звучанию ни с родным для ребят, ни с известным английским или другими европейскими языками, которых они, впрочем, толком не знали. Оставалось еще, конечно, неясным, насколько здесь сложны правила построения фраз и прочие нюансы, но хотя бы произношение радовало.

Потом было безделье до обеда. Собралось немного народу, в основном дети. Появился хозяин, о чем-то переговоривший с мужиком, дававшим ребятам задание с утра. Поели скудно. Лепешки, сыр, мелко порезанная морковка и вода. Саша раздал за столом всем конфеты. Детям очень понравилось. И, желая выяснить степень свободы, с помощью жестов и слов со своей бумажки, попытался объяснить, что они хотят погулять по селению. Хозяин очень удивился, что они уже знают некоторые слова из их языка, но когда ему что-то сказала девочка-сторож, удовлетворенно кивнул и задумался. Потом подозвал какого-то мальчика-подростка и поговорил с ним. А после этого обратился к Саше. Среди его речи были слова «селение» и «дорога». Больше ничего Саша не понял. И мужик показал рукой сначала на пацана, а потом на ворота. Саша поблагодарил его и вместе с друзьями направился на выход.

Прогулка по селению не принесла чего-то нового. Дома все однотипные, народу мало. Дойдя до речки, искупались в ней, а потом вернулись на подворье. Тоска...

И потянулись дни монотонного ожидания. Пару дней лил дождь. Вроде бы их никто насильно не удерживал, да и куда им отсюда бежать, тоже было непонятно. Каждый день выходили на прогулку по окрестностям, заливали водой летний душ и расспрашивали кого-нибудь о новых словах, записывая их на бумагу.

Только к концу четвертого дня наступили долгожданные изменения, ознаменовавшие новый этап их пребывания в этом мире: на подворье прибыли гости. Это были восемь человек верхом на лошадях, вооруженных ружьями и шпагами, с несколькими заводными лошадьми. Эти были все в штанах, плотно облегающих мускулистые ляжки, в сапогах и в таких же длинных рубашках зеленого цвета с красной грудью. На головах красовались широкополые шляпы с перьями. Нет, не страусовыми, что-то попроще. К слову сказать, среди них были две женщины, которые опознавались по более тонким и жилистым фигурам и холмикам грудей под тонкой материей. Все были очень коротко стрижены, «под горшок», с бритыми висками и затылками. Хозяин их явно ждал. Он о чем-то коротко переговорил со старшим, показывая на ребят, сидевших на крыльце. А потом прибывшие начали деловито расседлывать лошадей и чистить их от налипшей на них грязи – дорога после прошедших дождей наверняка ей изобиловала. Затем лошадей завели в конюшню, а люди отправились в небольшую пристройку, отведенную им хозяином для отдыха и, наверно, ночлега.

– Сдается мне, что это явно по наши души, – задумчиво проговорил Коля.

– Да, было бы наивно полагать, что наша идиллия продлится долго, – согласился Игорь. – Главное, чтобы из нас не начали изгонять демонов.

– Жалко, что мы к водопаду так и не сходили. Пятый день прошел. Глянуть бы, что там и как, – со вздохом сказал Сергей.

– Не судьба, – в тон ему подвел итог Саша.

Ребята повздыхали еще о неизбежном, продолжая сидеть на крыльце. Вернулась хозяйская дочка после очередной прогулки в горы со своей неизменной корзинкой за плечами. Ребята уже знали, что именно она приносит сыр и творог, наверно с какой-то дальней фермы в горах. Килограммов по пятнадцать зараз. Девочка, которой лет четырнадцать. Часов пять туда, столько же обратно. Сухонькая, жилистая, шустрая. Крутая! И это хозяйская дочка, которая могла бы, наверно, вообще ничего не делать. Но, очевидно, хозяин был иного мнения. А может, это вообще было не в местных традициях – бездельничать. Разгрузив корзину на кухне, она прошла в дом и вскоре вышла оттуда с чистой рубашкой в руках.

Старая была сильно перепачкана грязью. А ноги вообще были вымазаны до колен. Грустно посмотрев, как она деловито разделась у душа и исчезла в нем, ребята продолжили ждать.

Собирались работники. Когда они привели себя в порядок, ребят никто не позвал ужинать. Позвали потом. Вместе с солдатами. За столом сидел хозяин и угощал их вином. Когда основная еда была поглощена, хозяин обратился к ребятам, поясняя свою речь жестами. Он махал рукой куда-то на юг, в сторону высокой заснеженной горы, часто повторял слово «Парменон», но было это название или имя, оставалось непонятным. Мелькали слова «храм» и «жрец»...

– К инквизиторам повезут местным, – мрачно резюмировал Коля.

– Не каркай, – ответил Саша. – Мне кажется, что все не так уж и плохо.

В самом деле. Люди здесь были просты и бесхитростны, эмоции на их лицах читались легко. И вся речь хозяина, скорее всего, была призвана их утешить и обнадежить. Понять суть мешало плохое знание местного языка, пока что ограничивавшееся исключительно названиями предметов. Впрочем, легче от этого не становилось, их уводили куда-то явно далеко от этих мест и от злополучного водопада, ведь с того момента, как с подворья ускакал гонец в первый вечер, прошло пять дней. Значит, путь неблизкий. А главное, неизвестность впереди. Но выбора у них, похоже, нет.

Ночь прошла в тяжких раздумьях. Напротив их двери постоянно дежурили два солдата, возможно, чтобы они просто не натворили глупостей. Утром, когда покормили работников, позавтракали и они с солдатами. А потом хозяин с помощью жестов и слов объяснил им, что пора собираться в дорогу и отправляться в путь. Сборы были недолги, потому что не надо было собирать палатки и прочее снаряжение, которое обычно является непременным атрибутом туристического лагеря. Побросали мелочовку в рюкзаки, подтянули ремни, тщательно расправили носки на ногах и зашнуровали ботинки – можно отправляться в путь. Оказалось, что заводные лошади предназначены для них. Или по крайней мере для их вещей. Это стало ясно, когда старший из солдат показал на их рюкзаки, а потом на лошадей. На их седлах по бокам имелись специальные крюки. Когда ребята сняли рюкзаки с плеч, солдаты быстро обвязали их веревкой, сделав незатягивающиеся петли, которые и надели на крюки, для верности притянув поклажу к бокам лошадей ремнями с пряжками. Это обрадовало, потому что идти налегке намного проще. Хозяин произнес напутственную речь, из которой они ничего не поняли, и попрощался с ними, уйдя в дом. Пока вся процессия выходила через ворота, хозяйская дочка стояла на крыльце и помахивала им рукой, что было, конечно, очень

трогательно.

Глава 3

Дорога за вчерашний день подсохла, но встречались еще отдельные участки с грязью. Впереди шагом ехали два солдата с командиром, за каждой солдатской лошадей шла заводная на веревке, тащившая по два рюкзака, за ними брели они сами, а замыкали процессию пять солдат, у двух из которых тоже были заводные лошади, очевидно, с нехитрой поклажей. Быстро вышли из селения, перейдя реку, текущую с гор, по высокому деревянному мосту, перекинутому с одного склона террасы на другой и перекрывавшему пойму. Дальше дорога шла мимо огородов и полей и выходила на террасу вдоль основной реки, которую ребята для себя по-прежнему именовали «Еловкой». Это был явно ухоженный путь, неплохо выровненный и утрамбованный, с поперечными уклонами и сточными канавами по бокам. А вдоль него шли деревянные столбы с какими-то знаками. Принимая темп своего движения за пять километров в час, ребята засекали время и установили, что расстояние между столбами примерно соответствует тысяче восьмистам метрам. Часа через полтора вдалеке показалось другое селение, тоже расположенное, судя по всему, на слиянии рек. Как выяснилось впоследствии, эта местность была довольно густо населена и освоена. Крупные селения стояли на каждом слиянии рек, стекавших с гор, с основной. А их было много. Зачастую, только выйдя из одного селения, они уже видели вдалеке другое. И всюду поля, огороды, пастбища, с небольшими перелесками. Везде им попадались склады длинных и ровных бревен, которые местные сплавляли с гор, а на «Еловке» вязали в плоты и потом спускались на них куда-то дальше. В нескольких местах они видели процесс вязки, а однажды обогнали такой небольшой караван. «Еловка» по мере вбирания в себя новых рек с гор становилась все шире, течение замедлялось, долина расширялась, заснеженный конус горы становился все ближе. В стороны от основной дороги уходили другие. Может, к дальним полям, может, к другим селениям, находящимся не у большой реки. На огородах постоянно встречались работающие люди, все в тех же длинных рубашках и с голыми ногами, мужчины и женщины вперемешку. До обеда сделали два небольших привала, во время которых ребята рассмотрели местных вояк получше. Старший кроме властного и волевого лица отличался еще и более крупной металлической бляхой на шляпе, изображавшей солнце с лучами, окаймленное какими-то ветками с листьями, а также нашивками на плечах рубашки, которые, судя по всему,

были погонами. Это была довольно жесткая накладка, возможно, даже с металлической вставкой, которая могла защитить от удара оружием по плечу, обшитая плотной материей. Там на голубом фоне была тонкая продольная полоса красного цвета и небольшая желтая эмблема в виде стилизованного изображения солнца. На краю, у шеи, были какие-то красные же знаки, возможно, буквы, что-то означавшие. Остальные военные носили погоны без эмблем, но с такими же знаками. У двоих, пожилого мужика и немолодой рослой женщины, были поперечные желтые полосы. Фантазировать об их значении и проводить аналогии можно было сколько угодно, но без понятных разъяснений все это для ребят были лишь догадки, которые они пока держали при себе.

За все время пребывания здесь никто так и не осмотрел их вещи и, судя по всему, не рылся в их отсутствие, поэтому разобранный охотничье ружье в чехле по-прежнему было приторочено сбоку на Сашином рюкзаке, а патроны лежали в боковом кармане. Разумеется, демонстрировать местным он его не собирался. Но это наводило на мысли, что к ним относятся с явным уважением, намереваясь максимально вежливо доставить туда, где все должно разъясниться и для них, и для кого-то еще.

На обед остановились в придорожном трактире на краю очередного селения. Но, исходя из местной традиции, которую уже приметили ребята, обедаться никто не стал. Так, перекусили слегка все тем же свежайшим домашним сыром, на этот раз с какими-то пряными травками в нем, несколькими яйцами и лепешками, запивая все это холодной водой. Немногочисленные посетители косились на ребят и военных, но никто не приставал. Хорошо отдохнув и напоив лошадей, тронулись в путь, который с небольшими остановками продолжался до самого вечера, когда уже начинало смеркаться. Поскольку ребята считали столбы, выходило, что за день они отмахали километров сорок. Хоть и налегке, но ноги после такого перехода гудели. На ночь остановились в похожем на предыдущий придорожном трактире. Здесь народу было полно, как проезжего, так и местных, отдохнувших после тяжелого трудового дня. В зале играла музыка. Молодая женщина выводила что-то пронзительное на чем-то наподобие флейты, надувая загорелые щеки, то ли потный, то ли натертый маслом накачанный парень в одних трусах задавал ритм на барабанах, потрясая мощными грудными мышцами, а совсем юная девушка в рубашке, отплясывала что-то задорное в углу зала, взмахивая тонкими руками и высоко подбрасывая коленки. Чем-то подбитые сандалии при этом звонко топали по деревянному полу. Вокруг нее была группа зрителей, одобрительно хлопавших в ладоши и постукивавших деревянными

кружками по столам. Когда же публика, разогретая выпитым и зрелищем, достигла определенного градуса, то и сама пустилась в пляс, заняв под это часть зала. Мужчины и женщины выписывали загадочные фигуры руками в воздухе, высоко подпрыгивали и задирали коленки. Оставалось только удивляться, как они не пинают друг друга в тесноте. В целом и музыка, и стиль танца чем-то смахивали на кельтские, если бы не простецкая одежда, отдававшая античностью. В общем, какая-то мешанина.

Поели наваристого супа, запили все это кружкой неплохого пива, еще немного посмотрели на танцы и послушали музыку. Спать улеглись на первом этаже, пройдя по длинному коридору и оказавшись в большой комнате без кроватей. Когда все четырнадцать человек с вещами зашли в нее, то показалось даже тесновато. Но, разобравшись по сплошным соломенным матрасам вдоль стен на полу, все почувствовали облегчение и желание спать. Дверь заперли на засов изнутри и уснули. Кроме Саши. Ему не спалось. Рядом, нисколько не стесняясь, улеглась женщина с нашивками на погонах, предварительно сняв с себя рубашку, под которой, естественно, ничего не было. Лишь слегка обвисшие груди и плоский поджарый живот с большим пупком волновали. В комнате было душно, а окон не открывали, чтобы не напустить комаров, поэтому все спали без одеял. Саша лежал и думал, специально эта амазонка улеглась рядом с ним или случайно. И стоит ли ему быть готовым к чему-то этой ночью. Но как? Полная комната людей. А может, они тут не только наготы не стесняются, но и сексом занимаются когда и с кем захотят? Может, она рассчитывает, что он должен предпринять какие-то действия первым? Но, с другой стороны, это все же военные, при исполнении задания. Хоть и женщина. Вот ведь странно, и это не укладывается в голове – судя по всему, здесь не очень развитое технически общество и нравы довольно простые, тем не менее женщины в армии. И не на каких-то хозяйственных должностях, а при самом натуральном деле. Интересно, а она воевала?

Эти и другие мысли роились в его голове, прогнав сон далеко. Он ворочался, думал и временами тяжело вздыхал. Когда же рука соседки коснулась его кисти, он замер, перестав дышать. Рука была горячее, но не двигалась, судя по всему, просто случайно коснувшись его во сне, о чем свидетельствовало ровное и глубокое дыхание спящей. Уснул он только в середине ночи, за своими путаными мыслями уже и забыв, кто спит с ним рядом в темноте.

Утром он проснулся от легкого шума и разговоров. Открыв глаза, увидел, что солдаты уже встают, как и «его» амазонка, доставая из своих вьюков какие-то свертки. Обернувшись, она недоумевающе посмотрела на

него, и Саша понял, что слишком долго на нее пялится, и быстро отвел глаза. Все вставшие вышли в коридор, в комнате остались только два солдата. Остальные вернулись минут через двадцать, судя по посвежевшим лицам, умывшиеся и побритые, что касается мужчин. Тогда встали двое оставшихся и, сделав знак ребятам, следовать за ними, вышли.

Умывались во дворе, в специально отведенном для этого месте. Знакомая конструкция летнего умывальника, куда воду подливали ведрами из колодца поблизости. Их было штук десять вдоль специальной перекладки на заднем дворе. Но все равно образовалась небольшая очередь из проснувшихся постояльцев. Брились солдаты, набрав воды в один небольшой тазик и отойдя в сторону. Делали они это опасной бритвой, которая была у них в свертке, а поскольку зеркал не было, то брили друг дружку. Ребятам было проще. Удобные жилетовские станки позволяли бриться и без зеркала, хоть и была вероятность сделать это нечисто. Процесс вызвал немалое удивление как у солдат, так и у видевших это других постояльцев. Зубы, к слову сказать, здесь тоже многие чистили, но не щетками, а специальными размочаленными на конце палочками, которые смачивали и посыпали белым порошком из коробочки. Потом был плотный завтрак и скорые сборы в дорогу. Судя по тому, что седла и сбрую солдаты на ночь занесли в комнату, нравы здесь были не столь невинными, как казалось вначале. Во всяком случае на постоялых дворах.

И снова дорога, уже окончательно подсохшая на стоявшей жаре. Мерные столбы вдоль нее, поля и огороды, селения, мосты через реки. Теперь снежная гора была сбоку, на другом берегу «Еловки», а впереди открылся вид другой заснеженной вершины, которая в оставленном друзьями мире называлась Ключевская сопка. Где-то там и река Камчатка, и бывший город Ключи, рядом с которым наверняка нет никакого аэродрома, и называется он здесь по-другому, если там вообще существует какое-то поселение. Справа виднелись отроги Срединного хребта, а дорога все не кончалась.

На следующую ночь остановились, дойдя до большой реки, куда впадала разлившаяся «Еловка». В другом мире это была Камчатка, и на этом месте не было никакого поселения. А здесь стоял город на слиянии. Большие предместья, с мастерскими и амбарами. И, конечно, постоялыми дворами. Сам город был отгорожен невысокой и старой крепостной стеной. Наверно, там были и ворота с часовыми, но соваться туда отряд не стал, а остановились в большом постоялом дворе на окраине. Там снова играла музыка, на этот раз представленная мужчиной, что-то исполнявшим на инструменте наподобие скрипки. Снова были танцы и какие-то песни. И

даже не обошлось без драки, которую устроили явно более буйные, чем деревенские, жители городских окраин. К удивлению друзей, в потасовке приняли участие и несколько девушек, вполне профессионально размахивавших кулаками и получавших без всякого снисхождения по довольно порочным лицам. Впрочем, дерущиеся явно остерегались приближаться к столикам, занятым военными. Сначала их попытались утихомирить местные вышибалы, но буйных было слишком много. К счастью трактирщика, им на выручку скоро подоспел городской патруль. В большой зал ворвались пятеро солдат в шляпах, красных рубашках и штанах и короткими увесистыми дубинками в руках. Щедро и умело раздавая удары всем подряд, они начали было теснить смутьянов в угол, но, очевидно, пропустили нескольких, прикинувшихся мирными овечками, которые набросились на них со спины. Дело запахло жареным, если бы не решился вмешаться командир их отряда. Бросив короткую фразу, он резко вскочил, подхватив свое ружье. За ним последовали пять других солдат, в том числе и «капральша», как мысленно окрестил рослую амазонку Саша. Раздавая тычки дулом под ребра и удары прикладом, они буквально уложили дерущихся на пол, остальных зажали в угол стражники и вышибалы. Потом подняли на ноги упавших и пинками согнали всех в одну кучу, а солдаты, сопровождавшие ребят, направили на них ружья, и командир что-то с явной угрозой им прорычал. Буйны притихли, быстро трезвея, и начиная осознавать, что у них теперь будут большие неприятности. Старший из стражников принялся горячо благодарить командира солдат, а потом начал опрос свидетелей и выяснение обстоятельств, не отходя от кассы, так сказать. При этом отправив одного стражника за помощью, скорее всего. Которая и не замедлила явиться спустя примерно полчаса в виде еще десятка стражников во главе с пышно разодетым, несомненно, важным чином. С интересом наблюдая за местным правосудием, ребята пили уже по третьей кружке пива, вслушиваясь в интонации людей, ловя знакомые слова, догадываясь о значениях других. Трактирщик громко завывал, постоянно указывая на поломанную мебель и разбитую посуду. Смысл его воплей наверняка сводился к «все, что нажито непосильным трудом».

Дело шло к финалу. Солдаты вернулись за стол, приняв в знак благодарности от трактирщика еще пива, следует заметить, более вкусного, чем в деревне. К слову сказать, здесь, на городской окраине, многие люди были в штанах, имелось большее разнообразие фасонов одежды. Вскоре зачинщиков драки увели, ужин закончился, и отряд отправился спать в такую же большую комнату, прихватив с собой все вещи и конское

снаряжение. Да уж – цивилизация...

На этот раз рядом с Сашей лег солдат мужчина, а «капральша» с другой женщиной устроилась у стенки в углу, отгородившись от ребят телами своих товарищей. Саша украдкой глянул на ее статную фигуру в последних сполохах гаснущей свечи и грустно вздохнул, закрывая глаза. В этот раз он заснул быстро и спал как убитый. А проснулся рано, мучимый сильными позывами справить малую нужду после вчерашнего пива. Немного поворочавшись, он все же вышел в коридор, благо что еще вчера посетил местное заведение, представлявшее собой все тот же вариант деревенского туалета. Когда вернулся, то застал солдат уже встающими и вместе с ними пошел умываться.

Переправившись через мост с каменными опорами и деревянными пролетами, отряд двинулся правым берегом Камчатки, миновав развилку широких дорог, на которой стояли указатели. Теперь прямо перед ними и чуть слева из зелени лесов поднимался величественный конус Ключевской сопки. Но вспоминая картинку из прошлой жизни, ребята единодушно отметили, что линия снега здесь находится значительно выше, что и неудивительно при такой жаре. Ребята втянулись в ритм, и если первые два дня им было тяжело, особенно вчера, то теперь шагалось легко. Даже начавшая подниматься пыль из-под копыт лошадей не мешала наслаждаться окрестными видами.

Совершая за день переходы примерно по сорок километров, они в конце четвертого дня своего марша остановились в трактире на окраине селения. Теперь огромная гора нависала прямо над ними. А на следующий день отряд свернул влево на дорогу, направляясь в сторону горы. Следует заметить, что это только с севера Ключевская сопка смотрится красивым конусом. На самом деле за ней находится еще несколько гор или вулканов поменьше, но тоже высоких. И сейчас дорога шла вдоль ручья, стекавшего между упомянутым выше вулканом и тем, что в нашем мире называется Толбачинская сопка. И это была именно дорога, а не тропа, по которой могла проехать и телега. Впрочем, довольно долго дорога была практически ровной и вела по долине. И только во второй половине дня начался сначала небольшой, а затем и более ощутимый подъем. Иногда дорога петляла, взбираясь на крутые участки склона, иногда спускалась к ручью, а иногда поднималась на скалистые уступы. Там явно было какое-то поселение, в которое их и вели. Правда, вызывало недоумение, почему люди столь безбоязненно селились прямо у жерла вулканов, ведь ребята прекрасно помнили, что во всяком случае Ключевская сопка – очень даже активный вулкан, извергавшийся даже при их жизни. Но здесь все могло

быть по-другому. Во всяком случае, не было видно над исполинскими конусами никаких следов дыма и столбов пепла.

Подъем давался тяжело, солдаты вели лошадей в поводу, мерных столбов здесь не было, поэтому о пройденном расстоянии можно было только догадываться. По мере набора высоты сзади открывался все более впечатляющий вид на огромную долину и Срединный хребет, возвышавшийся за ней, с отдельными снежными шапками на наиболее высоких вершинах. По долине петляла большая река, со старицами и заболоченными плавнями. По руслу медленно двигались небольшие гребные суда, вокруг простирались еще зеленые поля, из садов торчали крыши многочисленных селений. И над всем нависали огромные вершины, к седловине между которыми поднимался их небольшой отряд. Иногда, когда за скальными выступами просматривались дальние изгибы дороги, становилось заметно, что они не одни двигаются в ту сторону. Туда брели и отдельные путники с плоскими плетеными корзинами за плечами, и группы. Были спешившиеся всадники, а однажды они обогнали небольшой обоз из груженных телег.

Всю первую половину дня было невообразимо жарко. То, что температура на самом деле начинает немного понижаться, ребята поняли, когда отдохнули в тенечке и, немного остыв, почувствовали наконец прохладный ветерок, тянувший с заснеженных вершин. Но все равно было еще тепло, а когда снова тронулись в путь, то быстро вспотели. На ночь остановились в небольшом селении из нескольких дворов, с трактиром у ручья, процветавшем благодаря удачному расположению на пути между долиной и конечным пунктом дороги. Публика здесь была на редкость спокойная и тихая, седой дед в углу наигрывал что-то негромкое и лирическое на флейте, песен никто не пел и не танцевал.

Утром стало ощутимо прохладно, что бодрило. Быстро собрались и двинулись в дальнейший путь. Вид на долину теперь попросту захватывал дух. Особенно с утра, пока дальние горизонты и горы не затянуло дымкой от испарений. Вскоре все, даже солдаты, ощутили легкую нехватку воздуха – это значило, что забрались они уже достаточно высоко и на интенсивном подъеме организму не хватает кислорода. Если бы ребята тащили рюкзаки на себе, то им бы стало совсем кисло. Как тем людям с корзинами за плечами, которые вынуждены были останавливаться каждые пятнадцать минут, чтобы восстановить дыхание. Днем снова стало жарко. Если с утра солнце было закрыто склонами гор, то теперь оно светило с юга и сбоку, становясь даже злее. Пообедали из своих запасов. Ребята угостили солдат из вскрытой банки сгущенки, которая им очень понравилась. А еще их

очень заинтересовал сам принцип консервной банки и этикетка, которую командир и «капральша» долго и внимательно изучали. А когда снова тронулись в путь, то вскоре и показалась, кажется, конечная цель их путешествия.

Склоны гор впереди раздавались в стороны, а когда отряд поднялся выше, то выяснилось, что здесь находится большая и ровная естественная площадка, окруженная почти со всех сторон склонами, на которой сливаются вместе несколько совсем небольших ручейков. А на самой площадке раскинулось загадочное селение, в котором было много зданий явно культового предназначения, потому что они имели уже знакомые ребятам фронтоны с изображениями солнца и колоннады.

Быстро проследовав мимо нескольких храмов, жилых домов и хозяйственных построек, отряд поднялся по местной улочке еще немного вверх и приблизился к большому дому с мансардой, притулившемуся у скалы, и также изображением солнца под коньком крыши из красной черепицы с крутыми скатами. Солдаты остановились у порога, а командир, передав поводья «капральше», сделал знак ребятам следовать за ним. Поднялись на высокое крыльцо, пересекли большую веранду, встретив в дверях дома сухонькую немолодую женщину в рубаше ниже колен и в штанах. Командир что-то явно доложил ей, они перебросились еще несколькими фразами, и женщина сделала знак следовать за ней в дом. Внутри они оказались в большой гостиной с камином. Женщина что-то сказала, сопроводив слова жестом, который можно было истолковать как ожидание, и прошла в другую комнату. Ребята озирались, изучая обстановку. Дом был сложен из камней снаружи, но внутри стены были бревенчатыми. Чем-то он неуловимо напоминал охотничий домик благодаря шкурам на лавках и стенах, но без голов трофеев и чучел. Ждали минут пять, когда снова появилась женщина и, снова что-то сказав, сделала жест рукой, чтобы они входили в следующую комнату, а сама осталась в гостиной, плотно закрыв за ними дверь.

Эта комната явно была рабочим кабинетом, судя по столу, заваленному книгами и бумагами, полкам, опять же с книгами, и большим креслом у окна. Но здесь никого не было. Постояв немного в тишине, Саша кашлянул. Тишина.

– Нет никого, – констатировал очевидное Коля.

– Сейчас придут, не спеши, – ответил Саша. – Не для того нас пять дней тащили в такую даль, чтобы запустить в пустую комнату.

И действительно, вскоре из-за ширмы, на которую ребята поначалу не обратили внимания, раздалось слабое покашливание, и оттуда вышел

пожилой жилистый мужчина, лет за пятьдесят, с коротко стриженными седыми волосами и внимательными карими глазами на тронутом морщинами лице. Какое-то время он молча изучал их, а потом... на чистом русском языке сказал:

– Здравствуйте, молодые люди.

Сказать, что ребята остолбенели, – это не сказать ничего. Они, конечно, подозревали уже, что их соотечественники отметились в этом мире, но все же были очень удивлены, услышав русскую речь от какого-то жреца высоко в горах и так далеко от злополучного водопада.

– Вы... русский? – первым пришел в себя Саша.

– В общем, да, – ответил после небольшой паузы мужчина. – Хотя в паспорте у меня была прописана другая национальность, но в данном случае это не имеет никакого значения.

– В паспорте не пишут на... – начал было Саша и осекся. Потому что вспомнил, что этого не пишут в российских паспортах, а вот в советских как раз писали. Хотя он такого паспорта и не имел по молодости лет. – И давно вы здесь? – спросил он, справившись с волнением.

– Двадцать шесть лет, – ответил мужчина, продолжая их изучать. – Давайте познакомимся, что ли, – предложил он и представился: – Меня зовут Андрей Леонидович. А здесь называют Парменон. Сами понимаете, пришлось выбрать себе местное имя, чтобы как-то ассимилироваться.

Ребята по очереди называли себя.

– Нашли вас, насколько я понимаю, в окрестностях водопада? – спросил Андрей Леонидович.

– Угу, – буркнул Саша. – Будь он неладен. Сначала он казался обычным порогом, который мы собирались пройти.

– В каком смысле – пройти? – удивился собеседник.

– Ну... Мы сплавлялись по реке на катамаране.

– А-а-а, – понимающе протянул Андрей Леонидович. – Туристы?

– Да. Сплавлялись по реке.

– Туда стало возможно так запросто добраться? Вам же тащить на себе много надо, чтобы забраться в верховья.

– Вообще-то непросто. Геологи помогли. Они работали в соседней долине. По пути нас забросили на вертолете.

– Тогда понятно, – улыбнулся чему-то своему Андрей Леонидович. – Расскажите, как все было?

– А чего там рассказывать, – грустно вздохнул Саша. – Классика жанра: упал, очнулся – гипс. – При этих словах Андрей Леонидович снова улыбнулся как чему-то доброму и знакомому. А Саша все же поведаль

вкратце о том, как они воткнулись в непонятное облако, как их перевернуло и сбросило уже с высоты. Ну, и как их обнаружили местные, любезно проводив потом в свое селение и сбавив прибывшим солдатам.

Андрей Леонидович снова улыбнулся и пояснил:

– Староста ближайшей деревни – мой хороший знакомый и старый друг. Я с ним познакомился, когда сам только попал сюда. Он мне здорово помог. А потом, подозревая, что я не первый такой горемыка и не последний, я попросил его в случае обнаружения в окрестностях еще таких же людей не от мира сего помогать им, как он помог в свое время мне, и посылать мне весточку. Естественно, пообещав ему также и свою благодарность за эти услуги.

– А почему вы не попросили об этом местного религиозного служителя? Ведь вы тоже, судя по всему, имеете отношение к религии? – спросил Саша.

– Это труднее, – снова улыбнулся Андрей Леонидович. – Во-первых, он ничего не знает и ему пришлось бы долго объяснять, что это за люди могут быть. А во-вторых, он принадлежит несколько к другому течению в местной религии и мог не только проигнорировать мою просьбу, но сделать все с точностью до наоборот.

– Как здесь все сложно, – отметил Саша.

– Как и везде, – подмигнул Андрей Леонидович. – Так, сейчас я распоряжусь, чтобы ваши вещи занесли в дом, потом вы помоеетесь с дороги, и попьем местного чая. Тогда и поговорим обо всем подробно. А вечером, – и хозяин дома улыбнулся, – я устрою вам баню.

Вскоре солдаты заносили их рюкзаки уже в дом. В их числе была и «капральша». Саша со вздохом в последний раз окинул ее взглядом, а она, поставив рюкзак к стене и резко обернувшись, неожиданно подмигнула ему и, грациозно покачивая сильными бедрами в облегающих штанах, вышла в дверь.

Потом они помылись чуть теплой водой в душе, расположенном внутри дома. Впрочем, их явно не ждали сегодня, потому что воды еле хватило, чтобы смыть мыло. Но и это неплохо. Новых штанов ни у кого из ребят не было, поэтому надели старые, а вот трусы и футболки сменили, как и носки. Поэтому все сразу почувствовали себя обновленными. И только потом они вышли на веранду, где за столиком уже хлопотала женщина, расставляя глиняные чашки с росписью, тарелочки с печеньем и горшочки с медом. Были здесь также и сыр, и масло. Рассевшись, выпили чаю, чем-то напоминавший привычный, но все же отличавшийся. Андрей Леонидович представил женщину за столом, которая являлась его женой.

При этом пояснил, что она очень близкий ему человек во всех отношениях, знает про него все и тайн от нее он не имеет. Но по-русски она почти ничего не понимает, кроме нескольких слов, потому что надобности в этом здесь нет.

– Как все же хорошо снова поговорить по-русски, – вздохнул Андрей Леонидович, откидываясь на спинку стула. – Что там вообще творится-то, расскажите.

– Ну, – замялся Саша, – про путч вы знаете?

– Знаю, – ответил он. – Вы здесь не первые. Начинайте с девяноста девятого.

Ребята переглянулись и начали рассказ. Про смену президента, про то, что новый правитель первым делом навел порядок на Кавказе. Как начала потихоньку восстанавливаться экономика и расти цены на нефть. Про короткую войну с Грузией и последовавший вскоре раздраз с Украиной. Как экономика страны начала барахлить из-за санкций и падения цен на нефть и про мировой кризис. Как снова начали грызться с американцами и влезли в Сирию. Понятно, что всего так сразу и не расскажешь, но их собеседник тем не менее то улыбался, то хмурился, переживая за страну, в которой он родился и так давно ее оставил. А потом ребята попросили рассказать его, как он сюда попал.

– Естественно, через водопад, которого нет у нас, но есть здесь, – ответил он. – Я был учителем истории в Петропавловске. Попал туда по распределению после окончания института в Новосибирске. Знаете же, была такая практика в Советском Союзе. – Ребята закивали. – Не то чтобы мне денег не хватало, но тогда было в порядке вещей на лето подражаться в геологические партии рабочими. Надо было только подмазать директора школы, чтобы он отпустил на все лето, что несложно. Публика там собиралась очень интересная, так что было весело. Вот и я пристроился к одной такой партии, которая, как вы, наверно, догадываетесь, работала в окрестностях хорошо знакомой нам всем речушки. Они ничего конкретного не искали, это была съемочная партия, уточнявшая геологию района и составлявшая более подробные карты. Это был мой второй выезд в поля, как говорят геологи. Я даже прикупил себе ружье по этому поводу, оформил охотничий билет. И вот в начале лета девяносто первого года мы отправились в горы ставить базовый лагерь. Потом начались плановые работы. Все шло замечательно, пока одна маршрутная пара не столкнулась нос к носу с медведем. Вообще там положено ходить с оружием, но это лишний вес, да и ружье постоянно цепляется за ветки. В общем, некоторые ленились его с собой таскать, надеясь на авось и сигнальную ракетницу в

кармане. Эти были из таких. Шли по руслу ручья, заросшего кустами, и столкнулись с медведем вплотную. Тот воспринял неожиданное появление людей как угрозу и бросился на них. Геолога сразу завалил, порвав когтями. Тот даже ракетницу достать не успел. Рабочий кинулся бежать. Да куда там. Медведь его, конечно, догнал. Но не просто порвал, а решил попробовать. Их растерзанные тела мы нашли на следующий день, когда отправились на поиски по известному маршруту. Медведь крутился рядом, возможно, мы прервали его трапезу. Сгоряча начали стрелять по нему, но серьезного вреда не причинили, только ранив. А это, знаете ли, уже страшно. Мало того что зверь попробовал человечины, так еще и подранок. В общем, бросились догонять. Тот перевалил через отрог хребта и спустился в другую долину, начал уходить по ней вверх. Мы постоянно видели капли крови на камнях, все надеялись, что он ослабеет. Как назло, уже в конце спуска со склона один геолог сильно подвернул ногу и идти не мог. Оставили его у реки, а меня вместе с ним на всякий случай. Остальные погнались за медведем вверх по долине. Каково же было мое изумление, когда спустя немного времени я увидел на другом берегу реки зверя, спускавшегося вниз по течению. Потом я подумал, что это был, скорее всего, другой медведь. Но тогда я выстрелил в него. Даже не знаю, попал или нет. Но медведь развернулся и начал убегать. Что мне было делать? Сидеть и ждать? Да, еще и геолог завопил, что уйдет зверюга. Река в том месте была не очень широкая, метров двадцать от силы, и текла по каменистой шевере, а значит, неглубокая. Я перезарядил ружье и бросился на другой берег. Набрал воды в болотные сапоги, а потом еще и оступился. Течение потащило меня вниз. Если бы не ружье, то я бы, скорее всего, смог выбраться или зацепился бы, на худой конец, за какой-нибудь камень. Но мне его было жалко, а с одной рукой мне никак не удавалось за что-то ухватиться. Так меня протащило мимо вопящего на берегу геолога, а когда я увидел, что меня несет в порог, и я наконец бросил ружье, то было уже поздно. Река сузилась, стала глубже, и течение усилилось еще больше. В общем, так я туда и свалился. Потом, находясь в каком-то мутном мареве, ухватился за нечто твердое примерно на уровне воды. Только благодаря этому я не утонул в бурлящем котле. Начал взбираться на эту невидимую опору, но рука скользнула, и я полетел головой вперед. Снова упал в пену, еле вынырнул, наглотавшись воды. Потом с трудом выбрался на совершенно другой берег. Естественно, никакого геолога выше по течению не было. Там вообще никого не было. А было жарко и росли совершенно другие, не знакомые мне деревья...

– Вас не искали? – участливо спросил Игорь.

– Может, и искали, – грустно ответил Андрей Леонидович. – Но сюда за мной никто не пришел, и пришлось устраивать свою жизнь уже здесь.

– Обратно нырнуть в это облако не пробовали? – спросил Игорь.

– Облако? – удивился рассказчик.

– Да. Там посередине водопада висит это мутное и непрозрачное облако, – торопливо пояснил Игорь.

– Думаете, в нем все дело? – Спросил Андрей Леонидович. – Я, конечно, обратил на него внимание уже здесь и прекрасно помню, но не связал его со случившимся со мной.

– Да, когда вас несло в порог с той стороны, вам наверняка было не до этого, – задумчиво проговорил Игорь. – А вот мы его прекрасно видели. Только не придали значения поначалу, приняв за скопление брызг.

– Я спускался потом по водопаду вниз, – поведал Андрей Леонидович. – А местный паренек, который потом стал старостой села, страховал меня на веревке. Вернуться я не смог, – грустно подытожил он.

– Мы на такое не решились, но бросали туда камни и палки, – сказал Игорь. – Все они падают в воду как обычно. Кроме тех, кто попадает в нижнюю часть облака. Эти отскакивают назад.

– Любопытно, я до этого не додумался. Но результат, как мы теперь знаем, такой же нулевой.

– Да, – мрачно согласился Игорь.

– А ружье вы не нашли? – спросил Саша.

– Нет. Хотя и долго искал его. Но река здесь хоть и мельче той, но все же не настолько, чтобы можно было обшарить дно. Сохранил только патроны. Даже высушил их потом. Но здесь не изготавливают подобного оружия. Здешний мир по многим параметрам примитивней нашего.

– Да, мы заметили, – подтвердил Саша. – Расскажите, что здесь вообще происходит. Что за люди, как живут. И где мы вообще? На Земле хоть?

Андрей Леонидович не спеша налил себе еще чаю, отпил немного и, откинувшись на спинку стула, начал:

– Конечно, это Земля. Могли бы и догадаться по тем же созвездиям. Более того, конкретно это место, где мы сидим, вне всякого сомнения, все та же Камчатка, только оказавшаяся в другой, более теплой климатической зоне. Поскольку я прожил здесь некоторое время, то прежде всего обратил внимание, что, несмотря на в целом совпадающий рельеф, летом здесь темнеет раньше, а зимой позже, чем я привык. То есть по широте мы находимся явно южнее, и намного. Как это произошло и почему, я, естественно, не знаю. Но это факт. Кроме того, я тут немного

попутешествовал, и не только по Камчатке, которую местные называют Кинурия, но и по соседним странам. Я видел местные карты, довольно хорошие, кстати, и могу с уверенностью сказать, что по крайней мере эта часть мира соответствует нашей в общих контурах. Береговая линия, горы, острова – все на месте. Только климат теплее намного. Отчасти это объясняется тем, что мы пространственно находимся южнее. Судя по картам, то, что у нас называлось Филиппинами, здесь съехало вообще почти к экватору. Но это еще не все. Здесь совершенно другие океанские течения. На редкость благотворно сказавшиеся на климате. Вдоль всего западного берега Великого океана здесь идет очень мощное и теплое течение, начинающееся где-то в экваториальных широтах, омывающее в том числе и берега Камчатки-Кинурии и идущее даже дальше на север. Оно заворачивает на восток, только где-то не доходя нашей Чукотки. Там, посреди моря, оно сталкивается с холодным арктическим течением, вырывающимся из пролива между материками, который здесь намного шире, рождая страшные водовороты и шторма. Моряки стараются избегать тех мест, потому что бывает, даже большие корабли там бесследно исчезают. Похожее теплое течение омывает и берега противоположной стороны океана и заворачивает на запад вдоль Делосских островов, которые в нашем мире называют Алеутскими. Где-то посередине происходит другая страшная встреча, которую моряки тоже избегают. Арктическое течение вбирает в себя эти воды и движется затем почти строго на юг через пол-океана и только у экватора встречается с таким же ослабевшим течением с другого полюса, разворачивается в широтном направлении, распадаясь надвое, прогревается в тех краях, вбирает в себя теплые воды и, уже обновленное и теплое, движется на север вдоль континентов, орошая их своим дыханием.

– И каков уровень развития этого мира? – спросил Игорь.

– Примерно он соответствует нашему семнадцатому или восемнадцатому веку. Если ориентироваться на Европу. Как вы уже, наверно, видели, здесь в ходу кремневые ружья, шпаги, сабли, пушки, стреляющие ядрами. Используется порох. Строятся довольно большие деревянные парусные корабли. Процвечают города, ремесла, хорошо развито сельское хозяйство. Но разумеется, что не стоит проводить прямых аналогий с нашей историей. Здесь все очень самобытно и уникально.

– А страны здесь какие? – живо поинтересовался Саша.

– Страны? Разные, – после небольшой паузы ответил Андрей Леонидович. – В принципе, и Кинурия, и все острова к югу здесь населены в сущности одним народом – элоями. Их прародиной является Элоя,

которая находится на Японских островах. Вообще, довольно долго весь миропорядок в этой части земного шара определяла Империя. Она и сейчас, конечно, сильна, но несколько сдала свои позиции под напором изменений. Разумеется, что эта Империя располагается на территории Китая. Примерно. Только никаких китайцев там нет и в помине. В целом там живут такие же люди, вполне европейского вида. И хоть у них другой язык, другая религия, они не сильно отличаются от элов, разве что темноволосые там встречаются чаще, чем здесь.

– Мы их тут вообще не видели, – вставил Коля. – На меня пялятся как на диковинную зверушку.

– Еще увидите, – усмехнулся Андрей Леонидович. – Так вот, – продолжил он после небольшой паузы. – И долгое время Империя диктовала здесь весь порядок. Даже тем народам, которые ей напрямую не подчинялись. Это очень древняя цивилизация, уходящая своими корнями как минимум на тысячелетие. Уже тогда там были большие города, могущественные государства и процветающая культура. Да, – усмехнулся рассказчик, – я тут немного поработал по своей прежней специальности, занявшись историческими изысканиями. Порылся в старинных рукописях, попытался их свести воедино. Истории как науки здесь до недавнего времени не существовало. И в том, что она начала появляться и пробуждать в людях интерес, есть и моя заслуга. – И после небольшой паузы продолжил: – Элои долгое время находились на обочине цивилизации. То, что Империя до них в свое время не добралась, объясняется только тем, что их хранило море и беспокойные соседи Империи со всех сторон. Да, и порядок там был не всегда. Она постоянно то тонула в междоусобных войнах, то изнывала от нашествия варваров, то вообще распадалась на отдельные части. Но всегда возрождалась, обрастая все новыми землями. Элои в те времена полностью зависели от Империи экономически, существуя в виде нескольких государств на своих островах и получая с материка практически всё: предметы роскоши, искусные ремесленные изделия и в том числе сами металлы. Прежде всего железо. Нет, скорее всего, что-то было и у самих элов, но в совершенно мизерных и недостаточных количествах. А расплачиваться им за все это, по сути, было нечем. Продукция сельского хозяйства и рыба Империю не интересовали – своей было навалом. Поэтому платили людьми. Множество элов продавалось в рабство на материк. Был и другой источник дохода – наемничество. Молодые люди массово поступали в имперскую армию, подписывая контракт и принимая на себя специальное клеймо, защищая земли Империи от других варваров. Мало кто из них потом возвращался

домой. Они или погибали где-то, или оставались в Империи, закончив службу. И неизвестно, сколько бы это все продолжалось, если бы кто-то из северных владетелей элов не решил добывать для продажи в рабство иноплеменников и не двинулся бы за ними на соседние Кандийские острова, то есть на Курилы и на Мелос, наш Сахалин. Сейчас даже неизвестно, что там жили за люди. Но они наверняка находились на несоизмеримо более низкой ступени развития, чем даже элои, потому что от них не осталось никаких сооружений. Начали ловить людей по островам, чтобы получать за них имперское золото и покупать для себя все необходимое. И быстро наткнулись на россыпи железа. (Речь идет о титано-магнетитовых россыпях Итурупа и окрестных островов.)

– Так у элов появилось свое железо, – продолжил Андрей Леонидович после небольшой паузы, – с помощью которого они прежде всего перевооружили свою армию по имперскому образцу. Ведь некоторые наемники все же возвращались домой. Другие владетели тут же бросились искать новые земли и для себя. Судя по всему, к этому времени элои научились уже строить большие корабли, тогда еще гребные, способные противостоять океанским волнам. Поэтому вскоре прежде всего Кандийские острова стали представлять собой жуткую мешанину из полуколониальных владений. Местное население безжалостно истреблялось, сгонялось на рудники, если находились новые месторождения, или продавалось в имперское рабство за золото. Кстати, золото там тоже вскоре нашли, расплачиваясь им за товары напрямую. Началась Великая Эпоха экспансии. Корабли элов, подобно аргонавтам, устремлялись во все стороны в поисках новых земель для поселений и за земными богатствами. Продавать в рабство своих перестали, что подстегнуло и без того буйную демографию. На юге элои быстро освоили цепь островов и добрались до Эвбора, нашего Тайваня. На севере начали осваивать Кинурию-Камчатку, где тоже нашли вскоре и железо, и золото. Попадались и другие металлы, прежде всего медь и олово. Все это насыщало Элою богатством, поднимало их экономику, способствовало развитию ремесел. Со временем они переняли у имперцев искусство шелкопрядства и изготовления фарфора. Теперь они уже сами представляли собой экономический центр, снабжавший различными товарами многочисленные народы, живущие по берегам океана и окрестных морей. С этого момента они открывали новые земли для того, чтобы торговать с ними, получая более дешевые товары, которые перепродавали в Империю или другие страны, превратившись, кроме всего прочего, в великих торговых посредников и морских перевозчиков.

Параллельно шло заселение новых территорий, потому что в самой Элоэ население плескалось через край.

– К моменту важнейших изменений, – продолжал рассказчик, – элои освоили на юге Мегорские острова, наши Филиппины, и добрались до Флиунтии, то есть Индонезийских островов, которые здесь находятся по другую сторону экватора. Там они растеклись редкими ручейками в этом огромном архипелаге. Обнаружили пролив в Индийский океан, который называют просто Западным, и добрались до собственно Индии, с государствами которой установили торговые отношения. На севере же освоили не только Кандийские-Курильские острова, но и остров Мелос, наш Сахалин, разбросали свои фактории по всему побережью Мелосского моря (Охотского), вытягивая все соки из отсталых туземцев. К северу от Камчатки-Кинурии тоже везде стояли их фактории, впрочем, дальше зоны влияния холодного течения они забираются и сейчас редко, потому что климат там очень тяжелый для них. Но самое главное, что, двигаясь вдоль цепи Делосских, Алеутских, островов, они добрались до Американского континента, который здесь называют без затей Восточным материком, и расставили свои фактории и там. Одним словом, уже двести лет назад они представляли собой хоть и разобщенную, но очень большую силу как в военном, так и в экономическом отношении.

Тут Андрей Леонидович не спеша отпил чаю, взял со стола кусок сыра, намазал его медом и с наслаждением съел.

– Я так понимаю, что вы нас подводите к чему-то важному, – заинтригованно сказал Саша. – Появились пришельцы с нашей Земли?

– О нет, – ответил рассказчик, улыбнувшись. – Пришельцы были другие. Местного разлива, так сказать. Это сейчас известно, что ни по северному пути, ни по южному, минуя Африку, нельзя попасть в другой океан, называемый у нас Атлантическим. Кстати, в Африке живут все те же негры. На севере, где-то посередине континента, я так подозреваю, напротив Таймыра, море закрыто льдами круглый год. Впрочем, до этих мест иногда доходят слухи, что очень редко бывает, когда особенно тепло и долго дуют южные ветра, побережье там освобождается ото льда на короткое время и пророскочить на запад все же можно. Но чтобы получить такую возможность в следующий раз, можно прождать очень много лет. Да и вообще в тех краях климат настолько ужасен, что о плавании там на деревянных кораблях не может быть и речи. Но и на юге прохода нет. Я поначалу долго не верил в это, пока сам не побеседовал с некоторыми капитанами, бывавшими в тех краях. Здесь Африка продолжается гораздо дальше на юг, чем у нас, и ее южная оконечность теряется где-то в

антарктических льдах. И корабли, естественно, не могут пробиться через них. На востоке такая же история. Прохода через острова Канадского Арктического архипелага также не существует, а на юге нет не только Магелланова пролива, но и пролива Дрейка. Горная цепь Анд продолжается дальше на юг, то ли смыкаясь с Антарктидой, то ли просто утопая в приполярных льдах. Поэтому, если бы здесь и был свой Магеллан, он бы при всем желании не смог совершить кругосветное плавание. Тем не менее люди смогли убедиться, что Земля круглая... Да, я сейчас употреблял исключительно привычные вам названия, чтобы не засорять голову и было понятней, о чем я. Все эти земли здесь именуются совершенно по-другому... – поправился в конце своего длинного монолога Андрей Леонидович.

Глава 4

– И что же это за пришельцы? – спросил Саша.

– С запада, – ответил рассказчик. – А потом и с востока. Это с какой стороны посмотреть, – усмехнулся он. – Как вы сами понимаете, здесь Атлантический океан оказался отрезанным от остального мира. Люди в этой части света и сейчас очень мало знают о том, что там происходит. А жизнь в тех краях развивалась не менее бурно. Но началось все с запада. Примерно двести лет назад сначала на фактории у побережья Мелосского моря, а потом и на побережье океана на севере неожиданно напали шайки каких-то неведомых разбойников. Наверно, слухи о них и успели достигнуть до торговцев, державших там склады. Но они пребывали в полной уверенности, что это сильно преувеличено отсталыми туземцами, уповая на свою довольно сильную охрану, закованную в доспехи, и на крепость стен, которые в большинстве своем были из дерева, а то и вовсе высоким частоколом. Никто не успел даже понять, что произошло, потому что разбойники были хоть и малочисленны, но имели невиданное доселе оружие, метавшее огонь и пробивавшее тяжелыми свинцовыми шарами любые доспехи. В течение нескольких лет многие фактории по побережью Мелосского моря были разграблены, погибло много людей. А потом, очевидно, пройдя северным путем, разбойники обрушились и на фактории на побережье океана. Это были рослые и свирепые люди, с чуть смуглой кожей и заросшие черными бородами почти до глаз. Я их видел – похожи на наших арабов или кавказцев. Как потом стало известно, передвигались они по рекам на небольших, но вместительных плоскодонных лодках, способных выходить даже в море. Перетаскивали их через волоки и обрушивались с яростью, достойной демонов, на всех, кто попадался им на пути. Убытки были колоссальными. Неведомые шайки подбирались уже к Кинурии, где было множество колонистов и которая уже тогда считалась важным сельскохозяйственным центром, снабжавшем зерном Элою. Наместники провинций никак не могли скоординировать свои действия и выработать общий план, поскольку принадлежали все к разным государствам Элои. Этот период истории уже достаточно хорошо известен, от него осталось довольно много документов, поэтому здесь у меня минимальное количество домыслов. Неожиданно смог выделиться тогда еще мало кому известный предводитель наемников. Он собрал большой отряд и предложил свои услуги наместнику Платеи, пообещав избавить

страну от страшных пришельцев. Это большой город на берегу Авачинской бухты, основой благосостояния которого является сама бухта и все те же железные россыпи на берегу (Халатырское месторождение). Наместник выделил ему в помощь еще войска, корабли, и довольно большой флот отправился сначала на север прогнать пришельцев из только что разоренных факторий. Что там произошло, в деталях неизвестно. Возможно, смелый предводитель грамотно использовал внезапность или применил какую-то оригинальную хитрость, но он смог довольно легко разбить большой отряд разбойников в первом же бою, захватив богатую добычу, а главное, новое оружие и припасы к нему. Более того, он смог довольно быстро освоить принцип его использования и научить пользоваться им многих своих солдат. Поэтому уже в следующем бою элои наголову разгромили доселе непобедимых пришельцев, снова взяв богатую добычу, новое оружие и припасы. За один год они очистили все побережье от разбойников, вернувшись к зиме в Платею. Предводитель наемников, его звали Патрок, получил всеобщее признание, большую долю в добыче, а главное, под его знамена встали отряды других наместников, которые начали объединяться вокруг него. И, насколько я знаю, уже тогда начали учиться изготавливать как само оружие, так и необходимые припасы к нему, то есть порох. Хотя на это и требовалось время.

На следующий год Патрок отплыл с большой армией на запад, на берега Мелосского моря, намереваясь восстановить справедливость и там, – продолжал Андрей Леонидович. – Удача сопутствовала ему снова, пришельцы были разгромлены в нескольких сражениях, земли побережья очищены от них. Но было ясно, что этого мало. От пленных стало известно, что принадлежат они к неведомому до сих пор народу габалов, обитающему далеко на западе, долгое время расширявшими территорию своих владений, продвигаясь к берегам Великого океана. Все дело в том, что там, на западе, существовал и существует другой центр цивилизации, где использовался порох в военном деле. Габалы являлись окраиной этого мира. А когда получили доступ к огнестрельному оружию, смогли быстро разгромить своих менее цивилизованных соседей, а потом перед ними открылись совершенно дикие слабозаселенные пространства, на которые они и устремились в поисках богатств и земель для расселения. Сейчас трудно сказать наверняка, но, кажется, сначала они вышли на западные рубежи Империи. Но, испугавшись высланных им на встречу огромных армий, стали вести себя тихо. А вот с элоями получилось явное недоразумение. Больших армий они не видели, продвигались вперед быстро, плохо понимая языки аборигенов. А встретив очередной новый

народ, не обладавший в тех дальних краях большими армиями, приняли их за очередных дикарей, поступая с ними так, как привыкли: попросту грабя, а при сопротивлении убивая. А потом, когда пролилось уже слишком много крови с обеих сторон, отступить было поздно.

Так вот! – продолжал Андрей Леонидович, явно распаляясь. – Разгромив их отряды на побережье и допросив многочисленных пленных, Патрок понял, что еще ничего не закончено. Габалов гнала вперед безумная жажда наживы, а за горными массивами, на западе и на севере, они уже создали свои базы, построили деревянные крепости и перевалочные пункты, куда неизбежно спустя некоторое время придут новые отряды искателей приключений и чужого добра. И если он хочет обезопасить побережье от них в дальнейшем, то должен показать силу элоев и там, заодно разрушив эти базы. На подготовку к этому походу ушло три года. За это время кинурийские элои изготовили большое количество своего пороха и немного нового оружия, обучив пользоваться им своих солдат. И тогда, используя захваченные и построенные самими плоскодонные лодки, небольшая армия отправилась сначала на север, разгромив и уничтожив базы габалов там. Это аналог нашей Колымы. Там, кстати, и сейчас довольно холодный климат, с коротким летом и очень морозной зимой. Впрочем, по имеющимся у меня сведениям, не настолько суровый, как в покинутом нами мире. Тем не менее для теплолюбивых элоев это было тяжелым испытанием, пройти которое им стоило немалых трудов и жертв. А потом, вернувшись на побережье и пополнив свои силы, спустились вдоль него южнее и, перевалив через горный хребет, обрушились на форпосты габалов в долине реки, которая у нас называлась Лена. Несмотря на прибывшие с запада новые отряды, габалы и там были полностью разгромлены, а их базы сожжены.

Андрей Леонидович немного помолчал, размышляя, что еще поведать своим спутникам. Тогда Саша, как и все жадно слушавший этот впечатляющий рассказ, задал вопрос:

– А на западе, за хребтом, тоже так тепло, как здесь?

– Нет, – ответил рассказчик. – Там намного холоднее, хотя и не на столько, как в нашем мире. Судя по имеющимся здесь картам, Камчатка и все побережье океана смещены примерно на десять градусов к югу. Я, конечно, не помнил точных географических координат Петропавловска, но знаю, что он находился где-то на пятьдесят третьей параллели и южнее Москвы. Что сейчас на месте Москвы, я понятия не имею, но здесь Авачинская бухта, именуемая Платейской, расположена на сорок третьей параллели.

– Э-э-э... – вклинился в разговор Коля. – А здесь что, тоже используют систему градусов, аналогичную нашей?

– Вы быстро схватываете суть, молодой человек! – похвалил его Андрей Леонидович, улыбаясь. – Как это ни странно, но да. Позже я обязательно расскажу, когда это произошло, и поделюсь своими соображениями по этому поводу.

– В общем, здесь все смещено на юг, поэтому и теплее, – перевел разговор в интересующее его русло Саша.

– Не только, – ответил Андрей Леонидович. – Во-первых, смещение, насколько я понимаю, не линейное. Здесь имеет место некий поворот всего континента вокруг одной точки, а может, и всего восточного полушария. И эта точка поворота, по моим прикидкам, находится далеко на западе, возможно, даже в бывшей Европе. Это здесь, на самом краю континента, смещение на юг порядка десяти градусов. А чем дальше на запад, тем оно, скорее всего, меньше. Об этом я догадался, когда увидел карты северного побережья. Я хорошо помнил, что в общих чертах оно имеет простираение на запад – северо-запад. Здесь же оно идет почти на северо-запад. Кроме того, уже были экспедиции вдоль северного побережья, достигшие мест, где побережье забито льдами, и имеются их координаты. Я не знаю, соответствует ли здесь самая северная точка континента мысу Челюскин. Там, судя по всему, вообще этого мыса нет, а материк соединяется с Северной Землей. Но самая северная точка, отмеченная на местных картах, находится очень близко к полюсу. В сочетании с неблагоприятной для тех мест розой холодных ветров и направлением морских течений это и приводит к тому, что моря там постоянно забиты льдами. И вообще там очень холодно. А что же касательно остальной территории, так называемой Сибири, то да, она находится немного южнее. Но от теплых воздушных масс с океана почти везде закрыта горными хребтами или массивами. А вот северным ветрам практически везде открыта. Поэтому климат там если и теплее, то ненамного. Да, туда иногда прорываются особенно мощные циклоны с побережья. Но верно и обратное. Сюда тоже иногда приходят гости с севера. В общем, там довольно скверная погода, как правило. Лето короткое, а зима долгая. Но вечной мерзлоты, насколько я знаю, гораздо меньше. Только на севере, ближе к Северному Океану.

Немного помолчав и собравшись с мыслями, Андрей Леонидович продолжил:

– Окончательно разгромив габалов, Патрок вернулся в Кинурию, увенчанный славой и всеобщим признанием. Вскоре от габалов прибыло большое посольство договариваться о мире. Элои не претендовали на

внутренние территории за горными хребтами, а потому позволили вернуться туда своим недавним противникам, но взамен потребовали не посягать на побережье, впрочем, разрешив габальским торговцам посещать его. На самом же побережье было создано несколько буферных государств, формально независимых, но во многом подчинявшимся по сложной иерархической лестнице элоям, через кинурийских наместников или напрямую. После этих событий след Патрока теряется на некоторое время, хотя, по мнению многих, он мог претендовать на власть как минимум где-то в Кинурии или в новообразованных государствах. И, возможно, его имя так бы и затерялось, если бы не новая напасть, постигшая элоев, едва они перевели дух после столкновений с габалами. Все дело в том, что буквально незадолго до первой встречи с ними один кинурийский купец, торговавший с землями Восточного континента, забрался в тех краях слишком далеко на юг в поисках новых рынков сбыта, а может, и новых сокровищ. Как бы то ни было, сейчас известно, что примерно в районе нашего Сан-Франциско он обнаружил совершенно другой народ. Да, забыл сказать, что весь Восточный континент, то есть Америка, здесь тоже заселен белой расой. Туземцы, с которыми до той поры сталкивались элои, находились на крайне примитивном уровне развития. Во всяком случае на севере. Климат там тоже довольно хороший благодаря теплomu течению, омывающему берега. Даже в тех местах, которые мы называли Аляской, довольно тепло. Во всяком случае до горных хребтов. За ними земля открыта северным ветрам, и там примерно то же самое, что и у нас. Так вот, этот новый народ совершенно не походил на элоев. Это в нашем понимании натуральные азиаты – желтокожие и с узкими глазами. По иронии судьбы их изначальным местом обитания является как раз Европа. И они создали довольно высокоразвитую цивилизацию, в том числе именно они первыми начали широко применять оружие с порохом. Нетрудно предположить, что они тоже в свое время начали искать путь в Индию. Но с юга им преградили путь полярные льды, а вот на западе они обнаружили новый континент, начав его осваивать сначала в погоне за золотом и серебром, а потом уже и с хозяйственными целями. Поскольку их «Магеллан» не смог совершить в свое время кругосветного путешествия и соответственно открыть земли элоев для своего народа, то они долгое время ограничивались деятельностью на вновь открываемых землях, не рискуя отправляться в плавание по Великому океану. К тому же у них со временем неизбежно возникли проблемы, поскольку в гонку за новыми землями включились не менее алчные соседи, норовившие отнять наиболее лакомые куски. В общем, так уж случилось, что встреча двух цивилизаций

произошла только двести лет назад. Этот народ здесь называют хайдарами. Встретив их, тот купец повел себя точно так же, как и габалы. В тех краях элои привыкли довольно высокомерно обращаться с туземцами, уповая на свою силу и организованность. По каким-то причинам купец не придал значения явно более цивилизованному виду встреченных им людей, возможно, возникло недопонимание из-за совершенно различных культур. В общем, элои разграбили небольшое поселение хайдаров и задержались там, чтобы освоиться в новых землях. Но возмездие не заставило себя долго ждать. Вскоре прибыла карательная экспедиция на большом корабле с пушками. Элое захватили в плен, тщательно допросили и оставили у себя. А вскоре в разгар борьбы с габалами прямо со стороны океана к берегам самой Элои приплыло три огромных корабля с хайдарами. Их приняли за торговцев, хотя товаров они не привезли, а только ходили по улицам, знакомясь со страной, изучая язык и местные нравы. Спустя несколько месяцев они отправились обратно, и их никто больше не видел много лет.

Рассказчик замолчал на некоторое время, собираясь с мыслями.

– Я так полагаю, когда они вернулись, то уже не были столь мирными, – вставил Саша.

– Совершенно верно. К тому времени с габалами уже был заключен мир, которым все наслаждались, поэтому, когда из океана появился целый флот, состоявший из множества больших и малых кораблей, правители Элои растерялись. А между тем с ними никто и не собирался разговаривать. Входя в гавань, огромные военные корабли разворачивались бортом и открывали губительный огонь из своих пушек, топя суда элое и сокрушая береговые постройки. Затем на берег под прикрытием орудий высаживался десант в кирасах и железных шлемах, с ружьями и небольшими пушками. Надо пояснить, что к тому времени в самой Элое только узнали и недавно получили несколько образцов огнестрельного оружия, еще даже не начав его производить, в отличие от Кинурии. Поэтому оказать достойного сопротивления новым пришельцам элои не смогли. Все их отборные войска, закованные в казавшиеся надежными доспехи, вскоре погибли под пулями и картечью. Основные портовые города оказались захвачены, а население было вынуждено склониться перед иноземными захватчиками. Но не везде. Власть хайдаров, как правило, заканчивалась за городскими стенами. Внутренние районы и города западного побережья им вообще не подчинялись. Кинурия, города и земли которой раньше принадлежали различным элойским владельцам, оказалась предоставлена сама себе. То же самое происходило и в других

колониях. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы хайдаров не подвела их жадность. Они медленно двинулись на север, вдоль Кандийских островов, захватывая и грабя прибрежные острова и задерживаясь там, где находили золото. На Кинурии почувствовали себя в опасности. Бывшие наместники забеспокоились, понимая, что вскоре настанет и их черед. И снова отыскиали Патрока, уже однажды спасшего их от нашествия чужеземцев. Объединившаяся Кинурия выставила большую армию. Кроме того, как оказалось, за время своего «отсутствия» на политической сцене Патрок научился и смог изготовить несколько орудий, небольшие образцы которых видел ранее на базах габалов. Наместник Платеи предоставил ему все мощности своих железоделательных мануфактур, где за несколько лет смогли наладить массовый выпуск пушек, черпая руду тут же с близлежащего месторождения и переплавляя старые доспехи и оружие. Тем не менее первое сражение, которое выиграл Патрок, произошло при острой нехватке пушек, которых было еще очень мало. Выдвинувшись с флотом навстречу, он смог внезапно напасть на хайдаров, когда они стояли на якоре в большой и очень удобной бухте города Скира на одном из островов. (Имеется в виду остров Симушир и бухта Броутона на нем.) Элои смогли незаметно высадиться на берег в другом месте и своими небольшими ударными отрядами через предместья подкрались к самой крепостной стене и воротам, когда множество хайдарских моряков и солдат находились в городе. Как только они напали на беспечных врагов, в бухту ворвался и их флот, высаживая абордажные команды на огромные корабли хайдаров. Разгром был полный. Естественно, что с этого острова никто не ушел, а все хайдары были или перебиты, или взяты в плен. Но главное, элоям достались почти все их корабли, много ружей и пушки. Но победа не вскружила Патроку голову. Он не отправился дальше на юг, поскольку знал, что ему удалось разгромить лишь небольшую эскадру, а для битвы со всем флотом хайдаров потребуются пушки и совершенно по-другому обученные команды на кораблях. Поэтому он вернулся в Кинурию, перевооружая флот и усиленно тренируя новые команды. За это время, понимая всю серьезность ситуации, элои сплотились как никогда. Города западного побережья Элои объединились под руководством Совета Ста, куда вошли виднейшие представители их купечества и военные командиры. Но все они связывали победу с именем прославленного кинурийца, с которым поддерживали тесную связь. На следующий год огромный флот направился к берегам Элои. В его составе были и большие корабли, захваченные у хайдаров ранее. Используя, как всегда, внезапность и поддержку во внутренних районах страны, они смогли довольно быстро очистить от

хайдаров северные провинции. А потом состоялась решающая битва. Пушкари элов были менее опытные, непривычные большие корабли совершали неуклюжие маневры, но тем не менее моряки и солдаты не щадили своих жизней, понимая, что решается судьба всего их народа. Ценой огромных потерь, несмотря на то что не раз казалось, будто поражение неизбежно, они победили, после чего им оставалось сломить лишь незначительное сопротивление брошенных в городах гарнизонов, что было уже нетрудно.

Андрей Леонидович замолчал, собираясь с мыслями для дальнейшего рассказа. И после небольшой паузы продолжил:

– Несмотря на победу, в Эло на этот раз не наступило эйфории. Все понимали, что перед новыми пришельцами они очень уязвимы. И пусть через несколько лет, но они появятся снова на своих огромных кораблях и, возможно, в еще большем количестве. Поэтому, несмотря на имевшиеся противоречия, они объединились, отдав верховную власть единственному человеку, который не принадлежал ни к одному торговому клану или политической партии и вместе с тем пользовался непререкаемым авторитетом в армии, и это был Патрок. Ему был дарован титул Верховного Диктатора, с очень широкими полномочиями, а расширенный Совет, куда вошли представители крупнейших городов как самой Элои, так и многочисленных колоний, являлся его совещательным органом. Начали строить огромный флот нового типа, опираясь на захваченные корабли и вооружая их пушками. Но хайдары все не появлялись. Изучив захваченные карты, в их земли отправили сильную военно-разведочную экспедицию, которая застала колониальные владения хайдаров в плачевном состоянии, раздираемые новыми агрессивными соседями, также приплывшими из-за Атлантического океана. Благодаря благоразумию адмирала, руководившему этой экспедицией и являвшемуся ближайшим соратником Патрока, начались переговоры о мире. В Элою прибыло посольство, с которым был заключен пространный договор, регулировавший дальнейшие взаимоотношения и разграничивавший сферы влияния.

– За годы, потраченные на подготовку к войне, – продолжал Андрей Леонидович, – Патрок провел множество важных реформ, пользу от которых многие быстро оценили. Были стандартизированы монеты, меры весов, длины и прочего. Упразднены таможенные барьеры внутри обширных владений элов, введены единые законы. Поэтому, когда непосредственная угроза миновала, Патроку была оставлена прежняя власть, которая на тот момент всех устраивала. И он продолжил свою деятельность, показав себя выдающимся государственным деятелем. Его

правление, как и двух его последователей, считается золотым веком элоев. И тут самое время рассказать об одном из нововведений, осуществленном непосредственно под его руководством, которое лично меня наводит на очень глубокие размышления.

Рассказчик замолчал, наливая себе новую порцию чая, а Коля негромко сказал:

– О градусах.

– Совершенно верно, – согласился с ним Андрей Леонидович, делая большой глоток и закусывая печеньем. – Естественно, столкнувшись сначала с габалами с запада, которые знали о хайдарах как жителях западной окраины континента, а потом встретив и самих хайдаров на востоке, можно было догадаться о шарообразности Земли. Да еще и подкрепив это астрономическими наблюдениями. Тем более можно было к этому прийти, захватив карты хайдаров и сопоставив их со своими. Соответственно, можно было создать и свою географию с системой координат, опираясь на традиционные меры. Дело в том, что у элоев с древнейших времен господствует десятичная система. Все просто – десять пальцев, которыми можно показывать хоть единицы, хоть десятки, хоть сотни и тысячи. Исторически в разных государствах сложились разные величины различных мер, но все они опять же десятичные. Патрок их стандартизировал, выбрав наиболее распространенные, ничего принципиально не поменяв. Но у элоев не было до него геометрии как науки. Разумеется, они как-то мерили углы, делали простейшие расчеты, опираясь на все ту же десятичную систему. И, немного поразмышляв, я пришел к выводу, что по большому счету им ничего не мешало создать свою полноценную геометрию со временем, естественно десятичную. Ну, измеряли бы они углы не в градусах, в которых шестьдесят минут, а, допустим, в наших аналогах градусов. Суть бы от этого не изменилась. Расчертили бы они со временем глобус не в триста шестьдесят меридианов, а в четыреста или даже в тысячу, что, согласно их логике, было бы естественней. Ну и что? У хайдаров вообще черт ногу сломит в числах, все через одно место, поэтому идея точно не от них. А получилось, что глобус расчерчен именно на сто восемьдесят, причем с указанием восточной и западной долготы, и даже время измеряется именно в наших часах и минутах. Все списывают это на авторитет Патрока, когда он спешно вырабатывал с моряками законы новой навигации, для плавания напрямик через океан. И тут я подумал, что эту странность можно объяснить только одним. Новая наука разрабатывалась действительно в спешке, и Патрок просто насадил то, что и так было в его голове. А именно нашу градусную

меру и геометрию.

– Он тоже из нашего мира? – спросил ошалевший Коля.

– Почти наверняка, – подтвердил Андрей Леонидович. – За это говорит также и то, как он быстро разобрался с принципами использования огнестрельного оружия, которого эloi до этого вообще не знали. Как ввел новую тактику его использования. Как целенаправленно строил флот нового образца, не только копируя корабли хайдаров, но и с ходу внося изменения, делавшие корабли лучше именно в новом качестве. Он внес слишком много изменений во все, опережая свое время. Местным этого не видно. Им это кажется гениальным. Но для меня, чем больше я изучал его действия, несомненно, что это человек из нашей цивилизации.

– Говорите, это было двести лет назад? – спросил Саша.

– Да. Первые столкновения с габалами произошли именно тогда.

– Начало девятнадцатого века, – задумчиво проговорил Саша. – Кем он мог быть?

– Можно только предполагать, – развел руками Андрей Леонидович. – Камчатка была уже в составе России достаточно давно к тому времени, но, конечно, очень плохо освоена. Поэтому, скорее всего, он был именно русским, причем довольно образованным человеком. Возможно, сосланным в те далекие края за какие-то прегрешения. Но, судя по его действиям, с высокой долей вероятности можно утверждать, что он был морским офицером. Тогда становится понятно, что он прекрасно знал, как нужно обращаться с огнестрельным оружием и использовать его, как должны выглядеть нормальные корабли и как определять свое местоположение в море, с помощью каких формул и величин. Несомненно, что у этого человека, оказавшегося на вершине власти, было очень много дел и заниматься адаптацией новых знаний к местным условиям у него не было времени. Поэтому он просто насадил здесь то, что помнил и знал, лишь бы этим можно было скорее воспользоваться.

На некоторое время на веранде воцарилась тишина. Все переваривали услышанное. Первым нарушил молчание Игорь:

– Здесь много наших?

– Не считая меня и вас, было еще трое, – ответил Андрей Леонидович. – Один уже умер, вроде своей смертью. Другой ведет где-то тихую жизнь, не поддерживая ни с кем тесных связей. Я даже не знаю, где он сейчас. А вот с третьим я вас, возможно, и познакомлю. Это очень предприимчивый человек, уже добившийся здесь неплохого положения. Он иногда заезжает ко мне в гости по старой памяти. Но сейчас его нет поблизости. Они попали сюда из девяноста девятого, поэтому я и знаю о

том, что происходило в России до этого года. В общих чертах, разумеется. Теперь вы дополнили мои знания.

– Он тоже связан с местной религией? – осторожно спросил Игорь.

– Совсем нет. Он моряк. И теперь под его началом собственный корабль, что-то типа нашего фрегата. Парусного, разумеется. Где-то носит его по здешним морям.

– А вы? Почему вы здесь? Вы приняли местную веру? – продолжал задавать вопросы Игорь.

– Как вам сказать, – задумчиво начал Андрей Леонидович. – Даже там, живя в Советском Союзе, я считал в глубине души, ведь что-то есть в природе, управляющее в том числе и людьми. Не в буквальном смысле, конечно. Но есть некая высшая сила. По большому счету так считали или подозревали многие. Все эти религии – христианство, мусульманство и другие – это всего лишь адаптация для понимания части законов мироздания людьми. И созданная людьми. К тому же явно не без практической пользы. Нет, по большому счету я и здесь не обнаружил для себя ничего нового. Религия, она везде одинакова и лишь отражает понимание людьми окружающего мира и законов сосуществования, давая им некие ориентиры. Но здесь она не застывшая, лишена незыблемых догм, ближе к естественным потребностям людей, вместе с тем облагораживает их души, делая чище. Именно этим я и занимаюсь. По сути, служу людям, а не богам. Здесь это многие понимают и не делают из подобного подхода трагедии.

– Здесь язычество? – спросил Саша.

– Формально да. Здесь нет единого бога. Фактически местная религия является прямым продолжением более ранних и примитивных верований, в которых не было никакой моральной составляющей. Постепенно религия менялась, адаптируясь под новые человеческие запросы. Одни боги отодвигались на задний план, но не забывались, другие возвышались, наделялись новыми чертами... Сейчас здесь считается верховным божеством Ипни – бог солнца. Вы могли видеть его изображение на фронтонах храмов. Он дарит жизнь всему живому, олицетворяет собой добро, любовь и чистоту помыслов, с которыми тесно связано понятие божественной справедливости, к которой должны стремиться и люди. Справедливость здесь пытаются возвести в некий Абсолют, выводя чуть ли не ее формулу, или законы, распространяя на все вокруг. При этом есть понимание того, что в природе она для каждого своя, поэтому не всегда является Добром для каждого. Это очень сложно рассказать в двух словах, но здесь ведутся горячие философские диспуты на эту тему, пишутся

трактаты. Важным моментом является то, что понятие божественной справедливости тесно связано с государственной властью, священной обязанностью которой является забота о своих подданных. Не в смысле делать им сплошное добро, а именно делать все по справедливости, зримым воплощением которой являются законы. Поэтому здесь даже чиновники сильно ограничены не только угрозой физического наказания, но и моральными установками религиозного порядка. Разумеется, это не всех останавливает от злоупотреблений. Но все же это серьезный дополнительный сдерживающий фактор их произвола. Конечно, все это касается только элов, верующих в Ипни и пантеон его помощников, отвечающих за различные сферы человеческой деятельности. На другие народы все это никак не распространяется, там жизнь подчиняется житейскому опыту, выгоде и неким устоявшимся международным обычаям. Все очень прагматично.

– Судя по всему, вы здесь занимаете немаленькое положение, живя в собственном доме, – заметил Игорь.

– Да, – сдержанно ответил Андрей Леонидович. – В свое время я, ввязавшись в споры о морали в портовом кабаке с одним паломником и опираясь на свой житейский опыт, смог переубедить его в некоторых заблуждениях относительно как раз понятия справедливости. Я легко доказал ему, что справедливость для курицы, которую он режет, и для него совершенно разная. И для купца, скупающего за бесценок жемчуг у туземца, и самого туземца сильно отличается. В общем, слово за слово, разговорились за жизнь. Поскольку я был тогда на мели и никому не нужен, то согласился составить ему компанию в путешествии к особо почитаемому храму. Там разговорился с одним жрецом, которого заинтересовали и другие мои рассуждения, в том числе и о религии в целом, как некой абстракции. Христиане меня бы, наверно, сожгли за такие речи, а мусульмане забили камнями. А здесь ничего, выслушали, накормили, беседовали дальше. Мне сильно помогло то, что в свое время, в институте, я посещал факультатив по логике, кое-что знал и о разных религиях, поэтому умел грамотно выстраивать свои рассуждения, что поражало многих... В общем, сейчас я возглавляю очередное крыло реформаторов, которые обычное явление в здешней религиозной жизни, но верю в свое дело искренне. В дело и пользу, которую я могу принести здешним людям. Понимаете, о чем я?

– Вполне, – ответил за всех Игорь. – Это действительно очень интересно. Надо будет потом разобраться в этих нюансах.

– А откуда эти солдаты, сопровождавшие нас? – спросил Саша.

– Это храмовая стража. Их немного, двадцать человек. Живут в своей казарме, здесь же тренируются, помогают по хозяйству. Разве что на стрельбы ездят на дальний полигон, чтобы не смущать жрецов и паломников своим грохотом. Да и от лихих людей хорошая защита.

– Здесь и такие есть? – иронично удивился Игорь. – Несмотря на все понятия о божественной справедливости?

– А как же без них? Христос тоже завещал «не убий» и «не укради», тем не менее это далеко не всех останавливало. Люди везде одинаковы. Хотя напасть на храмовый комплекс и ограбить святых отцов – это совсем оборзеть надо. Но со стражей как-то спокойнее.

– Хм... – хмыкнул Игорь, – здесь тоже в ходу такое выражение или это вы по инерции сказали?

– Примерно так будет звучать перевод с местного, – ответил Андрей Леонидович. – Во всяком случае по смыслу. Жрец в селении действительно воспринимается людьми как духовный отец, наставник, более сведущий в вопросах веры и моральных тонкостях. К нему приходят за советом в сложных житейских ситуациях, и он помогает им поступить по справедливости. Уж как может... там тоже люди.

– А почему вы забрались так высоко в горы? – спросил Саша.

– Здесь давно стоял многими почитаемый храм, еще дакрийский. Это аборигены Кинурии, которые давно полностью ассимилированы, утратили свой язык и многие обычаи. Но не все. Например, ходить без штанов – это именно их прерогатива. А после того, как Патрок включил часть дакрийских богов в общий пантеон, сюда стали ходить и элои, справедливо полагая, что местные боги сильны именно на этой земле. Собственно, сюда я и пришел тогда с паломником, здесь и посеял сомнения в душах жрецов. Так и живу, на скромное жалованье да с огорода. Ну и люди приносят...

– Мы видели среди солдат женщин, – продолжил интересоваться Саша. – Это странно и не вяжется с технически отсталым обществом.

– Нет ничего странного, если подумать, – ответил Андрей Леонидович. – Особенно если знать местную историю и обычаи. Элои – народ моряков. С древнейших времен мужчины уходили в море надолго, а все хозяйство и прибрежный лов рыбы оставался на женщинах. Они же и защищали дома от чужаков, если хватало сил. Даже в земной истории были известны народы, где была похожая ситуация. Например, у кочевников – скифов и сарматов. Мужчины уходили в дальние походы, а женщины пасли скот и обороняли его от диких зверей и чужаков с оружием в руках. Увидев именно таких сторожей, Геродот в свое время запустил байку об амазонках, наплетя небылиц про отрезанную правую грудь и целый женский народ,

убивавший мужчин. Хотя там наверняка все было не так просто, возможно, были и отдельные женщины-воительницы. Нечто подобное происходило и у древних германцев. Во всяком случае, известно, что женщины сопровождали их в походах и иногда участвовали в битвах, вдохновляя мужчин своим присутствием. А еще в XX веке где-то в этих краях, в районе Окинавы, существовал небольшой народ, где добычей жемчуга с морского дна занимались исключительно женщины, ныряя без всякого снаряжения на большую глубину и забираясь далеко в море. В общем, ничего необычного.

– С охраной своих домов понятно, – продолжал Саша. – Но армия? Как это соотносится с хранительницей очага, материнством... и вообще физиологией? Встреченные нами женщины находятся явно не на хозяйственных должностях.

– С этим никак, – ответил Андрей Леонидович. – К настоящему времени сложилось повсеместно, женщина имеет реально равные права с мужчиной. Во всяком случае, может самостоятельно владеть имуществом, землей, иметь собственное дело. И это не либеральная уступка, а общество пришло к этому само, естественным путем. Здесь нет религиозного предубеждения, которое, несомненно, присуще христианству и мусульманству, что женщина в чем-то ущербна. Скорее наоборот. С точки зрения местных, женщина высоко почитается не только как мать, но и вообще нечто возвышенное, совершенное, дарующее наслаждение и душевную гармонию. Впрочем, им не дают слишком высоко задирать нос и получать много власти – грубую мужскую силу никто не отменял, – улыбнулся рассказчик. – Вообще, все очень сложно, в чем-то даже противоречиво, но смысл сводится к тому, что женщина, как и любой человек, вольна делать все что захочет, если это не вступает в противоречие с законами. А законы ей не запрещают распоряжаться своей жизнью. В том числе и рисковать. Поэтому женщины ходят в море, служат в армии, посвящают себя религии и даже владеют мастерскими. Разумеется, как вы справедливо заметили, и физиология, и общий уклад жизни накладывают свои ограничения на женскую свободу. Став матерями, они уже, как правило, никуда не уходят и обычно посвящают себя хозяйству и семье. Некоторые просто весело проводят молодые годы, отправляясь навстречу приключениям, которые здесь представляют собой целый культ, слой фольклора, и с недавнего времени литературный жанр, а потом становятся образцовыми матерями семейства. А кто-то так и проводит свою жизнь, не находя покоя.

– Мне кажется, что это должно плохо влиять на демографию, –

возразил Саша. – А учитывая наверняка невысокий уровень медицины, даже существенно. К тому же в нашей истории даже во время больших войн, когда народы несли огромные потери в людях, это были в основном мужчины, а женщины и дети страдали меньше. Женщины вообще являются хранительницами генофонда и благодаря тому, что не участвуют в войнах, быстро восполняют потери.

– Формально вы правы, – ответил Андрей Леонидович. – Но я как историк могу вам сказать, что это не совсем так. Во-первых, во время наших войн женщины страдали не меньше, а может, и больше, чем мужчины. Главным образом потому, что долгое время не рассматривались как равные существа. Вы, наверно, слышали, что во время войн женщины на захваченных территориях, а иногда и на своих подвергались массовому насилию и изуверским истязаниям с целью грубого развлечения озверевших солдат. Сами понимаете, что это не способствовало здоровью и поддержанию численности населения. А в случае большой убыли мужского населения участь женщин была достаточно печальна, потому что без мужчины они теряли многие права и средства к существованию. Конечно, общество придумывало способы, чтобы как-то их поддержать, но эти меры были явно половинчатые и не могли спасти всех. Например, на Руси таких вдов могли поддерживать родственники, иногда церковь. Но, как правило, это были малодейственные меры, по остаточному принципу, и все равно приводили к преждевременной смерти женщины и ее детей или от голода, который случался в те годы часто, или от болезней, которые подкашивали ослабевший организм в первую очередь. В мусульманских странах, несомненно, именно этим объясняется обычай многоженства. Но если речь идет о массовых явлениях, то есть о бедняках, которых большинство, то они просто физически не могли прокормить других жен с чужими детьми, и конечный результат получался тот же, если не хуже. То есть попытка помочь и сгладить негативный эффект есть, а результат очень незначительный. Здесь поводов для этого нет. Молодая женщина с еще не выросшими детьми, оставшись одна, конечно, будет испытывать серьезные лишения. Но, получая даже незначительную помощь от родственников или государства, имеет полное право и возможность заниматься чем угодно, обеспечивая свое существование. У нее никогда не отберут землю, и никто ее не выгонит из мастерской. Вопрос только лишь в том, сможет ли она физически с этим справиться. Но тут выступает на первый план местный культ красоты тела, который тесно связан со здоровьем. Думаю, вы уже заметили, что женщины в этих краях отличаются хорошей статью и не чураются никакой работы.

– Да, это бросается в глаза, – согласился Саша.

– Ну, а во-вторых, здесь удивительно здоровые люди в целом. Отчасти это объясняется религиозной приверженностью к гигиене. Наверняка вы обратили внимание, что даже в глухих деревнях все люди пользуются мылом. Может, и не так часто, как хотелось бы, но пользуются. Что по сравнению с нашим прошлым поднимает их просто на недостижимую высоту. Собственно, тут все связано воедино: физическая сила, красота тела, проистекающая из нее, чистота помыслов и своего тела. Считается, что вся пища на земле – это дар богов. Будь то дикорастущие растения или выращенные человеком. Люди еще не понимают конкретного механизма, почему зреют плоды, не требуя ничего видимого взамен. Может быть, кроме воды, которая тоже есть божье творение. И конечно, для всего нужно солнце, которое и есть бог для элов. Поэтому считается неприличным осквернять еду, дар богов, прикосновением к ней грязными руками. Их следует помыть перед едой, это древнейшая традиция, даже если зримой грязи на них нет. Со временем, когда научились делать мыло, оно очень быстро распространилось по всей территории элов, потому что явно облегчает процесс мытья. А это, сами понимаете, сильно сократило вероятность возникновения очень многих болезней. Точно такое же отношение к интимной близости. Она считается тоже чем-то божественным и с точки зрения наслаждения, и с точки зрения продолжения рода. Поэтому ее стараются осуществлять, только тщательно вымыв все тело. То же самое и с процессом родов – это священнодействие. Повивальная жрица, не вымывшая руки или использующая грязные тряпки, – это что-то невиданное. К слову сказать, я случайно в свое время узнал, что в нашей истории врачи при родах стали мыть руки только во второй половине XIX века. Про повивальных бабок и говорить нечего. А до этого творился суший кошмар с чудовищной не только детской смертностью, но и женской. Разумеется, здесь тоже все не идеально, но прогресс, освященный древними традициями на самом низовом уровне, налицо. Поэтому формально отвлечение небольшой части женщин на несвойственные, в нашем понимании, для них занятия, такие как война и мореплавание, может, и влияет плохо на демографию, но явно не критично. Если бы не войны, иногда случающиеся, то население бы продолжало расти чудовищными темпами. Но и сейчас оно продолжает увеличиваться, уходя на новые территории, вытесняя оттуда более отстающие народы. В целом женщин, посвятивших себя временно или навсегда столь необычным занятиям, не очень много. Не больше двадцати процентов. Приблизительно, разумеется.

– А как в армии и на флоте решаются бытовые вопросы, связанные с женскими особенностями организма? И как-то же должны регулироваться сексуальные взаимоотношения там? – продолжал интересоваться Саша.

– Словосочетание-то какое, – задумчиво проговорил Андрей Леонидович. – Сексуальные взаимоотношения... Так сейчас говорят в России?

– Да, – немного удивился Саша. – Устоялось уже как-то.

– Традиции, общие законы, – ответил рассказчик. – Ничего особенного. Поскольку глубоко в понимании эллов женщина рассматривается как равное, а может, в чем-то и более возвышенное существо, то здесь нет практики насилия над ней, принуждения к интимной близости. Разумеется, это не исключает выходок отдельных опустившихся личностей. Но в целом как-то уживаются, регулируют сложные отношения, которые здесь никого не удивляют.

– А если забеременеют на службе? – удивился Саша. – Это же сколько мороки будет?

– Ну, случаются, конечно, казусы, но очень редко. Местные очень хорошо знают, в какие дни женщина может забеременеть. Обнаружили в процессе несложных наблюдений. А поскольку разговоры на подобные темы не считаются чем-то запретным или постыдным, то эти сведения еще очень давно распространились среди всего населения. Об этом знает каждая деревенская девчонка, и мальчишки тоже. Поэтому, соблюдая простейший график, несложно избежать нежелательной беременности. Но, конечно же, случаются и накладки – все-таки женский организм не всегда работает как часы. Но здесь кроме этого простейшего метода используют еще и некие средства, блокирующие на время детородные функции организма. Получают из каких-то травок. Их существует несколько разновидностей.

– Ничего себе! – удивился Саша. – Противозачаточное?

– Можно и так сказать, – согласился Андрей Леонидович. – Оно небезопасно. Иногда вызывает различные расстройства у женщин, даже болезни. Некоторые теряют возможность зачать ребенка на долгое время, а кто-то и навсегда. Поэтому пользуются этими смесями не все и с большой опаской. Но в целом это никого не останавливает, потому что дает очень большую свободу в отношениях, что в молодости для многих особенно важно.

– И ни государство, ни религия с этим никак не борются? – удивился Игорь.

– Нет. На деторождаемость это пока не оказывает заметного влияния, а

в остальном люди вольны поступать с собой так, как им хочется.

Немного помолчали, переваривая массу новой и непривычной информации, свалившейся на них.

– Ну, что же, молодые люди! – вскинулся Андрей Леонидович. – Вижу, что я вас уже изрядно утомил своими рассказами, – при этих словах ребята попытались протестовать, – поэтому предлагаю сделать перерыв и попариться в баньке, которую я тут соорудил своими руками. Тем более что Фотина уже давно ее топит.

И в самом деле, пока длился разговор, жена Андрея Леонидовича несколько раз куда-то отлучалась. Возражать не стали, а потому отправились за хозяином.

Глава 5

Баня стояла в стороне от дома, на берегу небольшой запруды, выложенной необработанными камнями, обмазанными глиной. И могла вместить в себя одновременно человек десять. Сложена была из толстых бревен деревьев, росших по отдаленным склонам гор, и представляла собой классический сруб, разделенный на предбанник, моечное и парное отделения. Печка сложена также из камней, но уже тщательно подогнанных. В небольшом окошке стояло двойное стекло. Здесь, в храмовом комплексе, вообще везде были стекла, в отличие от большинства деревень. Но внутри не было емкостей для нагрева воды, что вызвало удивление у ребят.

– А вот это мое изобретение, – похвастался Андрей Леонидович, подходя к раструбу в потолке. Не просто горячий душ, а всегда горячий душ! – И с этими словами он открутил хоть и грубый, но настоящий металлический вентиль, после чего из душа побежала вода.

Коля попробовал – горячая, вполне приемлемой температуры. И посмотрел удивленно по сторонам.

– Термальные воды, – пояснил хозяин. – Чуть выше по склону есть горячий источник. Часть воды я отвел в керамическую трубу, с которой пришлось в свое время повозиться. Но оно того стоило. Этой водой я не только моюсь здесь круглый год, но и отапливаю дом. Да и вообще весь поселок с храмами. Правда, в душе воду приходится разбавлять, иначе очень горячо получается. А для обогрева зимой в самый раз.

Ребята восхищенно вертели головами, по очереди трогая воду. А потом была парилка! Все как полагается – с полынью, с березовыми вениками, которые высоко в горах найти было не сложно, и поддаванием пара. А потом они, красные как раки, вылетали на улицу и с наслаждением окунались в запруду с холодной водой. Это повторялось несколько раз. Затем по очереди ополоснулись под душем и, завернувшись в предложенные плотные простыни и безразмерные простые сандалии, отправились снова на веранду, где Фотина уже накрывала ужин. Никаких излишеств: густая похлебка на мясном бульоне, сыр, и... вареная картошка в миске. Венчал все это кувшин с вином.

Отдав должное столу и выпив вина, развалились на стульях, любуясь заходящим солнцем. Небольшой ветерок, дувший днем, совсем стих, любые звуки, раздававшиеся в комплексе, разносились далеко, отражаясь

от склонов гор, становилось прохладно.

– Предлагаю утеплиться и продолжить нашу беседу. Возможно, у вас будут еще вопросы, – сказал Андрей Леонидович, вставая.

Зашли в дом, переоделись, накинув ветровки и прихватив в руки свитеры. Хозяин обулся в легкие войлочные ботинки на голую ногу и надел небольшую тужурку с мехом, не застегивая ее. Когда вышли снова на веранду, оранжевое солнце уже начало садиться за Срединный хребет, панорама которого открывалась отсюда просто захватывающая. Фотина принесла из дома свечку и, прикрыв ее небольшой деревянной ширмой, поставила на краю стола, положив рядом трут, огниво и... самые настоящие спички, разве что без этикеток.

– Это тоже ваше изобретение? – спросил Сергей.

– Нет. Здесь это повсеместно используется для упрощения разжигания огня. И это не совсем спички в нашем понимании, – ответил хозяин дома. – Это просто деревянные палочки, обмазанные серой, которой здесь полно. Ну и пропитка там какая-то, чтобы горели ровнее. И я здесь ни при чем.

– А что сейчас здесь творится? – спросил Саша. – Я так полагаю, что золотой век элоев закончился?

– К сожалению, да, – ответил Андрей Леонидович. – Относительное единство удавалось удерживать еще двум преемникам Патрока, которых избирали пожизненно, но уже в довольно зрелом возрасте. Потом центробежные силы и узкие интересы торговых и политических группировок начали разваливать страну. Не буду утомлять вас всеми перипетиями этого долгого процесса, скажу лишь, что сначала отваливались большие куски. Например, Кинурия в свое время отделилась целиком. Но потом и эти большие регионы начали распадаться на более мелкие. В настоящий момент Элоя снова разделена на пять государств с различной формой правления. На Кинурии их шесть. Мы находимся на территории республики Локрида. Ей принадлежит вся долина Стримона (река Камчатка) и Неста (Еловка) и, соответственно, большой участок побережья. На западе граница проходит по Срединному хребту. К югу находятся владения Платейского герцога, занимающие всю южную часть полуострова по восточному побережью. Разумеется, его титул звучит по-другому, но смысл примерно такой. За Срединным хребтом находятся еще три государства, относительно равномерно поделившие западное побережье. На перешейке полуострова расположилось шестое – герцогство Элимеа. К северу, за перешейком, находится еще одно государство, формально считающееся элойским, но на самом деле представляющее собой сильную смесь наших традиций с варварскими. К нему относятся

пренебрежительно, но там много полезных ископаемых, которыми они активно торгуют. На Кандийских островах (Курильских) тоже бардак. Часть из них объединена в самостоятельную республику, а часть принадлежит различным государствам. Снова завелись пираты, с которыми ведут непрекращающуюся войну торговые компании и регулярные флоты, но поскольку часть из них поддерживается теми же компаниями и некоторыми государствами, то конца этой борьбе не видно. Иногда случаются коалиционные войны, за передел сфер влияния или спорные территории. Вот такая картина.

– Веселая картина, – резюмировал Игорь. – Но кажется, местные по этому поводу не сильно расстроены?

– Смотря кто, – ответил Андрей Леонидович. – Некоторые до сих пор ностальгируют о временах былого единства, но пока что безрезультатно.

– А что же грозные соседи? – спросил Саша.

– Они утратили уже свою грозность. Этот мир, похоже, целиком погружается в хаос. Габалы погрязли в войнах на западе, расширяя свою империю. Крупных армий сюда они перебросить не могут, потому что это очень большое расстояние через по-прежнему малонаселенные и суровые земли. А мелкие отряды, которые в свое время поставили здесь всех на уши, теперь не представляют никакой опасности, потому что у них уже нет того технического преимущества. Теперь любое, даже небольшое, элойское или полуварварское государство может справиться с ними. Разумеется, стычки иногда случаются, но это так, мелкие недоразумения. Хайдары вообще потеряли почти все свои колониальные владения, частично отнятые конкурентами по заморской торговле, а в основном провозгласившими независимость. Теперь эти новые государства грызутся в основном между собой. На севере Восточного континента появились были другие народы, из бывшей Европы, но и они потеряли свои заокеанские владения, когда количество переселенцев достигло там некой критической отметки. Вот эти, кстати, очень бурно развиваются и, возможно, вскоре будут представлять собой серьезную опасность для элоев. Но пока что их поселения на побережье Великого океана очень малочисленны и никого не беспокоят.

– А есть какие-то связи непосредственно с Европой? – поинтересовался Саша. – Неужели там никто не бывает?

– Этот регион здесь называют Акиаб. Бывают, конечно. В частном порядке. Но к элоям там очень плохо относятся, считая людьми второго сорта и чуть ли не обезьянами. В общем, рискованное это занятие. Что там происходит, толком неизвестно, а те новости, что доходят к нам, сильно

запаздывают и искажены.

– Ясно, – тихо сказал Саша.

Немного помолчали, переваривая очередную порцию информации, и следующий вопрос задал Сергей:

– А вы пробовали внести здесь какие-то изменения технического характера? Или хотя бы подкинуть местным новые идеи? Паровой двигатель, например.

– Хм, – усмехнулся Андрей Леонидович. – Вот именно паровой двигатель я тут и пытался построить.

– Что-то помешало?

– Даже не знаю. Понятно, что своими руками я его создать не мог. Но, даже если бы создал, надо было еще убедить людей, для чего он, собственно, нужен. Здесь уже существуют мануфактуры с разделением труда, выпускающими массовую продукцию, но если и используют какой-то посторонний привод, то в основном от водяных колес. Зимы здесь мягкие, реки почти никогда не замерзают, потребные мощности пока невелики. Но тем не менее я смог отыскать в Бригесе, это порт в устье Стримона (Камчатки), человека, которого заинтересовало мое предложение. Он хотел задействовать от нее насос, который вычерпывал воду из каменоломни. Там не было поблизости приличного ручья даже и до той поры обходились быками. Вообще-то, я представлял себе только принцип работы. Правда, много думал перед этим, что и как надо сделать. Но поскольку я совсем не инженер, то ошибок была целая куча, часть из которых удалось устранить еще в процессе создания установки. Но все равно получилось криво, часто ломалось, а эффект как бы не ниже, чем от быков. Окончательно добило владельца каменоломни, что установка жрала непомерное количество дров, которые надо было доставлять издалека – вокруг все уже вырубил к тому времени. В общем, когда он убедился в очевидной убыточности этого чуда техники, то дождался очередной поломки и решил разобрать ее на металлолом. И, сколько я его ни уговаривал внести некоторые конструктивные усовершенствования в механизм, он на это не согласился. Хотя по-хорошему там надо было все заново переделывать, а главное, в значительно более крупном размере. Расчеты по мощности я практически никаких не делал, да и плохо представлял себе, как их надо вести, поэтому все было на глазок. В общем, ничего не получилось. Владелец понес крупные убытки, грозился подать на меня в суд, хотя согласился-то добровольно на этот эксперимент и формально я никакой ответственности за неудачу не нес. Но у него были деньги и связи, поэтому он вполне мог в судебном порядке заставить меня

отрабатывать крупную сумму с кайлом в руках. До конца моих дней, разумеется. Поэтому, когда я сидел в расстроенных чувствах в кабаке Бригеса и заливал свое горе дешевым вином на последние деньги и мне встретился паломник, предложивший составить ему компанию в путешествии к святыне, то я легко согласился, желая убраться из тех мест подальше.

– Да-а-а... грустно, – подытожил Сергей.

– Ожидаемо, в общем-то, – согласился Андрей Леонидович. – По истории я помню, что людям сама идея парового двигателя была известна давно. Есть даже мнение, что в Александрийском маяке Египта был задействован паровой двигатель. И в Средние века его не раз собирали. Но он никому долго не был нужен, пока не появилась специфическая потребность в возросшей промышленности. А моя попытка оказалась неудачной. Неудивительно. Меня учили болтать языком и учить людей. Этим я, в сущности, и занимаюсь сейчас. Здесь я на своем месте. Для промышленной революции нужен другой человек. – И, помолчав, спросил: – А вы кем были там?

Ребята переглянулись, и ответил Игорь:

– Я окончил Институт стали и сплавов, но по специальности не работал. С самого начала засел в московском представительстве обычным менеджером.

– Это еще кто? – удивился хозяин дома.

– Ну, управленец мелкого уровня. Договоры, оформление заказов и прочая бумажная волокита.

– Ясно. А вы, ребята?

– Я вообще стоматолог, – ответил Сергей. – Только голыми руками я мало на что способен, сами понимаете.

– Зуб-то выдрать сможешь?

– Чем?

– Плоскогубцами.

– Без анестезии? – вскинулся Сергей. – Ах, да... – спохватился он, – простите. Не знаю даже.

– А остальные?

– Мы геодезисты, – ответил Саша. – Астрономы.

– О! Это уже интересней. Ваши навыки могут пригодиться. В навигации или картографии. Здесь работы еще непочатый край.

– А Сашка еще два года в мореходке учился, – вставил Коля.

– Ну, тогда ему прямая дорога к нашему с вами соотечественнику, у которого свой корабль, – подвел итог Андрей Леонидович. – Но это все

лирика. Для начала вам надо освоить язык и желательно научиться читать и писать. Без этого здесь тяжело. Ну, хвосты коровам крутить, конечно, сможете, но, думаю, вас такая перспектива не устроит.

– Мы здесь навсегда? – грустно спросил Игорь.

Андрей Леонидович посмотрел на ребят участливо и ответил:

– Боюсь, что да. Во всяком случае, я не знаю, как отсюда вернуться обратно. На том пороге билет выдают в один конец.

Наступила тишина. Было слышно, как где-то в соседнем доме гремит посуда, которую моет хозяйка после ужина, где-то смеялись дети. Уже стемнело, в окнах зажглись свечи, мелькали тени. У людей была своя жизнь, совершенно другая, в которую друзьям предстояло встраиваться и искать здесь свое место.

– Разумеется, пока поживете у меня. Я вам помогу чем смогу. Незатейливой работой обеспечу – здесь не принято бездельничать даже в святом месте. А когда освоитесь, тогда и подумаем все вместе, как дальше будете жить.

– А если нас будут искать и сюда еще кто-то вывалится? – спросил Игорь.

– Не волнуйтесь. Староста села их обязательно встретит и препроводит сюда, как и вас. В любом случае сообщит о важных событиях.

На том и порешили. Хотя, как позже выяснилось, никто за ними не последовал. Может, и искали. Даже наверняка. Но в порог никто не совался.

* * *

Так началась жизнь четверых пропавших в святом месте, носившем название Мелибеа. Каждый день Андрей Леонидович занимался с ними местным языком, надо сказать довольно талантливо и очень доходчиво объясняя принципы построения предложений, а также сложных оборотов. Когда же спустя месяц они могли уже сносно общаться с местными, то он начал их обучать и простейшей грамоте. Жрецы относились к ним хорошо, кривых взглядов не бросали. Ну еще бы! В свободное от учебы время ребята пахали за десятерых, вырубая кирками террасы на склонах горы под новые огороды и подводя к ним оросительные каналы от ближайшего ручья. Очень помогли в этом деле перчатки с обрезанными пальцами, которые лежали у каждого в рюкзаке. Иначе ладони они бы стерли в начале своей трудовой деятельности в кровь. Но мышцы на первых порах ныли

адски.

Кормили щедро, но без изысков. В первый же день с них сняли мерку, а спустя небольшое время с очередным обозом из долины прибыла их новая местная одежда. Пара узких штанов на завязках, трусы, рубашки до середины бедер и легкие суконные куртки, поскольку вечерами здесь было довольно прохладно. И обувь – летние сандалии и легкие кожаные ботинки. По заверениям их наставника и учителя, храмовый комплекс Мелибеа находился на высоте, примерно соответствующей 1300 метров над уровнем моря. И почти столько же от долины, поскольку там высоты не превышали ста метров. Не считая паломников, в комплексе жили человек двадцать жрецов и десятков детей. Да, жрецами были не только мужчины, но и женщины. Считалось особо правильным, если муж и жена оба посвящают себя служению богам и у них рождаются дети. Но были и непосвященные, как, например, жена Андрея Леонидовича. Два десятка храмовой стражи присматривали в основном за паломниками, которые останавливались в отдельной гостинице.

Когда же месяца через два ребята уже более уверенно объяснялись на местном языке, то от скуки Саша решил пообщаться с местными вояками. Начал с того, что подарил офицеру, аналогу лейтенанта, который их конвоировал сюда, последнюю банку сгущенки, а вечером пригласил на скромные посиделки возле бани Андрея Леонидовича, конечно предварительно согласовав это с хозяином. Тут же выяснилось, что никто из стражников еще не был в этом странном заведении, хотя и много слышали о непонятных ритуалах, которые Парменон там устраивает. Как-то не сложилось. А напрашиваться к уважаемому здесь жрецу простые солдаты, как скромно выразился лейтенант и о себе, постеснялись. И тогда договорились исправить это недоразумение. Конечно, Саша передал пожелание, что хочет отблагодарить за сопровождение всех участников их совместного путешествия, на что офицер ответил, что всех не получится – служба.

Но то ли он правильно понял намек странного чужеземца, то ли случайно так вышло, только среди пришедших с ним четверых солдат оказались обе женщины и, конечно же, «капральша». Попарившись в баньке и остыв в запруде, они сидели вдвоем за длинным столом и пробовали разведенный и охлажденный спирт, запасы которого тоже подходили к концу. Для местных такое пойло оказалось не в диковинку, здесь уже существовало несколько вариантов крепкого алкоголя, но летом, на жаре, его потребляли мало, в отличие от зимы и дождливых дней. А Саша слушал это все и, поглядывая на полуголую «капральшу», думал:

«Вот как же они тут уживаются? Явно красивая женщина, которую не портит даже армейская стрижка – бритые виски и затылок. А к ней все относятся как просто к человеку, может, товарищу. Неужели тот же офицер ничего не пытался с ней закрутить? А если и крутил, то как он вообще живет, имея в подчинении женщин и запросто знакомя их с посторонними, намерения которых довольно очевидны?» Все это было непонятно, Саша чувствовал, что не понимает еще многих нюансов здешней психологии и взаимоотношений. Хотя, скорее всего, он просто находился в плену стереотипов – более отсталое технически общество должно соответствовать и более примитивным нравам с налетом патриархальности. А здесь этого не было и в помине.

Оказалось, что все это время он смотрел отсутствующим взглядом прямо на «капральшу», которая сначала старалась не обращать на это внимания, но потом открыто улыбнулась, посмотрев ему в глаза...

В общем, ночь они провели вместе. Сначала ушли любоваться закатом на край площадки, откуда открывался роскошный вид на долину. Долго беседовали там о всякой ерунде. А когда вернулись к столу, то оказалось, что там уже никого нет и посуду даже унесли. Коротко переглянувшись, они впились друг в друга губами одновременно. Спали на сдвинутых лавках в моечной, накрыв их плотными простынями. Сначала Саша был королем, выпуская накопившийся за месяцы пар, но после нескольких заходов силы все же начали покидать его. Но не тут-то было! «Капральша», которую звали Постумия, была неутомимой наездницей, что и продемонстрировала ему вскоре в буквальном смысле, доведя в конечном итоге до полубоморочного состояния. Уснули под утро, оба обессиленные, прижавшись друг к другу...

Она была на шесть лет старше Саши и прожила уже тридцать три года. Родом была откуда-то с западного побережья Мелосского (Охотского) моря и не являлась элоем. В юности несчастная любовь толкнула ее податься в наемники. Пройдя курс обучения, охраняла караваны, ходившие через горы на запад, в суровые края, подчиненные габалам. Тучи комаров летом и ужасные морозы зимой оставили ей неизгладимые впечатления. Ну и стычки с разбойниками, во время которых молодая наемница лишь чудом не лишилась головы, хотя и была дважды ранена. Потом она отправилась в Кинурию (Камчатку), где назревала мелкая войнушка между герцогами западного побережья, деливших пахотные земли. А после ее окончания устроилась в храмовую стражу, поскольку начала чувствовать, что лимит ее удачи подходит к концу и смерть уже занесла над ней свою костлявую руку. Читала она по слогам, научившись этому уже здесь, при храме, но с

жадностью слушала речи жрецов, делая в своей красивой голове самостоятельные далеко идущие выводы о познании истины через контраст лишений и страданий, с наслаждениями разного толка. «Не увидев тьмы, не познаешь света», – частенько говорила она, снова доводя Сашу до полного изнеможения, но и сама выбиваясь из сил в конечном итоге, находя в этом какое-то мазохистское удовольствие.

Постумия была ненасытна во всем. На тренировках, которые иногда наблюдал со стороны и Саша, она неизменно доводила себя до полного изнурения, не щадя своего тела ни капельки. То же касалось и воинских упражнений, в которых с недавнего времени он сам стал принимать активное участие, удивляя солдат некоторыми необычными приемами, которые он помнил от реконструкторов. Когда они вдвоем фехтовали тупыми учебными шпагами, надев толстые защитные куртки, она требовала и даже кричала, чтобы он не щадил ее и бил в полную силу, отчего тело грозной «капральши», впрочем, как и Сашино, было постоянно покрыто синяками и ссадинами. А потом, ночью, он с нежностью целовал каждую царапину на ней. Вечерами они всегда вели долгие беседы, забираясь в такие дебри о сути мироздания, что Саша иногда чувствовал себя потерянным ребенком на обочине оживленной дороги, и лишь титаническим усилием воли он сохранял самообладание и находил взвешенные возражения на максималистские утверждения своей собеседницы. Чем, кажется, заслужил ее уважение не только в качестве любовника.

Так они прожили в Мелибеа до начала зимы, которая внизу, в долине, была понятием условным – никакого снега, просто стало прохладно и чаще стали идти дожди. А здесь, в горах, снега навалило целую кучу, стояли небольшие морозы. Леонидыч, как стали коротко называть своего учителя ребята, «включил» в поселке отопление, впрочем, камин тоже иногда топили, но больше для красоты. Свои земляные работы ребята уже закончили, накачав мышцы и отъевшись на храмовых харчах. Поэтому разминались колкой дров и более частым посещением солдатских тренировок. С полной самоотдачей занимался только Саша, подстегиваемый Постумией, получая от нее очередные синяки. Лейтенант, наблюдая как-то за их особенно отчаянным поединком, во время которого они словно пытались доказать что-то друг другу, заметил, что когда-нибудь она убьет его и он этому ни капельки не удивится. После этого Саша начал смутно догадываться, почему на его наставницу никто особо не претендовал из сослуживцев. С таким бешеным темпераментом совладать было не всем под силу. А ему просто повезло, что это она его выбрала по

каким-то своим причинам.

Уже давно они размышляли, куда им податься, когда Леонидыч сочтет их достаточно подготовленными для самостоятельной жизни. Сидеть на шее у него становилось все неудобней. Игорь начал мрачнеть, втемяшив себе в голову, что оставленная дома молодая жена могла забеременеть перед отъездом, потому что у нее была какая-то задержка. У товарища появилось навязчивое желание вернуться в деревню к старосте, чтобы быть поближе к водопаду. Он постоянно строил предположения, что тогда могли сделать не так или упустить. Ему стало казаться, что должен быть шанс вернуться. Или с той стороны обнаружат аномалию, привезут ученых, и они обязательно во всем разберутся, вытащив их отсюда.

Остальные перебирали варианты, как можно разбогатеть здесь, применяя неизвестные аборигенам новшества, начиная от не дававшего им покоя парового двигателя, кончая контрабандной торговлей самогоном. Но по большому счету до весны все это действительно повисало в воздухе, потому что хоть зима здесь и мягкая, но все равно холодно и мерзко. А главное, мокро. Лучше переждать. Но вскоре часть сомнений разрешилась сама собой. К ним неожиданно пожаловал гость, которого они, в общем-то, ждали, но и не ждали в то же время. Это был еще один их соотечественник, тот самый капитан, решивший навестить своего старого приятеля.

Приехал он не один, а с целой свитой из десяти человек, среди которых попадались такие рожи, что фраза про то, будто они прибыли сюда поклониться святым местам, выглядела по меньшей мере забавно. Впрочем, для своих и не требовалось никаких объяснений. Несмотря на совершенно разное положение в этой жизни, встретились два старых приятеля. Всю свиту капитана поместили в гостинице, где они вели себя на удивление тихо, а сам гость расположился в доме у Леонидыча, где и состоялось его знакомство с ребятами.

Звали его Кордил, а в оставленном восемнадцать лет назад мире он носил имя Дмитрий Артишевский. На вид ему было чуть за сорок, это был крепкий мужчина, с седеющими, неопределенного цвета волосами, без затей подстриженными чуть выше плеч, но с тщательно выбритым лицом. Одежда сильно отличалась по покрою от виденной ранее. Никаких длинных рубашек, чуть более свободные, чем у солдат, штаны с синими лампасами, заправленные в высокие сапоги вроде ботфортов, плотная куртка с накладными прямыми карманами по бокам, чем-то напоминающая старинный камзол, но без всяких там рюшечек и кружев. Верхние пуговицы мужчина сразу расстегнул, и стало видно, что под ней толстый вязаный свитер, из-под которого торчал воротник белой рубашки, скорее

всего заправленной в штаны. Довершала его облик тяжелая шпага, которую он сразу отстегнул от пояса и поставил у стены.

Едва увидев ребят, он сразу иронично сказал:

– Я гляжу, в нашем полку прибыло, Леонидыч?

– Да, очередные жертвы того порога. Представляешь, сами туда полезли. Туристы!

– Ничего себе! – воскликнул он. – Там все так сильно поменялось за наше отсутствие?

– И да и нет, – ответил хозяин. – Впрочем, лучше они сами тебе все расскажут. Заодно и познакомитесь.

Когда ребята закончили свой незатейливый рассказ, гость сидел некоторое время в задумчивости. А потом негромко проговорил:

– Все-таки поменялось... А знаете, как я сюда попал? Вам Леонидыч еще не рассказывал?

– Я решил, что лучше это сделаешь ты сам, – вставил тот.

– И как же? – поддержал беседу Саша.

– Как это ни странно, но полез в порог тоже сам. Я там золото искал, вообще-то.

– Вы тоже геолог? – вставил Сергей.

Дмитрий поморщился, а потом ответил:

– Я, конечно, понимаю, что несколько старше вас, но, кажется, ненамного. Да и вообще режет мне слух обращение на «вы». Это Леонидыч у нас человек интеллигентный, а я-то простой. Поэтому давайте в будущем на «ты», без брудершафтов. Я Дима.

– Хорошо, – согласился Сергей. – Так кто же ты?

– Я просто искал золото, – последовал ответ с лукавой улыбкой.

– Маугли... – немного упавшим голосом прокомментировал Коля.

– Ну что ты! Про таких, как я, больше бак ходило, чем правды. Но полезных. Наш труд огласки не любит. Впрочем, я был только начинающим старателем и мне просто не повезло. Вообще-то, я рыбак. Ходил на траулере, работал в разделочном цехе. Но тогда, после развала Союза, у нас на Камчатке такая задница была, что хоть волком вой. И уехать трудно. Билет на самолет стоил бешеных денег, а зайцем туда не проскочишь, в отличие от поезда. Да и дом, вещи не бросишь же, а продать не вариант – вокруг все такие же нищие. Инфляция, дефолты, зарплату задерживают, а то и вовсе заматывают хозяева. Вам не понять! – махнул рукой Дмитрий. – Да ладно, я ж не плачусь. В общем, когда мне старый кореш Витька предложил порыться в горах, типа есть наводка от одного бывшего геолога, то я сразу согласился. Было нас трое. Один – бывший зэк, который и узнал

это все у спившегося геолога чуть ли не за пару бутылок, и я с Витьком. Арендовали за последние гроши лошадей у куркуля в Ключах, взяли ружья, еду. Инструменты спрятали на дне выюков, чтобы никто не понял сразу, зачем мы идем, и отправились. Пришли на речку, начали прочесывать, поднимаясь вверх по течению от ручья к ручью. Что-то попадалось, кстати, но в таких мизерных количествах, что не стоило даже задерживаться – так, блеснет иногда одна чешуйка. Ни о чем. И вот, когда брали пробы в устье одного ручья, нас и накрыли.

– Полиция? – спросил Сергей.

– Что? – Глаза Дмитрия расширились. – У вас теперь полиция?

– Да, была реформа. Переименовали просто.

– Забавно, – усмехнулся собеседник. – Выходит, теперь их можно называть, как в голливудских фильмах, копами.

– Можно, но не прижилось, – с улыбкой сказал Коля.

– Традиции изменить труднее, чем название, – понимающе заметил Дмитрий. – Нет, это были не... не полиция. А гораздо хуже. Мы-то так, любители, можно сказать. Сами всего боялись, пока мыли. А накрыли нас настоящие волки. Видать, это была их территория. А может, просто конкурентов решили убрать на всякий случай. В общем, стою я, никого не трогаю. Естественно, раком. Глаз не свожу с лотка, аккуратно так вожу им, вдруг блеснет чешуйка. Ничего вокруг не вижу и не слышу. Нам крупно повезло, что именно в этот момент Витька ходил отлить. И вдруг слышу, как он орет: «Шухер!» Поднимаю голову, вижу: он несется на меня из кустов, глаза бешеные, а потом выстрел. Я присел от испуга, головой верчу, но ничего не вижу. В этот момент еще один. Пуля прямо над ухом пролетела да в камень рядом звякнула. Тут я понял, что отличная мишень. На берег бежать глупо, оттуда Витька несется, значит, и там что-то нехорошее. На другой – хрен его знает, пока переберешься, подстрелят десять раз. Смотрю, Семеныч, старый зэк, в воду только бульк и руками себе так активно помогает, быстро-быстро. Я за ним. Витька следом. И понесло нас. А с берега стреляют, пули по камням дзинькают, орут что-то нам. А мы только руками быстрее загребаем да колени о камни сбиваем. Вода холоднющая... Вообще, даже если бы мы удрали тогда, то понятия не имею, как бы потом выживали без оружия и без еды. Да вообще без всего! До Ключей там больше ста километров. И вот, когда мы уже стали подумывать, чтобы выбраться на берег, река сузилась, стала глубже, нас понесло сильнее, и... Ну, дальше вы и сами знаете, что бывает с теми, кто слился в тот порог, – закончил свой эмоциональный рассказ Дмитрий.

– Вас встретил староста? – поинтересовался Саша.

– Нет. Не успел. Выбравшись на берег, мы сразу пошли дальше, потому что надо было как можно быстрее уходить из тех мест. За нами должна быть погоня, а у нас с собой ни оружия, ни еды – ничего. Конечно, поражались переменявшейся растительности. Потом наткнулись на лесорубов, те очень удивились нашему виду, что-то лопотали на совершенно непонятном языке. Семеныч начал бузить, его скрутили, а мы с Витьком опять сиганули в речку. Но течение там было уже не такое быстрое, да и местные шустро по камням скакали не отставая. Выбрались на другой берег и припустили в горы. А за нами никто и не погнался. К вечеру вышли к селению и поняли, что творится какая-то ерунда. Хотели стащить ночью что-то с огородов, но там еще ничего не выросло. Весь следующий день проблуждали по предгорьям, прячась ото всех, что делать – не знали, думал, с ума сходим. А потом все же решили пойти к людям, попросить какой-нибудь еды, может, даже за работу. Представляю, как мы тогда выглядели – грязные, ободранные, в телогрейках и болотных сапогах... Нас никто не понимает, мы тоже. Ходим от двора ко двору, мычим что-то... Нас все гонят в шею... Ничего, мир не без добрых людей, приютили, накормили да к делу приставили – помогать по хозяйству. Со временем отъелись, выучили местный язык, стали понимать, что к чему. Это было другое селение, не то, куда попал в свое время Леонидыч. В принципе, нас никто не держал, могли уйти в любое время. Только куда? Денег не платили, работали за еду и крышу над головой. Ну, одежду местную дали. Как-то отпросились во время местных праздников сходить в горы. Нашли тот водопад, покрутились вокруг, но лезть в него не решились – страшно. В следующий раз отпросились в город, хотели проверить, что здесь на месте Ключей. Город там, только совсем другой. Ходим по улицам, хрустим яблоками, что прихватили из села. Денег нет, в кабак не зайти... И такая тоска взяла, что хоть волком вой. А тут зазывала на площади надрывается, предлагает занятие для настоящих мужчин, казенные харчи и жалованье сверху. Мы с Витьком переглянулись и к нему направились. Так мы стали матросами флота республики Локрида. – Дмитрий немного помолчал, а потом подвел итог своим приключениям: – А теперь у меня свой собственный фрегат, я на хорошем счету в портовых управлениях многих стран, да и с властями у меня нет больших разногласий. Но мне нужны люди. – И с этими словами он внимательно обвел взглядом притихших ребят. – Не матросы и даже не головорезы, которых я могу нанять в любом количестве, а особо доверенные люди, на которых я в моральном плане могу положиться полностью. А для этого лучше всех подходят именно бывшие соотечественники, не имеющие здесь ничего.

Поэтому считайте это деловым предложением, я любого из вас готов принять в команду.

Возникла продолжительная пауза, которую первым прервал Саша:

– Но мы ведь ничего не умеем.

– Это дело поправимое. Разумеется, придется пройти курс молодого бойца, начинать с самых низов. Но, имея мою протекцию, вы быстро поднимитесь на достаточно высокий уровень, а вот тогда и посмотрим, на что каждый из вас способен. Но еще раз хочу сказать: мне нужны доверенные люди.

– Сколько у нас времени на раздумья? – спросил Саша.

– Пока я буду здесь, а это пару дней, то точно можете думать. А теоретически еще месяц. Моей команде нужен отдых, кораблю ремонт, да и погрузка припасов с кое-какими грузами занимает время. Мой фрегат «Скампа» будет стоять все это время на ремонте и погрузке в порту Бригеса (Усть-Камчатск).

(Следует сразу оговориться, что под словом «фрегат» понимается местный тип парусного судна, который наиболее близок к известному нам. То же самое будет касаться и других типов судов. А если они будут обладать какими-то уникальными особенностями, то такие будут оговариваться отдельно. И это же будет касаться морских терминов. Понятно, что у местных они звучат как-то по-другому. Но читателям наверняка уже достаточно географических названий и имен, чтобы начать путаться. Усложнять жизнь еще и со словарем непонятных терминов, «перевод» которых для кого-то будет тоже непонятен, пожалуй, не стоит.)

– А что стало с вашими товарищами? – спросил Сергей.

– Ну, Семеныча назвать товарищем можно было с большой натяжкой, но я его потом нашел. Он так и остался в том селе и совершенно преобразился. Вообще-то, он был довольно вредным старикашкой со склочным характером. Но этот перенос его сильно преобразил. Он подобрел, стал тихим. Местные к нему очень хорошо относились, а он все время возился с детьми, балуя их разными деревянными поделками, на которые был большой мастак. Помер лет семь назад, оставив по себе светлую память. Я тогда, кстати, пошарил еще на той реке на предмет золота. Насколько я понимаю, основные месторождения здесь совпадают с нашими, но они почти все известны местным – плотность населения-то несопоставима. Угробил целый сезон и ничего не нашел. Вообще! Выходит, или здесь все же есть отличия, или кинул тогда геолог Семеныча, просто получив две бутылки на опохмел... что более вероятно. А Витька долго был со мной. Но когда мы оставили службу, занявшись своими

делами, осел на Делосских островах (Алеутские), открыл сначала лавку, потом свой склад. Я раньше, пока сам занимался перевозками на торговом судне, доставлял ему грузы, которыми он торгует с туземцами. Ходить в море категорически отказывается, считает, что морской дьявол уже приметил его. В общем, он мне не помощник, а дела тут назревают большие. Но вам пока рано забивать этим голову.

– А как вы с Андреем Леонидовичем пересеклись? – спросил Коля.

– Через старосту. Я когда нашел Семеныча, то у него уже была договоренность, что в случае обнаружения еще таких чудиков просто придерживать их на месте и отправлять восточку в Мелибеа. Я заинтересовался, отправился по этому адресу и ни капельки с тех пор не пожалел, потому как что бы с нами здесь ни происходило, но именно мы должны помогать друг другу. А Леонидыч – он только с виду тихий и скромный, связи у него тут такие, что закачаешься.

– Не преувеличивай, Дим, – с нажимом попросил хозяин дома.

– Все, молчу! – отшутился тот, скидывая руки ладонями вперед, и они оба засмеялись.

Потом ребята отправились обсуждать ситуацию в свою комнату, а Леонидыч с Дмитрием остались поговорить о своих делах.

– Что делать будем? – первым спросил Сергей.

– А есть варианты? – вопросом ответил Саша.

– Варианты есть всегда, – задумчиво проговорил Коля. – Стремно как-то. Да и сам этот Дима какой-то жуликоватый. Не факт, что его рассказ вообще правда.

– А какой ему смысл нам врать? – возразил Саша. – Неужели ты думаешь, что он поперся в такую даль, чтобы заполучить еще четверых рекрутов?

– Нет конечно. Но почему бы не получить их попутно, не прилагая к этому никаких усилий? Или ты думаешь, что местные прямо все горят желанием подставлять свои головы под пули и сабли?

– Но мы же свои! – горячо возразил Саша.

– Это он тебе так говорит. Человек, поднявшийся в незнакомом обществе из грязи в... капитаны, не может быть простым.

– Если бы здесь что-то было нечисто, то Леонидыч нам хотя бы намекнул об этом. Или ты и ему не веришь?

Наступила небольшая пауза, после которой Коля задумчиво сказал:

– Леонидыч – чистойшей души человек. Он и сам может заблуждаться. А Дима – жулик. У него это на лбу написано. Да и... ты же понимаешь, что ситуация здесь далека от стабильной. Тот же Леонидыч говорил, что

постоянно случаются войны, а на море так они вообще не прекращаются. Пираты опять же... Я надеюсь, ты не воображаешь, что все они срисованы с «капитана Блада»? Там запросто можно лишиться головы, а твой Дима лишь пожмет плечами, философски заметив, что, мол, не повезло.

– Ну, оставленный нами мир тоже не отличается безопасностью.

– Да, только ты там что-то не рвался в беспокойные места, типа Украины или Сирии, а предпочел нудную работу на стройке.

Саша задумался. Потому что аргументы товарища были увесистыми. Но потом снова продолжил гнуть свою линию:

– Там у нас был богатый выбор и возможности. Привычные возможности, накатанный путь. Родители, которые поддерживали, друзья. Порвать со всем этим непросто. А про Украину у меня вообще-то мысли были. Но ты прав. Не решился. Потому что для этого надо было сделать поступок. А здесь... Что вот тебя лично держит? Чем ты будешь заниматься? Сидеть на шее у Леонидыча?

– Нет конечно, – сразу ответил Коля. – Весной по-любому надо куда-то срываться. Надо только придумать куда и чем заняться. Но вместе! Вместе мы – сила!

– А если нас будет больше, то мы еще большая сила, – привел свой аргумент Сергей.

– Я поеду в село, к старосте, – неожиданно сказал Игорь. – Если Семеныч прожил там остаток дней, то и я проживу не бедствуя.

Воцарилось гробовое молчание. Они и раньше слышали от Игоря об этом желании, но до сих пор оно высказывалось как один из предлагаемых вариантов, как робкая надежда, что им все же удастся вернуться. Самим или с чьей-то помощью. Но теперь это было сказано совсем другим тоном. И, зная подоплеку этого желания, связанную с оставленной в другом мире женой, ребята не нашли, что сразу возразить. Расставаться не хотелось, ведь до сих пор они были командой.

– Игоряныч, – как можно проникновеннее сказал Саша, – мы здесь далеко не первые, и никто не смог вернуться.

– Они плохо пытались, – мрачно возразил тот. – Леонидыч только спускался по водопаду на веревке, но облако не изучил. Дима вообще побоялся лезть в водопад. Мы не все попробовали, должен быть способ.

– Ты же сам бросал туда камни! – сказал Сергей.

– Камни – это не человек. Я должен проверить все! И я не верю, что нас здесь бросят. Пашка должен всех на уши поднять, туда прибудет исследовательская группа, и они обязательно обнаружат аномалию. Дело даже не в нас, а в том, что это важно для науки, и люди обязательно

разберутся с природой этого феномена, и тогда мы вернемся.

– Э-э-э... – озадаченно протянул Саша. – Знаешь, в детстве я считал, что взрослые люди решают интересные задачи, придумывают, как сделать мир лучше, что-то изобрести. А оказалось, что все думают только о том, как заработать денег и потыкаться друг в друга гениталиями. Кому нужна эта дырка в пространстве?

– Нас должны искать, – упрямо повторил Игорь. – Пропажу четверых человек не смогут проигнорировать.

Все молча смотрели на своего товарища. Сашу начало бесить его упрямство:

– Слушай, ты из принципа игнорируешь здравый смысл или у тебя к нему личная неприязнь? Какая наука? Мы для всех просто утонули в реке! Вспомни эти истории с утонувшими лодками в Карелии. Да, их искали. Но нашли далеко не всех, и что-то мне не попадались слухи про какие-то аномалии. Люди просто пропали, и это мало кого удивляло. И это озера в довольно обитаемой местности. А тут горная река в глуши. Тебе самому не смешно?

– Можешь иронизировать сколько угодно, но мое решение окончательное, – спокойно сказал Игорь и, прихватив куртку, вышел из комнаты, направляясь на улицу.

Все потрясенно молчали. Они теряли товарища.

– Я надеюсь, он один так верит в науку? – с надеждой спросил Саша.

– Я не верю, – сказал Сергей.

– Коль?

Паперна молчал, пытаясь прямо сейчас решить что-то важное для себя. А потом виноватым голосом ответил:

– Сань, я боюсь. – И, немного помолчав, поднял глаза с предательски выступившими слезами на товарища. – Я прекрасно понимаю, что игры кончились. Одно дело – проходить порог, внимательно осмотрев его и зная, что на берегу стоит страховка, другое дело... Сань, ты представляешь себе ситуацию, что тебе придется убивать человека? И не из ружья на большом расстоянии, а лицом к лицу, руками. И у него будет точно такое же желание по отношению к тебе. И это будет кто кого. А насколько я понимаю, здесь это вполне обычно на море даже для купцов. Люди выросли здесь с пониманием этого, а мы из другого мира. Ради чего ты готов убивать других людей и рисковать своей жизнью?

– Ну, если речь идет просто о защите своей жизни от тех же пиратов, то вряд ли это будет вызывать у меня душевные терзания. Хотя наверняка будет страшно.

– А ты уверен, что этот Дима сам не промышляет понемногу пиратством? С чего это он так круто поднялся?

– Уверен. Леонидыч об этом бы знал и предупредил нас. Не забывай, здесь многие помешаны на справедливости, и тупой разбой наверняка не в почете. А Леонидыч в это верит. Пусть не на религиозном уровне, но на моральном. И для него это не пустые слова.

– У местных здесь свои игры, – не отступал Коля. – Для них ради высокой цели срубить кому-то башку – плевое дело. А во что ты здесь собрался играть? В пиратов Карибского моря с налетом благородства?

– Я здесь хочу выжить и найти себе дело, которое позволит не зависеть ни от кого.

– Не зависеть ни от кого невозможно. Это абстракция.

– Тут ты, пожалуй, прав. Но чем меньше этих зависимостей, тем лучше. А этого можно добиться только двумя путями. Или если тебе все пофиг и твои потребности близки к нулю. Или если ты активно барахтаешься, пробиваясь вверх. Знаешь, как мне было тоскливо тогда в Москве, когда я вдруг осознал, что всю жизнь проведу, стоя в грязи на стройке, пялясь в окуляр? Когда я понял, что буду видеть море, только валяясь на берегу под зонтиком? Как я готов был выть на луну от тоски и понимания того, что все мои мечты разбились о суровую и унылую реальность? А здесь вот оно, море. Само меня зовет в лице этого Дмитрия, даже если он и жулик!

– Прости, я забыл о твоём этапе, связанном с мореходкой, – примирительно сказал Коля.

– Серега, а ты? – с надеждой спросил Саша.

– У меня тоже есть некоторые опасения, но я готов рискнуть. Другого внятного пути я здесь не вижу для себя.

– Серега, ты же стоматолог? – удивился Коля. – Куда тебя несет?

– Не вдаваясь в высокие материи, я бы ответил по-простому: по течению, – последовал спокойный ответ. – А вот чем собрался заниматься ты? Тоже в деревню подашься?

Коля долго молчал, взвешивая для себя перспективы, и упавшим голосом ответил:

– Это самый крайний вариант, если вообще ничего не получится. Но хочу попробовать что-то изменить, не прибегая к насилию. Пусть это будет не паровой двигатель, но может, хоть спички удастся нормальные сделать. Да мало ли что еще? Просто этим надо заниматься, а не предпринимать отдельные попытки.

– А кто тебя кормить будет в это время? – иронично спросил Саша.

– Я буду здесь работать.

– Террасы рубить? Им и эта-то не особо нужна, нас просто заняли чем-то, чтобы от безделья не маялись. Так и будешь у Леонидыча столоваться? Он мужик, конечно, добрый, но, боюсь, рано или поздно выпрет тебя куда-нибудь.

– Ну не на улицу же выгонит?

– Наверно, не на улицу. Но кто знает?

Снова воцарилось тягостное молчание.

– Время еще есть, и я буду думать, – серьезно ответил Коля.

Глава 6

Утро началось, как обычно, с завтрака. Разве что теперь им составил компанию Дмитрий. Порадовал их диковинным для здешних мест продуктом – кофе, который он купил недавно в небольшом количестве у торговца с юга. Фотина понятия не имела, как его готовить, поэтому у плиты колдовал сам гость. Когда же ароматный напиток разлили по чашкам, то все зажмурили глаза от удовольствия. Повеяло чем-то забытым и родным. Немедленного ответа на предложение никто у них не требовал, об этом вообще речи не шло. А поэтому ребята вскоре отправились по уже устоявшейся традиции в казарму, размяться и провести там время.

Сашу сразу поразили беспокойные глаза Постумии, которая с явным волнением ждала именно его. Обычный разговор ни о чем не клеился, чувствовалась какая-то недоговоренность.

– Пойдем, погуляем? – предложил он.

– Мне скоро в гостиницу идти, заступать на смену, – тихо сказала она. – Если только совсем недолго.

Вышли на улицу. Был легкий мороз, небо затянуто высокими облаками, но снег не шел. Пошли, как всегда, в сторону края площадки. Остановившись там и облокотившись на перила, какое-то время молча смотрели вдаль.

– Ты уедешь с этим капитаном? – спросила Постумия, не поворачивая головы.

– Я еще не решил окончательно, – грустно ответил Саша, понимая, что наступает тяжелое объяснение. – Ты что-нибудь знаешь о нем?

– Практически ничего. Он иногда приезжает к Парменону, их что-то связывает из прошлого. Сейчас вроде занимается охраной торговых кораблей.

– Он пригласил меня в команду.

– Кем? Абордажником?

– Я кое-что понимаю в навигации.

– Ты? Откуда, Саша? – удивилась она, назвав по имени, хотя редко это делала из-за его необычности. – Мы подобрали тебя у деревни в предгорьях в очень странной одежде, ты здесь совершенно чужой и точно не элой. Что ты можешь понимать в навигации?

– Элои не являются центром мира, и искусство навигации ведомо не только им одним.

– Кто ты? – И без того немаленькие голубые глазищи Постумии стали еще больше, глядя на Сашу в упор.

На миг у него возникло желание рассказать ей все, но он сдержался:

– Лучше тебе не знать.

– Опять эти тайны Парменона. Ты такой же непонятный, как и он.

– А ты? Так и будешь охранять храм? Может, вместе махнем на море?

– У меня контракт, осталось еще два года. Если ты не знаешь, то разорвать его нельзя, это дезертирство.

– Вряд ли тебя там достанут.

– Я свое отвоевала. С меня хватит. Да и кем я туда пойду? Я-то навигацией не владею, морского дела не знаю. Значит, мне прямая дорога в абордажную команду, а это, поверь мне, мясо. Здесь я прикоснулась к краю истины, мне иногда кажется, что еще чуть-чуть, и я ее осознаю. А там опять кровь, грязь, попойки... Надоело. Но мне очень жаль, что ты уезжаешь. Ты действительно необычный. Я... – Постумия оборвала свою речь, не решаясь произнести что-то важное.

– Я знаю, – мягко сказал Саша, обнимая ее за плечи. – Но я не могу вечно жить здесь на птичьих правах. А жрец из меня будет плохой.

– Ты иногда высказываешь очень интересные и необычные мысли.

– Иногда, Постумия. Лишь иногда. А заниматься рутинной, улаживая семейные ссоры между сельскими жителями, я не смогу. Не мое это. – И помолчав, Саша продолжил: – Я с детства мечтал о море и верю, что это мое призвание. И сейчас чувствую, что должен туда отправиться. Другого шанса может и не быть.

Она смотрела на него, не сводя глаз, ловя каждую тень на лице, каждое изменение в глазах, вся превратившись вслух. Потом медленно отвернулась и, тяжело вздохнув, сказала:

– Да, это твой путь. Теперь я это знаю.

– Мне пора. – После небольшой паузы она грустно промолвила: – Надеюсь, эту ночь мы проведем вместе.

– Можешь даже не сомневаться, – последовал ответ.

– И... приходи вечером в тренировочную – я задам тебе хорошую взбучку напоследок, – пытаюсь казаться веселой, сказала Постумия, ткнув Сашу кулаком в бок.

За обедом состоялся серьезный разговор об их дальнейшей судьбе. Саша и Сергей выразили твердое желание отправляться с Дмитрием. Не менее однозначно озвучил свое решение и Игорь, что встретило понимание у старших товарищей. А вот Коля так и не определился. Отправляться на корабль он не хотел, но и другие варианты его не устраивали. Понимающе

переглянувшись, Дмитрий с Леонидычем предложили ему все же отправляться в Бригес (Усть-Камчатск), а там подумать еще. Во всяком случае, как заверил Дмитрий, он всегда его сможет пристроить на складе, который обустривает в интересах некой новой компании и где будет иметь свой интерес. Математике он обучен, остается только подтянуть навыки адаптации своих знаний к местным реалиям, и тогда из него может получиться неплохой клерк. А дальше видно будет. Колю такой вариант вполне устроил.

Вечером состоялся жаркий бой. Схватка была настолько отчаянной, что он всерьез начал опасаться за свою жизнь. Глаза противницы сверкали гневом, тело кружилось в завораживающем и опасном танце, а рука с тупой шпагой жалила с такой стремительностью, что он еле успевал парировать и уворачиваться, все же получив несколько очень болезненных тычков и один особенно обидный удар плашмя по подставленному задку. Как ему до сих пор не переломали ребра, оставалось только удивляться. Но тут Постумия была, скорее всего, права – именно этот страх получить вполне реальную травму заставлял его быть предельно собранным и фехтовать всегда на пределе своих сил. Впрочем, он тоже в долгу не оставался, сумев пару раз дотянуться до нее, разумеется, как она и требовала, не жалея. Так что и ее тело украсилось двумя новыми синяками. Дмитрий, наблюдавший за этим со стороны, ухмыльнулся и обменялся многозначительными взглядами с лейтенантом, с которым они были поверхностно знакомы.

Когда поединок был закончен, выяснилось, что за ним наблюдали все собравшиеся здесь, прекратив занятия. Тяжело дыша, Саша обтирался мокрым полотенцем, болезненно морщась от его соприкосновения со свежими ссадинами.

– И что, у вас всегда так? – поинтересовался Дмитрий.

– Почти, – выравнивая дыхание, ответил Саша. – Но сегодня особенный день. Поэтому ты мог и не дожидаться своего нового рекрута.

– Догадываюсь, – хмыкнул капитан. – К сожалению, признаки того, что женщина тебя любит, такие же, как если она хочет тебя убить.

Саша замер, переваривая эту оригинальную мысль, но, бросив взгляд на приводившую себя в порядок Постумию, бросил в ответ:

– Не в этом случае, – и начал одеваться.

Поскольку все знали о его бурном романе с «капральшей» и даже сочувствовали, то Леонидыч сам пригласил ее на ужин. Но новое общество было ей непривычно, а серьезных тем не поднималось. Поэтому, когда Саша сжал под столом ее руку и они, переглянувшись, поблагодарили хозяйку за угощение, оба испытали явное облегчение. Последняя ночь в

бане была по накалу страстей сравнима разве что с первой. Постумия отрывалась по полной. Не было никаких слез, клятв, уверений в вечной любви. Они просто прощались, стараясь насытиться друг другом, насколько это возможно, уснув только под утро, тесно прижавшись друг к другу телами.

Рано утром их разбудил Сергей, громко стуча в дверь.

– Иди, – тихо сказала Постумия, кутаясь в одеяло. – Я приду, когда вы будете отправляться.

Саша быстро ополоснулся под душем и оделся, поцеловав ее в губы напоследок. Вещи были собраны еще до ужина. Надо было только привести себя в порядок и позавтракать.

Снова был кофе, который окончательно взбодрил, потом все начали одеваться. Похудевшие рюкзаки с вещами разобрали по своим лошадям сопровождающие Дмитрия, ребятам снова предстояло топтать налегке, что становилось уже привычно. А путь на этот раз предстоял неблизкий. Стоило задуматься о том, чтобы научиться верховой езде, иначе любое подобное путешествие сильно затягивалось.

Постумия стояла на углу гостиницы и не сводила с отправляющихся глаз. Пока Дмитрий-Кордил обменивался с Леонидычем последними словами, Саша быстро направился к ней. Один шаг за угол, и они прижались друг к другу, слившись губами. Сейчас ему уходить совсем не хотелось, он привык к этой странной и красивой женщине, между ними точно было что-то большее, чем просто страсть. Но отступить было поздно. Оторвавшись от ее губ, он посмотрел в бездонные глаза и спросил:

– Когда кончается контракт?

– Через два года, в начале зимы.

– То есть уже меньше? Дата!

Постумия назвала.

– Я обязательно вернусь за тобой в течение той зимы. Надеюсь, я уже буду не простым матросом, а человеком с кое-каким весом. Дождись меня обязательно.

Она молча и совершенно оторопело смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Саша снова крепко поцеловал ее и быстро направился к процессии. Все ждали только его.

– Все нормально? – спросил Дмитрий-Кордил.

– Да, отлично. Я готов! – бодро ответил Саша, чувствуя, что именно сейчас поступил правильно.

Дмитрий поднял руку и махнул ей. Отряд тронулся. Саша оглянулся в последний раз на угол гостиницы, встретившись глазами с Постумией. Все

такими же удивленными и, кажется, немного влажными. Хотя было далековато. Могло и показаться.

* * *

Сопровождавший Дмитрия-Кордила отряд состоял из членов абордажной команды. Наверно, это и объясняло, что вид некоторых был откровенно бандитским, но дисциплина оказалась на высоте. За все время пребывания в храмовом комплексе никто ни разу не позволил себе грубой выходки. Даже пили моряки в меру. Сашу уже несильно удивило, что даже среди этой публики была одна женщина колоритной внешности. Очень высокая, выше, чем он, жилистая, с волосами неопределенного цвета, заплетенными в тонкую косичку до плеч, и с маленьким черным бантиком на конце. Венчала ее облик черная же кожаная повязка на правом глазу, что окончательно превращало ее в злостную пиратку. К слову сказать, остальные моряки тоже почти все были с косичками разной длины, разве что без бантиков. Как позже выяснилось, это было веяние новой морской моды.

Ребята все были одеты в местную одежду, даже в шляпах с широкими полями, которые хоть немного спасали от мокрого снега, вскоре повалившего с низкого неба. Чтобы не испытывать судьбу, шли в своих старых привычных ботинках. Игорь остался в храмовом комплексе, намереваясь отправиться в путь ближе к весне. Обещал писать Леонидычу, поддерживая через него связь. Ружье ребята взяли с собой, все так же в разобранном виде переложив его теперь внутрь рюкзака. О его наличии знали и Леонидыч, и Дмитрий, но что с ним делать, при пяти пулевых патронах и пятнадцати с дробью, не имели понятия. А на горячее желание Коли разобраться в устройстве и наладить выпуск чего-то подобного отозвались очень скептически, поскольку вся проблема была в патронах. Как их здесь изготовить, никто из них не знал, а то, что в этом мире для такого даже штучного производства не хватает еще очень многого, им было ясно уже давно. Но, конечно, советовали беречь этот артефакт, может, и пригодится.

Спускались они довольно быстро. Снег вскоре сменился нудным дождем. Днем перекусили в трактире, в котором ночевали во время подъема, а поздно вечером уже были в долине, где и заночевали на постоялом дворе. Затем их отряд дошел за два дня то развилки больших дорог, одна из которых уходила на север, к месту их попадания в этот мир,

а другая шла на восток, вдоль Стримона (Камчатки), по которой они и продолжили свой путь. И на шестой день вошли в славный портовый город Бригес, являвшийся столицей республики Локрида.

Даже несмотря на приверженность элов к чистоте, он выглядел грязным. Далеко не все улицы были мощеными, по ним сновали толпы каких-то оборванцев с откровенно бандитскими лицами, все это усугублялось кучами навоза, который хоть и убирали ежедневно, но за день на улицах его скапливалось достаточно много. А частые дожди размывали все это великолепие по округе. Трудно сказать, насколько город велик по размеру, потому что сравнивать по этому миру было особо не с чем, а с покинутым – бессмысленно. Его основная часть, огороженная стеной, располагалась на северной стороне реки и имела обширные предместья. Но какие-то строения находились и на южной стороне, и на широкой косе, отделявшей гавань от океана. Никаких мостов не было, вся связь осуществлялась с помощью многочисленных лодок и гребных баркасов. А на островах находились постройки на сваях, поскольку они наверняка были подвержены затоплению.

Все это ребята смогли рассмотреть, пока шли по улицам. Конечным же пунктом их мокрого путешествия была относительно приличная гостиница, находившаяся не очень далеко от пристани, из окна которой и просматривалась вся акватория гавани и река. Здесь квартировал весь офицерский состав фрегата «Скампа», ожидавший окончания ремонта их судна. Дмитрий-Кордил занимал большую комнату на втором этаже вместе со своим первым помощником, который и придерживал ее во время отсутствия капитана. Зимой город был переполнен моряками, и найти свободное место в хорошей гостинице было проблематично. Тем не менее у хозяина смогли выбить для новых постояльцев крохотную мансарду, являвшуюся, по сути, четвертым этажом. Своей печки там не было, а потолок был из плохо подогнанных досок, за которыми виднелась черепица. Капли дождя очень громко барабанили по ней, но вроде бы ничего не протекало. Спасало только то, что большая часть чердака представляла собой гигантскую сушилку, и, чтобы белье и вещи постояльцев все же сохли, там постоянно топили специальную печь, тепло от которой через открытую дверь попадало в комнату. Здесь были только две узкие койки с тонкими матрасами, стоявшие вдоль стен. Кому-то третьему предстояло спать на полу. К счастью, все туристическое снаряжение было у ребят с собой, а разложить коврик со спальником проблем не представляло. Главное, чтобы ночью впотьмах никто не наступил, потому что было реально тесно.

Дмитрия-Кордила сразу захватили многочисленные дела, поэтому ребята оказались предоставлены сами себе. В первый вечер их позвал на ужин один из абордажников, которого они уже знали по совместному путешествию. Небольшая часть команды жила здесь же, на первом этаже, в большой комнате без кроватей. С ними и столовались в общем зале. Еда, входившая в оговоренный «пакет услуг», обильностью не отличалась, за выпивку надо было платить отдельно, а поскольку денег у ребят не было совершенно, то они только глотали слюни.

На следующее утро состоялся разговор с Кордилом в его апартаментах. Он спокойно и доходчиво объяснил им, что поскольку они теперь члены его команды, то отныне должны обращаться к нему исключительно «господин капитан», чтобы не подрывать авторитет. Обращение «Дима» допустимо только наедине и в исключительных случаях.

– Так точно, господин капитан, – вытянулся в струнку Саша, в котором разыграл армейский рефлекс.

– Без пафоса, не на плацу, – поморщился Кордил. – Во-первых, такой оборот здесь не принят даже в армии, во-вторых, на флоте все несколько проще, а в-третьих, у меня все же не военный корабль. Достаточно «да, господин капитан». То же самое касается и остальных офицеров сообразно их должности. Теперь о главном. Коля отправляется вместе с этим господином на склад и начинает вникать в тонкости своего нового дела. – Здесь Кордил указал на мужчину средних лет в коричневом камзоле. – А вы двое отправляетесь в гавань участвовать в ремонтных работах. Килевание там уже закончили, и полным ходом идет починка верхней части обшивки и рангоута. Толку от вас, конечно, немного будет, но там всегда нужна грубая сила. Что-то поднести, поднять, подержать и прочее. Вашим непосредственным начальником будет матрос Архилл. – С этими словами пожилой мужик с седой косичкой подобрался. – Обращаться к нему по имени, но все указания выполнять неукоснительно, даже если они вам кажутся нелепыми. Все, отправляйтесь завтракать и готовьтесь к выходу.

Ребята растерянно переглянулись, вразнобой ответили «да, господин капитан» и вышли. А Кордил обратился к упомянутому матросу:

– Спуску им особо не давай, но все же старайся помягче. Они на море новички и их надо обучить общим премудростям, а вообще у меня на них большие планы. Если будут доставлять проблемы, то сначала докладывай мне, я разберусь. Понял?

– Да, господин капитан.

– Ступай.

Верфи, доки и места для мелкого ремонта располагались в стороне от русла реки, на берегу большого то ли залива, то ли озера, которое в нашем мире называлось Нерпичьим. Заиливающееся дно регулярно чистила драга – громоздкое сооружение катамаранного типа на весельном ходу, между корпусами которого и находилась черпалка, приводившаяся в действие при помощи нескольких быков, вращавших ворот. Фрегат «Скампа» стоял у причала, рядом располагались ангары для временного хранения необходимых материалов. На глаз корабль был длиной метров в пятьдесят, имел, как и положено фрегату, три мачты, судя по всему, с прямым вооружением, и одну закрытую артиллерийскую палубу. На его борт прямо с причала было перекинуто несколько сходней, по которым иногда проходили люди. Где-то стучали молотки, жужжали пилы, пахло свежей стружкой.

Архилл направился к стоявшему у сходней кряжистому мужику в расстегнутой на груди матросской куртке и, поздоровавшись с ним, представил новое пополнение от самого капитана. При этом упомянул, что парни совсем зеленые, и попросил загрузить их незатейливой работой. Судя по начальственному виду и небольшой дудке, висевшей у мужика на груди, это был боцман. Окинув прибывших оценивающим взглядом, он произнес загадочную фразу, в которой ребята почти ничего не поняли, потому что она состояла из незнакомых им морских терминов и выражений, но уловили слова помочь, разобрать и почистить. Потом они поднялись на корабль, в средней его части спустились вниз и, миновав артиллерийскую палубу, оказались в помещении, похожем на камбуз. Здесь один человек, возможно мастер, разбирал печь. Их первая задача сводилась к тому, чтобы выносить треснувшие кирпичи на берег, что на крутых лестницах было не самым простым занятием. Архилл куда-то ушел, мастер, бросив на них равнодушный взгляд, буркнул:

– Чего встали? – За этим последовало какое-то выражение, возможно, ругательство: – Таскайте.

Ребята набили обломками грязных от сажи кирпичей пустые деревянные ведра и потащили их наверх...

Так началась их трудовая деятельность на судне. Работу они выполняли поначалу самую грязную и простую. Потом их стали брать в помощь при смене такелажа, когда требовалось что-то тянуть и держать. Если нужно было что-то принести или отнести, многие звали именно их. Ребята, понимая свое подчиненное положение, не огрызались, но, с другой стороны, к ним никто специально не цеплялся, не считая пары случаев. Тогда Саша пресек слишком откровенное желание молодого матроса

поглумиться над ними коротким хуком справа, после которого окружающие лишь одобрительно хмыкнули, а обидчик долго не мог встать. Во второй раз им угрожали ножом, но Саша схватил какую-то палку и, умело орудуя ей, смог не подпустить к себе обидчика, а потом еще и отбить ему бока. За финальной частью сцены наблюдал Архилл с пистолетом в руке. Поскольку победивший Саша не перешел границ самообороны и не начал избивать уже лежащего палкой, то наставник кивнул и молча ушел. Больше попыток выяснения отношений не было. Разумеется, что и здесь было некоторое количество женщин самого разного возраста. Пахали как и все.

Обедали ребята здесь же, с матросами. Еду варили на берегу в больших котлах. Пища была простейшей, но, в отличие от гостиничной, обильной. Матросы по вечерам разбредались по кабакам, развлекаясь там в меру возможностей и личных желаний. У ребят по-прежнему не было ни одной монеты, а поскольку угощать их никто не собирался, то ужинать и ночевать уходили в гостиницу, а утром, скромно позавтракав, снова отправлялись на корабль.

Выходные были раз в неделю, которая, по сути, являлась декадой. Ребята ходили по городу, смотрели выступления уличных артистов, изучали ассортимент товаров на прилавках уличных торговцев. Однажды забрели в книжный магазин, где Сергей углядел несколько изданий по местной медицине. Хоть он и был стоматологом, но общие понятия о человеческих хворях все же имел, а потому с интересом полистал их, прикидывая, на каком уровне находится местное здравоохранение. Вывод его был однозначен: чуть выше примитивного. Вечером он смог подкараулить капитана и, обратившись к нему по всей форме, поведал о своих соображениях. Кордил отнесся к этому очень внимательно, некоторое время думал, а потом принял решение:

– Значит, так. Для начала я тебя сведу с нашим судовым врачом. Он и по местным меркам звезд с неба не хватает, но раны штопает умело. Будешь его учеником, но есть нюанс. В чем-то твои познания, несомненно, опережают здешнее время, беда вся в том, что обосновать большинство из них ты не сможешь, а делать руками многого не умеешь. Я догадываюсь, что для этого нужны многочисленные эксперименты на людях, наблюдения и соответствующее оборудование, которого здесь нет и в помине. Поэтому будь осторожен, свои гениальные соображения держи при себе и только в крайних случаях, посоветовавшись со мной, что-то предпринимай. Если вы начнете грызню на почве высоких научных материй, то мне придется делать нелегкий выбор. Но, в отличие от тебя, док действительно многое умеет и спас уже немало жизней. Хотя, наверно, мог бы и больше. Одним

словом, тебе придется многому у него сначала научиться, а только потом, получив некоторый авторитет, ты сможешь продвигать свои взгляды. Но учти, что и спрос с тебя при ошибках будет особый. Посмотришь, что у него за книги имеются, посоветуешься. И если сочтешь, что тебе и после этого надо что-то купить, то приходи ко мне, дам денег. Но на книги, а не на баб – не заработал еще, – строго закончил Кордил.

Тем не менее Сергей вышел от капитана в приподнятом настроении, впереди маячила перспектива новой и интересной задачи, где он мог себя проявить. Саша выслушал его восторженный рассказ, тяжело вздохнул о своей беспросветной доле, но товарища поддержал. Следующую неделю он ходил на корабль один, выполняя уже привычную работу под руководством старших. Теперь его допускали на мачты, где он учился крепить бесчисленные ванты, штаги, фордуны и прочее. О предназначении некоторых снастей он сразу догадывался, вспоминая свою практику на паруснике «Мир», хотя были и отличия. Поразил моряков знанием пары редких здесь узлов, которые все же вспомнил, едва руки коснулись веревок. Сергей целыми днями пропадал у доктора, вечерами, при свече, читал выданные книги, иногда хмыкая себе под нос, и делился с Сашей своими соображениями по поводу премудростей местной медицины, которая теперь не казалась ему такой уж дремучей. Коля все время пропадал на складе, оставаясь там и ночевать, поскольку условия были лучше, чем в комнате под крышей гостиницы. А еще через неделю-декаду основной ремонт на судне был закончен. Начались косметические работы и загрузка трюмов.

Следует пояснить кое-что о местном календаре. В основу всего было положено нечто вроде недели, насчитывающей десять дней. В давние времена элои не заморачивались, ведя их отсчет от неких природных явлений типа листопада, посевной или дождливого сезона. Хотя попытки привести все это к единому знаменателю и предпринимались. Когда же они объединились в единое целое, то проблема универсального календаря встала во всей красе – ведь их владения раскинулись сразу в нескольких климатических зонах, где привязка к той же посевной была бессмысленна. Тогда за основу был взят солнечный цикл, благо что астрономические наблюдения уже велись. Год был разбит, естественно, на десять месяцев по тридцать шесть или тридцать семь дней. А раз в четыре года один день добавлялся к последнему месяцу и наступал Новый год, который у элов, приверженных к Солнцу, был одним из самых любимых праздников, с которым мог соперничать только период летнего солнцестояния. Естественно, что Новый год начинался после самого короткого дня, а

летний праздник приходился на самый длинный. Проблему с названием месяцев решили так же просто. Канули в Лету лирические упоминания, связанные с пробуждением сурка, цветением яблони и созревaniem винограда. Мало того что все это было привязано только к одному региону, в других всего этого вообще могло не быть. Поэтому месяца просто нумеровали иногда, чтобы подчеркнуть региональные особенности, упоминали, что это, например, второй месяц зимы. К слову сказать, здесь, на Кинурии-Камчатке, зима и продолжалась-то всего два календарных месяца. Потом дожди прекращались, начинало теплеть, на деревьях распускались почки, ну и так далее.

И когда до конца календарной зимы оставалось еще пятнадцать дней, все работы на «Скампе» были закончены. Как только стихали зимние шторма, а это примерно совпадало с календарем, из Бригеса (Усть-Камчатск) обычно отправлялся большой караван на юг в Элою (Япония), прежде всего с грузом зерна, которое не успевали вывезти за осень, но были и другие товары: смола, пенька, воск, древесина в разном виде и железо. Могли там быть и товары, которые кинурийцы закупали у своих соседей на севере и востоке, прежде всего моржовый клык, а также ворвань и шкуры различных животных. В общем, список был внушительным, а караванами двигаться было безопасней. Конечно, корабли сопровождения стоили немалых денег, но серьезные люди на этом не экономили. И одно из важнейших мест в предстоящем походе занимал корабль Дмитрия-Кордила. Поскольку ребята активно участвовали в загрузке трюмов, то без подсказок выяснили, что фрегат также везет некоторые товары, которыми капитан немного приторговывает. Конечно, их было немного, потому что иначе это могло пагубно сказаться на его маневренности в бою. В основном это были компактные и относительно дорогие вещи, начиная от произраставшего здесь в горах золотого корня и кончая роскошными местными коврами из шерсти особой породы овец. Немного оружия, бумага и особо ценные послания как делового, так и политического содержания.

В связи со скорым отплытием всей команде выдали положенное жалованье за несколько недель-декад. Кое-что перепало наконец-то и Саше с Сергеем. Они отыскивали зарывшегося в расходных книгах Колю на складе и предложили ему гульнуть напоследок. Решили не экономить и заказать роскошный ужин в гостинице, где и собрались за столом. Взяли местный аналог коньяка, не самый дорогой, но и не дешевое пойло, мяса и рыбы, разных закусок и, радостно потирая ладони, подняли вполне прилично сделанные стеклянные стаканчики.

— Ну, давайте попрощаемся. Трезвыми мы сегодня больше не

увидимся, – произнес старую шутку Саша и опрокинул содержимое в рот. Качественный напиток разлился по организму волной мягкого тепла, расширяя сосуды и поднимая настроение. Закусив салатом и отведав сочной баранины, друзья завели неспешную беседу.

– Ну что, когда выходите? – спросил Коля.

– Да как погода устаканится, – обгладывая ребро, ответил Саша. – На море болтанка, которая в любой момент может превратиться в шторм. Я так понимаю, что это не является принципиально сдерживающим фактором, но все же корабли местные толстосумы стараются беречь. Не в том плане, что обязательно утонут, а чтобы потом меньше тратиться на ремонт.

– В каком смысле?

– Да в прямом. Паруса подлатать, такелаж заменить, не дай бог мачты. А у тебя что, душа бумажная?

Коля потупился, и стало ясно, что эти слова его обидели.

– Я пошутил, Коль, – поправился Саша. – Согласен, глупо и неуместно.

– Да ладно. Правильно все. Тоска там по большому счету, рутина. Но жить как-то надо... – И, помолчав, продолжил: – А знаете, что это за новая компания, на склад которой меня так любезно пристроили?

– Ну?

– Это торговый склад жрецов. Они тоже решили заняться торговлей, пустив накопленные с подношений средства в оборот.

– Ничего себе! – воскликнул Сергей. – О душах заботятся, но и о мощне не забывают?

– Совершенно верно. Насколько я понимаю, прямого запрета на подобную деятельность у них нет, и, скорее всего, чем-то подобным они занимались всегда, но сейчас все сделано с размахом. Это реально международная компания, уже имеющая свои филиалы во многих странах. Религия-то не принадлежит какому-то одному правителю.

– Но они все получают от них небольшое жалованье, – вставил Сергей.

– Можно подумать, что подобные мелочи кого-то останавливают в получении еще большего дохода. С другой стороны, если посмотреть на ситуацию непредвзято, это лучше, чем вымогать у прихожан дополнительные подношения.

– Да, но этим они наверняка отбивают хлеб у торговцев, – из принципа возразил Сергей.

– Тебе реально жалко бедненьких голодненьких торговцев? – иронично поинтересовался Коля.

Прятели улыбнулись этой странной ситуации, в которой не было ни

правых, ни виноватых.

– Они даже налоги платят, поэтому у государства к ним нет никаких претензий, а конкуренция вполне честная, – добавил Коля.

– Да, интересно, – задумчиво сказал Саша, наливая коньяк в стаканчики. – Выходит, наш капитан торгует товарами храмовников?

– Лишь отчасти, – возразил Коля. – По складским книгам ему все равно. Он закупил товар у разных поставщиков, и в целом это его частный интерес. Храмовники ему продали ковры и золотой корень. Я о другом. Помните, Леонидыч как-то обмолвился, что есть силы, заинтересованные в объединении элоев? – И выдержав небольшую паузу, Коля продолжил: – А что, если эта сила и есть храмовники?

– Это может быть кто угодно, – ответил Саша.

– Да, но только храмовники являются уже готовой международной организацией, да еще и с коммерческим интересом, которому таможи и ввозные пошлины мешают.

– Они мешают всем, если подумать, – возразил Саша. – Любой торговец несет убытки, уплачивая эти пошлины и отстегивая таможенникам.

– Да, но торговец привязан к местным производителям, которых государство и защищает этими пошлинами, а храмовники представляют собой уже готовый международный синдикат, да еще и с идеологической надстройкой.

– Коль это настолько большая политика, что нас она не касается никаким боком, – сказал Саша, пробуя на вкус копченую лососину. – И вообще, держись от этого подальше, а то оглянуться не успеешь, как тебе башку оторвут.

– Я просто поделился своими соображениями. И только с вами, – оправдался товарищ.

– Еще по одной? – осведомился Саша.

– И не по последней! – последовал дружный ответ.

* * *

Через два дня подул устойчивый юго-восточный ветер, небо очистилось, воздух потеплел, а болтанка на море стала утихать. Руководство решило отправляться в путь. Поскольку их караван был хоть и самым крупным, но не единственным и все ждали только перемены погоды, то одновременный выход через узкий фарватер для такого

количества кораблей мог представлять собой серьезную проблему. Поэтому было принято решение выходить немедленно, даже если все команды не будут собраны. Все дело в том, что направление фарватера было как раз юго-восточным, и парусным кораблям выходить против ветра по узкому горлу было очень тяжело, а то и вовсе невозможно. Выход был один – вытаскивать их на буксире. А для этого спускались шлюпки, которые цепляли свои корабли за канаты и активно работали веслами. Потом выведенные таким образом корабли выстраивались на внешнем рейде, вставая на якорь, и дожидались остальных. Не успевших на внезапный сбор матросов и пассажиров планировалось доставлять на борт отдельно, теми же шлюпками. Зато их караван выходил первым, а то вдруг погода опять переменится.

Чтобы не влез в очередь кто-то чужой, создавая ненужную толчею, по бокам от выхода, на внутреннем рейде, стояли два других конвойных корабля – корвет и бригантина. Ну, условно говоря. Они просто были очень похожи именно на эти типы судов. И были в любой момент готовы пресечь попытку чужака влезть без очереди. А фрегат вышел первым, охраняя внешний рейд от возможных случайностей.

Саша сам вызвался гребцом на одну из шлюпок, желая размять мышцы. Веслами орудовали активно, довольно быстро продвигаясь к выходу, так как помогал отлив. На руле шлюпки сидел его официальный наставник Архилл, твердой рукой направлявший суденышко в нужную сторону, обходя известные мели. Встав на якорь, долго дожидались остальных. За утренний отлив все выйти не успели, пришлось дожидаться вечернего. Но еще до наступления темноты весь караван выстроился на внешнем рейде и зажег сигнальные огни. Зрелище впечатляло – четырнадцать купеческих судов разного типа и размера, но, как теперь заметил Саша, все преимущественно с прямым парусным вооружением. В этом, несомненно, была своя логика. Чтобы караван мог держаться вместе, он должен примерно одинаково медленно идти в бейдевинде (курс судна навстречу направлению ветра, но под углом, как правило, не меньше тридцати градусов) и примерно одинаково быстро при попутном ветре. Но корабли с косыми парусами имеют гораздо большую скорость при ветрах, дующих сбоку, и бейдевинде в частности. Тогда как при попутном ветре заметно проигрывают кораблям с прямым парусным вооружением. Здесь, как и в оставленном Сашей мире, исторически сложилось, что наиболее мощными с военной точки зрения были корабли с прямыми парусами. Впрочем, для этого были и конкретные технические причины. Поэтому все ориентировались на ходовые качества кораблей охранения – фрегат и

корвет. Бригантина же была, по сути, гибридом, имевшим на одной мачте прямые паруса, а на другой косые. Но благодаря своим относительно небольшим размерам и общей конструкции могла достаточно быстро двигаться в общем строю и при строго попутном ветре (фордевинд). К тому же она была полезным разведчиком и преследователем ослабевшего противника, способным его задержать до подхода основных сил.

Переночевав на открытом рейде, рано утром караван начал поднимать паруса и выстраиваться в походный порядок. Первым шел фрегат «Скампа», следом купцы, а замыкающими – корвет и бригантина. Курс взяли на юг и немного к западу, идя вдоль берега в достаточно крутом бейдевинде. На фрегате стояли только косые паруса, растянутые между первой мачтой (фок-мачтой) и бушпритом, между другими мачтами (трисели), и за последней (бизань-мачтой) на специальных реях (гафеле и гике). В ее постановке и принимал участие Саша вместе с Архиллом и другими матросами. Продвигались не очень быстро, но уверенно. Галсы не меняли, потому что линия побережья позволяла продвигаться именно в этом направлении еще долго. Небольшой дрейф от ветра, несомненно, был, но судя по тому, что вахты не скакали по вантам, как обезьяны, это было не критично.

Пока что Сашу определили в команду матросов, занимавшихся парусами. Но сменившись и немного отдохнув, он рано обрадовался. Оказывается, Кордил приберег для него еще одно занятие, которое посчитал обязательным для развития своего подопечного: фехтование. И то ли это было специально, то ли без скрытого умысла, но в наставники ему назначили не уже привычного Архилла, а ту самую одноглазую дылду, которую он заприметил еще на пути из храмового комплекса. Она не вызывала у него ни малейшего желания позаигрывать. Он вообще не воспринимал ее как женщину, а скорее – как некое существо неопределенного рода. Единственный глаз сверкал самыми недобрыми чувствами к окружающим, да и лицо не располагало к веселой беседе.

Абордажная команда вообще не сидела на судне без дела. Именно они поддерживали на нем общий порядок, следя за чистотой и помогая в приготовлении пищи. Но были у них, как выяснилось, и обязательные тренировки. Не каждый день, конечно, но все же иногда они разминались. Правда, из-за ограниченности свободного места на корабле они делали это небольшими группами и не во время активных маневров судна, которых сейчас не было. Под тренировки отводилось место на баке (носовая часть судна), где и состоялось Сашино знакомство со своей новой наставницей. Звали ее Эврида. Не сводя немигающего серого глаза со своего нового

ученика, она спросила его сиплым, то ли сорванным, то ли простуженным голосом:

– Говорят, ты неплохо владеешь шпагой. Покажи! – и с этими словами протянула ему тупое учебное оружие.

Саша взял его и спокойно встал в позицию. Он понимал, что наверняка уступает опытному бойцу. Что-то он умел еще из прошлой жизни, но в основном это было позерство да несколько красивых и необычных приемов. В целом его неплохо подтянула в храме Постумия, прежде всего вдолбив в него в буквальном смысле базовые приемы и тоже кое-чему научив. Поэтому он мог неплохо смотреться на фоне новичков, мог даже потягаться с середнячками. Но не выступать против опытного бойца, которым, несомненно, являлась Эврида.

Поняв, что от него требуется действие, он провел серию пробных атак, которые наставница без труда отбила. Потом попытался схитрить, делая обманные движения, что заставило ее уже двигаться более активно, но тоже безрезультатно. Потанцевав так некоторое время, он сделал паузу, пытаясь сообразить, чем еще можно удивить Эвриду, но тут она сама перешла в наступление. Экономичные, но точные и стремительные удары сыпались на него один за другим, но он успешно их отбивал, все время уходя с линии атаки. Тогда и наставница была вынуждена перейти к более искусным действиям, но и они поначалу не приводили ни к какому результату, пока все же не подловила его на неосмотрительном контрударе, больно ткнув в бок. Сделала быстрый шаг назад, подведя итог:

– Неплохо, но есть еще над чем работать. Чем ты еще владеешь?

– Саблей немного.

– Саблей на палубе особо не размахиваешься, а вот абордажным тесаком иногда полезно владеть. – И с этими словами подала ему короткий, слегка изогнутый клинок. – Давай!

Саша сделал несколько неуклюжих выпадов, но Эвриде быстро стало ясно, что здесь он ничего не умеет. Проводив его очередной удар своим клинком, она ловко ушла из-под удара, да так, что он провалился в пустоту. На миг. Но этого было достаточно, чтобы тут же получить удар плашмя по боку.

– Ясно. Этим и займемся.

И с этого момента, вместо того чтобы отдыхать, Саша пыхтел после вахты на тренировках. Иногда за ними наблюдали несколько зрителей. Иногда рядом тренировался кто-то из абордажников. Жизнь входила в новую колею, а корабль продолжал двигаться на юг. Но это в целом. Вообще же караван перемещался хотя и медленно, но непрерывно.

Кораблям, в отличие от людей и лошадей, не нужен был отдых, они не спали ночью и не останавливались перекусить. Все это нужно было экипажу, но он все время сменялся. Двигаясь в избранном направлении со скоростью не больше трех узлов, караван за сутки преодолел расстояние в шестьдесят с лишним миль и достиг полуострова, далеко выступающего в океан (Кроноцкий полуостров).

Да, здесь на море также пользовались привычными морскими милями, и ход судна измерялся в узлах, то есть милях в час. Потому что в этом был простой и понятный для моряка смысл. На Земле миля имеет не столько численное выражение (1852 метра), сколько угловое – это одна угловая минута вдоль меридиана по широте. Она, правда, колеблется немного из-за не очень правильной шарообразной формы планеты, но это не принципиально.

Достигнув утром близкого берега, караван круто развернулся на восток, обходя землю и идя по-прежнему в крутом бейдевинде. Вечером снова сменили курс, двигаясь теперь почти на юго-запад. Ветер дул практически в бок (галфвинд), поставили прямые паруса, повернув их на нужный угол, скорость заметно увеличилась, даже несмотря на то, что сила воздушного потока немного ослабла. Утром еще можно было увидеть удаляющиеся берега полуострова, который обходили.

Еще три дня плыли вдоль берегов Кинурии, а на четвертый сделали первую остановку в небольшом порту острова Сицина (Парамушир). Гавань там была маленькая и защищала не от всех ветров, но сейчас это было не принципиально. Корабли встали на рейде, сгружая незначительную часть товаров на местные склады или сразу продавая их в магазины. Остров входил в независимую республику, был гористым, с совсем небольшим количеством пахотной земли, но первую скрипку в его снабжении играло Платейское герцогство, расположенное рядом. Вот только зерно оно само закупало. Зато железо и изделия из него поставляло исправно.

Не считая работ по разгрузке, команда отдыхала два дня, сходили на берег, но делать там особо было нечего, а потому Саша с Сергеем совершили небольшое восхождение на ближайшую гору, откуда была видна вся северная часть острова, пролив и соседний остров. Было уже тепло, но почки на деревьях только начали появляться. В кабаке обожрались жутко соленой красной икрой, стоившей копейки, и потом долго не могли напиться.

А потом был дальнейший путь на юг, остановка на Скире (Симушир), где элои двести лет назад одержали свою первую победу над пришельцами

из-за океана, и в конце концов они прибыли в собственно Элою, где сразу ощутили, что это крупный культурный центр всего региона.

Глава 7

Приличных размеров город располагался на северном берегу большого острова, в нашем мире называвшемся Хоккайдо, а здесь Глафиар. Для Саши до сих пор было очень непривычно видеть реалии местной жизни и сознавать, что на этом самом месте когда-то или где-то протекает совсем другая. Кто бы мог подумать, самый что ни на есть японский остров будет населен светлокожими людьми, которые даже не подозревают об альтернативной реальности! Этот порт был важным перекрестьем торговых путей. Именно здесь корабли, прибывающие с севера, делились на два больших потока, один из которых направлялся вдоль восточного побережья Элои, а второй – вдоль западного. Со временем же этот город и сам превратился в важного потребителя разнообразных товаров и центр производства. Купцы здесь разгружались основательно, пополняя освобождавшиеся трюмы местными изделиями, которые можно было выгодно перепродать в других местах. Извечный принцип торговли – купить подешевле, продать подороже. Небольшой навар можно было получить практически с любой мелочовки, чем и спешили воспользоваться помимо профильных заказов. Весь путь от Бригеса (Усть-Камчатск) занял с учетом стоянок шестнадцать дней.

Вообще эти воды считались уже достаточно безопасными. Города располагались часто, побережье и окрестные воды патрулировались местными флотами. И если не возникало политических осложнений, то можно было ничего не опасаться. Разумеется, существовала опасность нарваться на какого-то особо наглого пирата, но она была уже намного меньше, а потому здесь, на Глафиаре, торговцы, как правило, отказывались от услуг сопровождения и разбредались дальше каждый в свою сторону. У Дмитрия-Кордила оставалась возможность подождать здесь же, пока соберется группа кораблей для пути на север и предложить им свои услуги по охране, но деятельная натура не давала ему сидеть на месте, и он тоже направлялся по своим делам, требовавшим его присутствия в других местах.

Поэтому у друзей был всего один день, чтобы осмотреть новый город, поразивший их образцовой чистотой и порядком на улицах, древними храмами со статуями, богатыми домами и даже парками в предместьях. Здесь уже было по-настоящему тепло, можно было прогуливаться лишь в легкой куртке. Но в местных заведениях общепита цены кусались, поэтому

друзья лишь слегка перекусили, а ужинать отправились на корабль.

Поскольку капитан не стал утруждать себя загрузкой местных товаров, то фрегат, сопровождаемый бригантиной, вскоре вышел из гавани и направился дальше на юг. В пути их потрепал небольшой шторм с севера, задевший лишь краем, но принесший прохладный воздух. Обошлось без потерь. В том смысле, что ничего не порвалось и не отломалось. Саша перенес волнение без проблем, сказала привычка от былой практики, а вот Сергей слегка позеленел, но быстро пришел в норму, поскольку док озадачил его мытьем своей каюты. Существует поверье, что морская болезнь – болезнь бездельников. Моряки ей не страдают, потому что они все время чем-то заняты и им некогда блевать по углам. Это же распространяется и на обычных людей, если только страдающий не представляет собой клинический случай. То ли это правда, то ли организм начинающего доктора все же переборол недуг, но он быстро справился с недомоганием, и когда волнение улеглось, был снова бодр и постигал нелегкую работу судового врача. Обогнув остров, следующую остановку сделали в Метоне, городе, расположенном в проливе между Глафиаром (Хоккайдо) и Сепиасом (Хонсю), где и произошли события, добавившие ярких красок в жизнь новоиспеченных моряков.

Это был огромный город, процветавший благодаря своему удачному местоположению. Отдав необходимые распоряжения по разгрузке, Кордил отправился на берег передать несколько важных писем непосредственно в руки адресатов и, наверное, для каких-то важных переговоров. Вернулся он довольно быстро и на взводе. Команда была немедленно отправлена на выгрузку абсолютно всех лишних грузов на предоставленные склады, облегчая корабль. А среди экипажа разнеслась новость, что капитан взял след одной пиратской шайки, намереваясь ее уничтожить. Как позже выяснилось, это была существенная составляющая доходов фрегата «Скампа» – охота за пиратами. Почему туда не отправлялся регулярный флот, ребята не знали, но, наверное, для этого были причины в местной запутанной политической ситуации.

Едва корабль облегчился, как их тут же взяла на буксир большая весельная галера и потащила к выходу из гавани, несмотря на приближающийся вечер. Так же была выведена и бригантина. Эта услуга наверняка стоила недешево, но то ли была договоренность, то ли сам капитан решил не скупиться в погоне за предстоящим кушем. Как бы то ни было, но на чистую воду залива вышли минут за двадцать и взяли курс на юго-запад, огибая остров, а потом на северо-запад, двигаясь к берегам, где-то являвшимся Россией, ее Приморским краем. Там их подхватил хоть и не

сильный, но устойчивый попутный ветер, и фрегат пошел со скоростью порядка десяти узлов. А вскоре Сашу вызвали к капитану. Сергей уже был там.

– Так, парни! – энергично начал Дмитрий-Кордил. – То, что мы идем на захват пирата, вы уже, наверно, знаете. И нам предстоит, надеюсь, небольшая драка. В связи с этим хочу дать вам несколько ценных советов. С Серегой все более-менее ясно – он будет сидеть в каюте доктора и помогать ему. А вот с тобой, Саня, есть сложности. Была у меня мысль запереть тебя в трюме, но тогда нормального моряка из тебя не выйдет. К сожалению, жизнь здесь такова, что даже мирным торговцам иногда приходится вступать в бой. По-другому на море нельзя – слишком много охотников до чужого добра. Поэтому ты будешь находиться на своем привычном месте – на мачтах. Там тоже есть опасность схлопотать ядром по лбу или пулю в бок, но это же касается и меня, поскольку я буду находиться на палубе. Зато у тебя будет прекрасный обзор, и ты своими руками сможешь поучаствовать в маневрах, сделав для себя выводы. Главное, ни в коем случае не лезь в драку. У тебя сейчас другие задачи. Вопросы?

Ребята немного помолчали, а потом Саша спросил, желая прояснить для себя ситуацию:

– А что за пират? И откуда ты вообще знаешь, где он будет тебя ждать. Да и с какой стати?

– Зришь в корень! – похвалил Дмитрий-Кордил. – Все просто. Шторм, который захватил нас лишь краем у берегов Глафиара, здесь порезвился вовсю. Два небольших торговых судна в самом начале напали на искомого пирата. После короткого боя один из них получил серьезные повреждения рангоута, а второй, понимая, что вскоре его участь будет такой же, пустился наутек. Но пират погнался как раз за ним и, если бы не усиливающийся шторм, то, несомненно, догнал бы его. Преследователи испугались стихии и повернули назад. А торговец, пользуясь почти попутным ветром, очень быстро достиг берегов Элои и вскоре с изодранными в клочья парусами еле вошел в бухту Метона. Буквально перед нами. По стечению обстоятельств я столкнулся с бедолагой в портовом управлении, где он жаловался чиновникам на свою нелегкую судьбу. По его словам, он, удаляясь, видел в подозрную трубу, как его компаньон направлялся к небольшой бухте на побережье, в которой есть рыбацкая деревушка, намереваясь укрыться в ней от волн, а в крайнем случае выброситься на берег, чтобы спасти жизнь команде – пираты пленных не берут. Но поскольку разбойники развернулись и бросились за

ослабевшей добычей, то, скорее всего, догнали их еще в море. Дальше идут предположения. Скорее всего, этот шторм изрядно потрепал и их. Потому что именно в момент разворота у торговца начали рваться паруса, которые он не убирал до последнего, больше опасаясь за свою жизнь. Логично предположить, что, захватив добычу, а это при сильном волнении дело очень непростое и чреватое дополнительными повреждениями, пират укрылся как раз в той бухте, пережидая непогоду, занявшись ремонтом и перегружая товары. В общем, дел у них много. И тут я понял, что если действовать быстро, то есть шанс застать негодяев на месте преступления. Я тут же подал заявку губернатору, что берусь восстановить справедливость за приличное вознаграждение, и он ее одобрил. Вот так!

– А почему власти не отправили туда свои военные корабли? – продолжал интересоваться местными раскладами Саша.

– Потому что их вечно не хватает, – последовал ответ. – Линейные корабли в мирное время в большинстве своем стоят на приколе и без команд. Это очень дорого – содержать их все время. Те немногие, что на плаву, охраняют порт и занимаются демонстрацией флага. Фрегаты патрулируют свое побережье, охраняют важные караваны и гонятся за контрабандистами. А посылать туда мелочовку опасно. Разумеется, окажись здесь свободный фрегат, готовый к выходу в море, то послали бы его. Но ситуация такова, что дорога каждая минута. Поэтому губернатор предпочел пообещать крупную сумму денег мне, чем упускать разбойников.

– Здесь так не любят пиратов?

– Смотря каких, – иронично заметил Дмитрий-Кордил. – Своих, которые промышляют на коммуникациях конкурентов, очень даже любят. Если они делятся, разумеется.

– Как все сложно, – отметил Саша. – Но, насколько я понимаю, берега, к которым мы направляемся, не являются территорией элоев?

– Нет. Только торговцы, хоть и мелкие, но местные. С этого острова. Тут не только дело чести, но и коммерческий интерес: они приносят прибыль, даже торгуя в других странах, потому что деньги привозят в конечном итоге домой.

– Почему же тогда мы оставили своих торговцев, с которыми плыли от Бригеса?

– Здесь им действительно почти ничего не угрожает. Много поселений, патрули. Эти места почти безопасны. Особенно на восточном побережье. А вот материковый берег не отличается такими качествами. Это бывшие земли Империи, которая опять вступила в полосу беспорядков, и

от нее отвалились окраины. Там снова вспомнили про свою национальную самобытность и, воспользовавшись тем, что центральной власти не до них, провозгласили независимость. Мэры некоторых приморских городков, пользуясь вседозволенностью, негласно дают приют пиратам. Им это выгодно, а когда их пытаются поймать за руку, то они делают круглые глаза и заявляют, что ничего не знали. В общем, при соблюдении определенных правил приличия там нетрудно сбыть любой захваченный товар. Берега не очень густо населены, производства никакого нет, все привозное. Поэтому многое находит применение прямо там, на месте. Или перепродается. Ситуация усугубляется тем, что вся власть в портовых городках местным не принадлежит, всем заправляют назначенцы из внутренних районов этого недогосударства. Им плевать на местных, они туда отправляются отбыть срок и набить карманы. Это, конечно, плохо влияет на ситуацию, торговцы не очень любят то побережье, что, в свою очередь, повышает цену многих товаров в силу дефицитности. Но кто-то предпочитает риск, желая сбыть рядовой товар по завышенным ценам, и отправляется в те беспокойные воды. Эти двое принадлежали именно к такой категории.

– Да-а-а... – протянул задумчиво Саша. – Туда надо с хорошей охраной соваться.

– По-хорошему да, – согласился Дмитрий. – Но малолюдные и редкие городки делают убыточным плавание в те края больших караванов типа нашего, а мелким торговцам хорошая охрана не по карману. Поэтому остается одно – риск. Я сам когда-то так начинал на старом убогом пинке.

– Расскажешь? – спросил Саша.

– Как-нибудь потом, – улыбнулся Дмитрий. – А теперь ступайте на свои места. У нас хорошая скорость, и мы скоро будем на месте. И Сань... не лезь в драку. В этот раз твое место на парусах.

* * *

Ветер – великая сила. Особенно если он совпадает с нужным направлением. Через день, на рассвете, фрегат приближался к указанной бухте на чужом побережье. Штурман сработал великолепно, выведя судно чуть южнее, как того и хотел капитан. И оказался прав, потому что именно в этом направлении уходил пиратский корабль, имевший явные следы недавнего боя и хорошо известный по описанию. Когда его рассмотрели в трубу и опознали наверняка, он уже ушел южнее, подняв на мачте флаг ближайшего государства, но это никого не смутило, и за ним пустились в

погоню.

Это была шхуна со смешанным типом парусов, несшая шестнадцать орудий. Только на первой мачте вверху было два прямых паруса, а все остальные были косыми. Поэтому, даже несмотря на повреждения, не было никаких сомнений, что, следуя при боковом ветре (галфинд), от фрегата она бы ушла. Но не от бригантины. Впрочем, фрегат тоже не сильно отставал. Вскоре бригантина прочно обосновалась на хвосте у беглецов, начав обстреливать издали и целясь по парусам. Стреляли ядрами, потому что кнippели имели намного меньшую дальность полета. А так пара лишних дырок диаметром с десяток сантиметров ходкости не добавляли. Пираты тоже огрызались, и не безвредно, но в целом все это приводило к тому, что скорость обоих судов падала, а фрегат начинал их догонять. К середине дня фрегат поравнялся с бригантиной, добавив голос еще и своих погонных орудий. Шансы уйти у разбойников стали быстро снижаться к нулю. Тем не менее сдаваться они не собирались, прекрасно зная, что всех их ждет или смерть, или пожизненная каторга.

Когда первый раз грянули погонные пушки на носу, Саша вместе с другими марсовыми матросами стоял на пертах (специальные тросы под реями, служащие опорой для ног) и прекрасно видел общую картину. В любой момент могло потребоваться повернуть парус в сторону при маневре (это делали с палубы при помощи специальных канатов – брасов), а здесь, наверху, пришлось бы сокращать площадь (брать рифы), а то и вовсе убирать, если судно возьмет слишком круто к ветру. Звук от выстрела был очень специфичным. Да и все ощущение. От современного оружия звук резкий, дыма при этом мало. А здесь... Сначала из дула с шипением вырывается дым, затем, спустя заметное мгновение, сноп пламени, с которым и вылетает наружу ядро, и в это же время раздается собственно звук выстрела. Громкий, но какой-то непривычно растянутый. А потом все вокруг окутывается таким количеством дыма, что кажется, будто ракета стартовала. На самом же деле вперед улетел чугунный шарик сантиметров десять диаметром. Пока что били вверх, стараясь повредить как можно больше парусов, а если повезет, то и такелаж. Сделав несколько выстрелов из носовых орудий, фрегат еще больше сократил дистанцию, и Кордил решил на маневр.

Раздалась команда убирать прямые паруса, марсовые заработали руками, а когда дело было почти закончено, то корабль взял влево, ложась в бейдевинд и теряя скорость, зато поворачиваясь бортом к беглецам и заходя на ветер. Произошло все достаточно быстро. Пару минут собирали паруса, полминуты на поворот, достаточный, чтобы бортовым орудиям не мешали

края портов, задержка секунд на десять, пока ход судна хоть немного выровняется, а канониры наведут свои стволы, и залп. А вот это уже впечатляло. Шестнадцать орудий, среди которых явно были и тяжелые, одновременно изрыгнули такое количество дыма, что Саша перестал на какое-то мгновение видеть воду внизу. А качнуло так, что ему стало не до обозревания панорамы, и момент, когда ядра достигли цели, он упустил. Результат тоже был непонятен. Дырок в парусах он отсюда не видел из-за большого расстояния – метров триста, и мачты не падали, как в кино. А фрегат тут же начал разворот носом к противнику, подставляя корму к ветру. Саша уже готов был опускать свой парус, но команды все не было. Более того, он заметил, как спешно начали собирать косые паруса, вообще теряя ход. И, лишь бросив взгляд вперед, понял причину: шхуна тоже разворачивалась бортом, намереваясь дать залп по слишком приблизившемуся противнику. Но к этому моменту большая часть парусов была убрана, пираты это, несомненно, видели, но стоять так и ждать они не могли – фрегат был явно сильнее, чуть дальше их обходила бригантина, и вся надежда была только на удачный маневр. Но, пока что это было явно не так, залп пропал даром. Большинство ядер пролетели мимо, спереди силуэт корабля без парусов был достаточно скромным. Несколько ядер прогрохотали рикошетом по скошенному носу. Что-то просвистело в воздухе в непосредственной близости от Саши, заставив его крепче стиснуть руками рею и покоситься на Архилла – тот был невозмутим. И тут же последовала команда сначала палубным матросам, начавшим поднимать косые паруса, а спустя минуту и марсовым, которые поэтапно отдали свои полотнища, начиная от самых нижних и кончая верхними. Снизу брасами задали нужный угол поворота, корабль поймал еще больше ветра и, сделав рывок, устремился к поврежденной шхуне, заходя за корму. Рывкнули носовые орудия, посылая свои ядра вперед. Пираты ответили с кормы. Совсем рядом раздался противный треск – ядро порвало именно тот парус, с которым работал Саша. Несмотря на свежий ветер, он тут же вспотел. Как только угол бортов относительно вражеского судна позволил, а расстояние сократилось, последовала команда на залп, и теперь левый борт окутался дымом, качая корабль. Этот залп был почему-то слабее по ощущениям, стреляли явно не все орудия, но результат был впечатляющим.

Этот борт, судя по всему, был заряжен кнппелями. Расстояние для них было все же великоватым, но это при стрельбе пушками мелкого и среднего калибров. У пиратов на шхуне только такие и стояли. А вот на фрегате как более крупном судне были пушки и потяжелее, располагавшиеся на нижней палубе и по центру борта. У них и точность и,

что главное в этой ситуации, дальность были выше. Пираты еще не могли зарядить свои орудия кнйппелями, потому что они бы не долетели. И в них всадили практически безответный залп. Попало только два снаряда, но несколько парусов были порваны в клочья, цепи наматывались на такелаж, обрывая и запутывая его, с рей вниз полетели несколько вражеских матросов, шхуна заметно потеряла ход. Воспользовавшись начавшейся там суматохой, Кордил тут же начал новый поворот к ветру. Снова убрали прямые паруса, со шхуны пальнули кормовые пушки, опять ядрами, хотя расстояние и сокращалось. Как только угол поворота борта позволил, с фрегата раздался новый залп, и это была картечь.

Палуба фрегата была существенно выше, чем у шхуны. А потому с нее можно было очень эффективно расстреливать всех, кто не спрятался за бортами или в трюмах. А таковых было достаточно много. Это и канониры на верхней палубе, и матросы, занимающиеся парусами, и многочисленная, как всегда у пиратов, абордажная команда. Было ощущение, что по палубе махнули гигантской косой, от которой живые люди, словно кегли, падают на доски, заливая их своей кровью. Снова поворот под ветер, распускают прямые паруса, на палубе народ орудует брасами, ловя поток, фрегат разгоняется и быстро приближается к шхуне. Там наконец сообразили повернуться бортом и дают залп с близкого расстояния, но... кнйппелями. Очевидно, команда на перезарядку была отдана раньше. А теперь почти все снаряды прогрохотали по борту, не причинив ему вреда, и только один ворвался в гущу такелажа, оборвав несколько канатов и намотавшись на остальные. Расстояние сокращалось все больше, Саша видел энергично работавших своих канониров на верхней палубе, в дело включились мушкетеры, начавшие обстрел вражеской палубы и выцеливавшие в первую очередь своих коллег. В ответ тоже начали стрелять, но поскольку корабли все же раскачивались, то эффективность этого обстрела была очень низкой. Грохнули носовые пушки, тоже картечью, снова проредив вражескую палубу. И новый разворот правым бортом. Марсовые лихорадочно работают руками, собирая паруса, иногда рядом свистят пули. Фрегат разворачивается бортом, на этот раз одновременно со шхуной, и... Среди мушкетных выстрелов раздается звук трубы. Даже нескольких труб, подающих примитивный прерывистый сигнал на одной ноте. То, что происходило на верхней палубе, Саша видел очень хорошо: канониры отскочили от своих орудий и попадали на доски, вытягиваясь пластом. Вообще все, кто находился на верхней палубе, залегли. Сквозь открытый ближайший люк он также увидел людей на нижнем ярусе, распластавшихся на досках. Только марсовым некуда было деваться. Все это произошло

мгновенно, едва стало ясно, что с вражеского корабля через несколько секунд последует бортовой залп. И он не заставил себя ждать. Все шесть орудий плюнули картечью в упор. Но, как и следовало ожидать, она не причинила никакого вреда, потому что палуба шхуны была ниже, а у орудийных портов фрегата никого не было. Само собой, что и борта картечь не пробивала. А в следующее мгновение народ без всякого сигнала дружно подхватился, канониры поправили орудия, и прозвучал ответ гораздо более губительный. На шхуне повезло только тем, кто спрятался за бортами. Всех остальных, кто по каким-то причинам замешкался, просто изрешетило, за исключением буквально нескольких счастливицков.

Немного повернув курс, но не убирая парусов, а лишь подкорректировав их положение, Кордил повел фрегат на сближение под острым углом. Почти вся абордажная команда, стоя у борта, открыла пальбу по марсовым матросам на шхуне, или перебив их, или быстро согнав с мачт. Затем наступил черед тех, кто еще оставался на палубе. Численное преимущество стрелков на фрегате было подавляющим, к тому же они прятались за более высоким бортом. Вскоре и палубная команда была или перебита, или загнана за борта и в трюм. Лишь небольшая часть укрылась на закрытом квартердеке, вяло отстреливаясь через небольшие амбразуры. Это же касалось и вражеских канониров, потому что у шхуны все пушки стояли на верхней палубе, то есть под открытым небом. Спрятанный на квартердеке рулевой попытался увести шхуну в сторону берега вправо, чтобы разорвать дистанцию, причем без работы парусами, которыми заниматься было уже попросту некому. В результате он их заполоскал, корабль вовсе потерял ход, фрегат тут же поравнялся с ним, и полетели абордажные крючья. Борта стукнулись друг о друга, попытавшихся высунуться пиратов выстрелами снова загнали обратно, а потом на вражескую палубу одновременно ломанулась целая толпа. Жиденькая цепочка уцелевших защитников достойного сопротивления оказать не могла, и оно было быстро сломлено. Некоторое время огрызалась команда на квартердеке под руководством капитана. Этим пришлось перебить, потому что сдаваться они никак не желали. Все, корабль захвачен.

Добыча была богатой. Во-первых, это наиболее ценные товары с недавно захваченного купца и его деньги, которые пираты еще не успели промотать. Во-вторых, если команда деньги или тратила, или где-то хранила на берегу, то капитан был хозяйственным и справедливо полагал, что если придет конец кораблю, то и ему тоже. А потому основные сбережения, и, наверно, не только свои, хранил на корабле. Возможно, у

него и были какие-то заначки на берегу, только эту тайну он унес с собой в могилу. Но даже то, что было взято в капитанской каюте, впечатляло. А в третьих, это сам корабль. Хотя и изрядно поврежденный, тем не менее он подлежал ремонту, а значит, его можно было продать на верфи. Ну, и пушки, боеприпас. Все это стоило денег, а потому могло быть продано или использовано. Например, порох можно просто забрать к себе, так же как и продовольствие, которое посвежее, ну и коньяк с вином, эти не портятся – не успевают... Венчало пирамиду вкусовостей обещанное вознаграждение от губернатора, тоже, кстати, немаленькое. Все это делилось между капитанами, офицерами и командой в соответствии с известными долями.

Обошлась эта победа довольно скромными потерями. На бригантине только два человека были ранены разлетевшимися щепками после удачного попадания, а на фрегате три человека убиты и два серьезно ранены, шестеро отделались незначительными царапинами, которые за раны не считались. Игра однозначно стоила затраченных усилий, а потому команда не испытывала никаких сомнений, идя на этот риск. Корабли, конечно, тоже пострадали. Предстояли работы по ремонту парусов и такелажа. Да и борта надо было подлатать, пробоин-то не было, но многочисленные сколы были вредны для сохранности корпуса.

Первое время корабли так и дрейфовали, сцепившись, разве что паруса убрали. Затем начали наводить порядок, прежде всего на шхуне. Немногих пленных загнали в трюм, для последующей передачи властям, мертвых и тяжелораненых побросали за борт с ядром на ноге. Распутали такелаж, подлатали паруса, и вот на следующий день уже можно было плыть. Корабли расцепились, поставили паруса и пошли в сторону Метона – города, откуда они пустились в погоню.

Получив на берегу призовые деньги, Саша впервые почувствовал себя человеком. Приоделся по местной моде, сходил наконец к парикмахеру, который привел его лохмы в порядок и заплел короткую косичку сзади. Купил себе новую бритву взамен совершенно сточившегося «Джилета». Конечно, это была «опасная» разновидность приспособления для удаления волос с лица, и первое время у него не обходилось без порезов, но надо было привыкать. Сергей звал в бордель, но Саша решил пока воздержаться от этого, справедливо полагая, что хоть здесь и нет известного букета болезней, но подцепить какую-нибудь гадость все же можно. Да и воспоминания о Постумии еще были сильны, и он просто не представлял, как может быть с другой женщиной, да еще и за деньги.

Наспех починившись, фрегат загрузился товарами и отправился дальше на юг, посещая различные города. Здесь Саша впервые увидел

некогда грозных хайдаров – пришельцев из-за океана. Точнее, их потомков, потому что это были в основном метисы, давно перемешавшиеся с белыми аборигенами Восточного континента. Сходили в Империю, посмотрел Саша и там на людей. События завертелись, отдыхали мало. Фрахты, сопровождение, пассажиры и почта – все это закружилось в едином потоке. Каждый день, за очень редким исключением, Эврида гоняла Сашу на баке, тренируя во владении абордажным тесаком и совершенствуя его навыки в обращении со шпагой. А в конце шестого месяца взяли под охрану большой караван и отправились на север, вернувшись в Бригес. И там произошло еще одно событие, очень сильно повлиявшее на многое.

Едва сойдя на берег, их капитан встретил там своего старого приятеля – Витю. Это был слегка располневший мужчина одного с ним возраста, изрядно полысевший и с круглым лицом, нетипичным для местных. Дмитрий попытался было познакомить его с ребятами, но тот сказал, что некогда, и увлек капитана для обсуждения чего-то очень важного. Судя по тому, в каком состоянии капитан появился на корабле под вечер, это действительно было что-то очень важное – на нем лица не было. Он заперся у себя в каюте и до самого утра не выходил оттуда. На следующий день взял небольшое сопровождение и верхом на лошадях отправился в Мелибеа к Леонидычу, а брат с собой ребят наотрез отказался, сказав, что времени очень мало и ему надо как можно быстрее совершить это маленькое путешествие. А поскольку друзья по-прежнему совершенно не умеют держаться в седле, то они будут обузой. Пришлось согласиться. Но, сделав выводы из ситуации, они, как только закончилась суeta с разгрузкой, тут же нашли себе частного учителя, чтобы восполнить этот пробел: деньги у них теперь были. По вечерам ужинали в компании с Колей, который теперь стал настоящим конторским клерком, уже вполне разобравшимся в нюансах местной бухгалтерии и торговли.

Вернулся капитан через шесть дней, сразу развив бурную деятельность по закупке всего необходимого для плавания и торговли. Они снова направлялись в Элою, даже не дожидаясь купцов, загружая трюмы фрегата разнообразным товаром, отдавая предпочтение дорогому и компактному. Затем вышли в море и, не заходя ни на какие острова, направились напрямик в Элою. Там капитан метался как угорелый по разным городам, ведя многочисленные переговоры, но в Метоне (Хакодате), очевидно, что-то пошло не так. После посещения города Дмитрий вернулся на корабль мрачный и снова заперся в каюте. На следующий день снова отправился в город, а вернувшись, вызвал друзей к себе, и состоялся разговор, сильно озадачивший их.

– Парни, в вашей судьбе наступают важные перемены. – Он помолчал некоторое время, стоя у плотно закрытого окна, очевидно, не зная, как им все лучше объяснить. Потом решился и продолжил: – Не спрашивайте меня сейчас о причинах. Поверьте, это касается и вас напрямую. – Снова пауза. Видно было, что слова даются ему тяжело. – Я покупаю еще один небольшой корабль на местной верфи. Это люгер. Быстрое и маневренное судно, способное удрать почти от любого более сильного противника. Любой другой тип корабля с большей скоростью имеет сильные ограничения по автономности. Но он еще не готов. К тому же я сделал некоторые изменения в конструкции, которые должны повысить его мореходные качества. Внесен залог, а оставшуюся сумму надо будет выплатить после завершения постройки. Но никто не знает, что забирать корабль буду не я. Это важно. Пока меня здесь не будет, вы в безопасности. А меня не будет. – Дмитрий улыбнулся. – Чуть позже мы составим доверенность на вас у местного стряпчего, которая позволит забрать корабль. Ситуация складывается достаточно напряженная, и я должен срочно отправляться на север. Оставляю вас здесь, в Метоне, с необходимой суммой денег, которых достаточно, чтобы рассчитаться за корабль и нанять команду для перегона судна в Кинурию. – После небольшой паузы Дмитрий продолжил: – По большому счету, я крупно облажался, спохватившись только сейчас. Судно надо было заказывать раньше, а тебя, Саня, начинать натаскивать в навигации еще по пути из Бригеса. Да и вообще в управлении кораблем. Конечно, это были бы половинчатые меры, и нормального штурмана, а тем более капитана, за этот месяц из тебя бы все равно не вышло, но это бы многое меняло. Но кто же знал, что все так повернется, – сокрушенно покачал головой Дмитрий. – Но это все лирика и неуклюжая попытка оправдать самого себя.

– Кто поведет корабль? – задал вопрос Саша.

– Боишься, что не справишься? – поинтересовался Дмитрий, хитро прищурившись.

– Вообще-то, да, – ничуть не смутившись, ответил Саша. – Я, конечно, наловчился ставить паруса и кое-что помню из принципов навигации, но для столь длинного пути моих умений может не хватить. Обидно будет, если я угроблю корабль по дороге.

– Хорошо, что ты здраво оцениваешь свои возможности. Конечно, я вас одних не оставляю. Еще до моего отплытия вы должны сойти на берег и определиться с гостиницей. Там вас и найдет через несколько дней мой человек, который поможет с приемкой корабля и подбором команды. Формально ты будешь владельцем, а он штурманом. У него будет свой

серьезный интерес в этом деле, поэтому все должно быть нормально.

– Не хочешь нам все же рассказать, в чем дело? – спросил Саша, напряженно глядя на капитана, поведение которого в последнее время было настолько странным, что шепталась даже команда.

– Согласен, это бы сняло многие вопросы и ваше недоумение, но поверьте, здесь тот самый случай, когда чем меньше вы знаете, тем лучше для вас же. При неблагоприятном развитии событий вы будете выглядеть простыми пешками в моей игре, и особых претензий к вам не будет. Хотя на самом деле это не так. Вы не только не пешки, но... – Дмитрий замялся, – мы все в одной лодке, как пришельцы из другого мира. В Бригесе я вам обязательно все расскажу, и вы поймете, почему я не могу этого сделать сейчас.

– Не лучше ли будет оставить здесь кого-то из офицеров или более опытных моряков, которые смогут управляться с судном и новой командой? Того же Архилла или Эвриду? – поинтересовался Саша, которому вся эта история очень не нравилась.

– Конечно, проще. Но они сразу попадут под подозрение, и, скорее всего, кораблю не дадут выйти из гавани. А с вас что взять?

– А этот штурман не вызовет подозрений?

– Вряд ли. Я с ним слишком давно не имел общих дел, но знаю его как очень порядочного человека.

Помолчав, Саша спросил:

– Сколько ждать?

– Дней десять. Денег вам оставлю с запасом. Пятнадцать тысяч на корабль и двадцать пять – на все остальное. Сумма большая, поэтому ведите себя осторожно, дорогих покупок не делайте и вообще не светитесь. Не хватало еще, чтобы вас тут обокрали и вы завалили все дело.

– Может, хоть пару абордажников оставишь на всякий случай? – спросил Сергей, чувствовавший себя неуютно от такой ответственности.

– Нельзя, – отрезал Дмитрий. – Кого попало я оставить не могу, а проверенный человек сразу вызовет подозрения. А вы новички, о вашей истинной сути никто толком не знает. Ну, списались на берег. Кому какое дело? Главное, корабль приведите. А там все станет ясно. – И, помолчав, спохватился: – Так, имена! Ваши настоящие для доверенности не годятся. – И, взяв перо из чернильницы, задумался. – Ты, Саня, будешь Ассар Суг. Имя обычное, а фамилия на местный лад звучит как начало слова «топор». А ты, Серега... Есть созвучное женское имя, но это тебе не подойдет. Ладно, будешь у нас иностранцем, потому что на элоя ты в любом случае не похож... Саддал... Вирид! Что это значит, я понятия не имею, но как-то

слышал похожее сочетание. – И с этими словами он записал новые имена друзей на бумаге. Так они окончательно легализовались в этом мире.

Вскоре друзья уже собирали вещи, прощаясь с командой. Эврида специально зашла в кубрик, чтобы попрощаться с Сашей, сказав ему на прощание, что он стал отличным бойцом, которому не хватает только практического опыта. И подарила ему свою шпагу – великолепный, прекрасно сбалансированный клинок. Архилл лишь хлопнул по плечу, пожелав удачи в новых делах, о которых толком, конечно, никто из команды не знал. Серега вышел от доктора с парой книг, которые тот ему подарил. В каюте капитана их уже ждал стряпчий. Составили доверенность, поставив там все необходимые подписи и печати. После его ухода Дмитрий вручил им деньги, уложенные в кожаные мешочки.

Следует пояснить, что местная монетная система сейчас базировалась на серебряном счетном эквиваленте как равнодоступном почти всем слоям общества. В буквальном переводе монета так и называлась – серебряный. Но деньги получили в золоте. Из-за разницы в весе и размере монет, а также стоимости металлов соотношение составляло один к ста. Золотые монеты были довольно толстые, миллиметра два, диаметром в два сантиметра и весом около двенадцати грамм. Сорок тысяч представляли собой четыреста монет общим весом почти пять килограмм. Если бы им выдали эту сумму серебром, то это весило бы в шестнадцать раз больше и представляло серьезную проблему при переноске. Впрочем, мелкие деньги у них и так были от предыдущего жалованья.

Все это они сложили в специальные ранцы типа солдатских, только большие. Туда же уложили свои личные вещи, в том числе туристические принадлежности, с которыми они не желали расставаться, и Сашино разобранное ружье. В довершение всего Дмитрий выдал им по пистолету с небольшим количеством боезапаса. И друзья сошли на берег, отправившись на поиск гостиницы, о выборе которой капитану должен был сообщить следовавший за ними на расстоянии матрос.

Глава 8

Около порта решили не останавливаться, потому что там и мест было мало, и вообще шумно из-за моряков. Поднялись чуть выше в город и выбрали чистенькое заведение, где за умеренную плату предоставляли не только комнату, но и кормежку. Оставшись в комнате вдвоем, принялись обсуждать сложившуюся ситуацию. Но информации было слишком мало, а не доверять Дмитрию у них не было оснований. Оставалось только ждать. Крупная сумма в ранцах напрягала. Из комнаты выходили только по одному, а второй обязательно закрывался изнутри на засов и открывал только на условный стук, который они каждый раз меняли. Был и специальный сигнал, который означал, что возвращающийся не один и находится под принуждением. Но дни шли, никто ими не интересовался. Их фрегат вышел из порта уже на следующий день. Об этом они узнали, поскольку взяли себе за правило прогуливаться туда по одному.

Еду заказывали в комнату, поэтому контакты с постояльцами гостиницы были минимальными. Люди, которых они видели в общем зале и встречали в коридорах, были в основном мелкими клерками, прибывавшими в Метону по торговым делам, чиновниками, ожидавшими отправки корабля, и частными путешественниками, следующими куда-то по своей надобности. Здесь не было морских волков, пьянствующих матросов и прочей публики. Все было тихо.

Тем неожиданней прозвучала как-то фраза их соседки по коридору, которую Саша уже встречал несколько раз и вежливо здоровался. Как обычно, он подошел к двери после прогулки по городу и постучал по ней условным порядком. В этот момент соседняя дверь открылась, и оттуда вышла их соседка. Стрельнув глазами в его сторону, она саркастически ухмыльнулась и сказала:

– Ваши условные сигналы наводят на мысль, что в комнате спрятаны сундуки с золотом.

В это время дверь открыл Сергей и увидел своего товарища, так и застывшего с поднятой рукой и побелевшим лицом. Сам перепугавшись от такого зрелища, он быстро выглянул в коридор, обнаружив там знакомую соседку, застывшую в недоумении от реакции на свою шутку.

Тут Саша оттаял и, медленно повернувшись, задал глупый вопрос:

– С чего вы взяли?

Соседка, а это была молодая женщина с морской косичкой, что

выделяло ее на общем фоне постояльцев, сама теперь испытывала неловкость за неудачную шутку, которая могла оказаться страшной правдой, ведущей к печальным для нее последствиям. Немного помолчав, она все же ответила:

– Вы каждый раз стучите по-разному. И я просто пошутила. Извините, если чем-то вас обидела.

– Все нормально, – успокоил ее Саша. – Просто... – Хотелось ответить что-то нейтральное, как-то пошутить в ответ, но от волнения по поводу того, что их запросто раскрыли, ничего в голову не лезло. Пауза затягивалась и становилась неловкой. – Просто мне показалось интересным такое предположение, – наконец нашелся он. – Хотите вина? – зачем-то ляпнул он. – Вроде оно неплохое в этой гостинице.

Краем глаза Саша уловил, как Сергей, стоящий в комнате и невидимый для собеседницы, делает страшные глаза и запрещающие знаки.

– Я на мели, – с сожалением ответила женщина.

Следует пояснить, что среди элов женщин, обретя правовой статус собственника и свободу в выборе образа жизни, лишились и некоторых привилегий. В частности, вовсе не было само собой разумеющимся, что мужчина должен за них платить, в частности угощать. Конечно, здесь не было еще заморочек про сексизм и угостить можно было, но точно так же, как и мужчину, обосновав, почему это делается. Или просто так, от широты души. Но все же это выглядело и воспринималось несколько по-другому, а вовсе не как знак интимного интереса. У Саши все это вылетело из головы, и он обычным тоном сказал:

– Я угощаю.

Очевидно, она действительно была на мели, потому что несколько смутилась, но все же приняла предложение:

– Хорошо. Я как раз шла обедать.

– А я вернулся с прогулки. – И заметив, как Сергей трагически закатывает глаза, добавил: – Спускайтесь вниз, а я вас догоню через минуту. Мне надо кое-что сказать своему товарищу. – И шагнул в комнату.

Сергей плотно закрыл за ним дверь и возмущенно зашептал:

– Ты с ума сошел? Вздумал позаигрывать с местными девочками? А что, если она шпионит за нами?

Но Саша уже справился со своим волнением и спокойно ответил ему, впрочем, тоже шепотом, потому что слышимость в здешних номерах была, судя по всему, хорошая:

– Для шпионки она слишком прямолинейна. К тому же раз мы и обратили на себя ее внимание своей конспирацией, то теперь надо развеять

ее предположения и вообще самим следить за ней, чтобы она не начала болтать лишнего где попало.

– А если начнет? Что ты будешь делать?

– Не знаю. Сначала надо поговорить. Возможно, вызвать симпатию, а потом видно будет.

– Ну да. Ты же у нас мастер вызывать симпатию у местных барышень.

– На что ты намекаешь? – напрягся Саша, вспомнив про Постумию.

– Ни на что, – буркнул Сергей, осекшись. – Иди уж, забалтывай девчонку. – И с этими словами прошел к своей кровати и упал на нее.

– Я принесу тебе обед, – пообещал Саша и вышел из комнаты.

Его новая знакомая уже сидела за свободным столом в центре зала, любезно оставив ему место, с которого он мог контролировать вход. Завидев его, улыбнулась и помахала рукой. Еще на подходе Саша внимательно изучил ее. На вид лет двадцать пять, как и все элойские женщины, стройная, с гибкой фигурой. Одета в легкие обтягивающие штаны серого цвета, заканчивающиеся чуть ниже колен и оставляющие голыми сильные загорелые икры. Простые туфли с обычным широким каблуком, которые носили многие независимо от пола. Белая короткая, по южной моде, рубашка, не заправленная в штаны, с расстегнутыми верхними пуговицами, под которой угадывалась небольшая грудь. Лицо обычное для местных – слегка вытянутое, с высоким лбом и большими голубыми глазами. Легкий подбородок и чувственно изогнутые тонкие губы. Она могла бы считаться красивой, если бы не одно «но». Ее откровенно портил выдающийся во всех отношениях большой нос с горбинкой. Тем не менее она производила приятное впечатление благодаря располагающей улыбке и какому-то интересному выражению глаз.

– Еще раз извините меня за дурацкую шутку там наверху, – первой начала она.

– Нормальная шутка, – равнодушно пожал плечами Саша.

– Видели бы вы свое лицо, – улыбнулась девушка. – В первое мгновение мне показалось, что вы контрабандисты и просто разорвете меня на куски.

– Этого же не случилось. Просто мы с товарищем здесь кое-кого ждем и не хотим афишировать свое присутствие. К тому же мой товарищ страдает редкой формой желудочного расстройства, многое из обычной пищи ему противопоказано, но когда он видит, как другие люди едят это, ему тоже хочется, что доставляет большие моральные страдания. Поэтому, чтобы поддержать его, я всегда ем вместе с ним в номере, заказывая то же, что и он. А правильное питание – залог здоровья, – подвел итог той чуши,

что произнес, Саша.

– Надо же, как интересно! – загорелась девушка. – У меня один знакомый, учившийся на медика, тоже высказывал похожие мысли. В частности, уверял, что правильная пища способствует сохранению молодости кожи и вообще долголетию.

– Насколько я знаю, он недалеко от истины, – согласился Саша.

– Вы тоже врач? – удивилась девушка.

– Нет, я моряк. Но тоже знал одного ученого человека, проповедовавшего подобные взгляды.

– Ой, простите, – спохватилась собеседница. – Я Гликеея.

– А я... – Саша запнулся, чуть не ляпнув свое настоящее имя, но вовремя спохватился. – Ассар, – закончил он.

Подошел официант, которому Саша сделал заказ. Гликеея была со всем согласна, очевидно, не избалованная в последнее время разнообразием.

– А вы что здесь делаете? – поинтересовался Саша.

– Ищу работу, – пожала плечами девушка.

– И кем же?

– Я штурман. Вот только в это время года найти место на корабле довольно сложно. Обычно расчет на кораблях проводят в сезон штормов.

– Мне кажется, что для этого вы выбрали не ту гостиницу. Ближе к порту легче встретить заинтересованного человека.

– Верно. Только я действительно на мели. Раньше я жила в гостинице ближе к морю, но работы не нашла и даже задолжала хозяину. Он вышвырнул меня на улицу, отобрав все инструменты, хотя их стоимость и превышала сумму долга во много раз.

– Как же вы живете здесь? – удивился Саша.

– Все очень просто. Хозяин этой гостиницы – старинный приятель моего отца, и он просто пустил меня сюда пожить. Разумеется, теперь он сообщит о моем положении домой, и если я в ближайшее время не найду корабль, чтобы убраться отсюда, то за мной приедет отец или его порученцы.

– Вы что, убежали из дома?

– В некотором роде да. Отец был против того, чтобы я связала свою жизнь с морем. Но когда я поступила в штурманскую школу, то не решился меня оттуда забрать, чтобы избежать скандала. Он довольно влиятельный человек в округе на Сепиасе (Хонсю). После окончания меня взяли на корабль к одному мелкому торговцу, а несколько месяцев назад он попал в переделку с пиратами у берегов Арморики (Приморье) и еле ушел. Налетевший шторм сильно повредил его корабль, и, пока он

ремонтировался, вышли сроки доставки, пришлось платить большую неустойку.

– А что же пираты? – перебил ее Саша, уже догадываясь об ответе.

– О, за ними погнался известный капитан Кордил и захватил их шхуну, убив главаря. Компаньон моего хозяина был отомщен, – поведала Гликее. А Саша воздержался от того, чтобы начать хвалиться своим участием в том деле.

– И вы так долго не можете найти работу? – поинтересовался он.

– Нет. Сначала хозяин пытался выпутаться из сложившейся ситуации. Он взял кредит в местном банке, закупил свободного товара, но удача отвернулась от него. Выгодно сбывать груз не получилось, еле рейс окупил. Попробовал снова пойти в Арморику, там некоторые вещи стоят очень дорого. Мы зашли в небольшой порт, и хозяин начал искать покупателей, но буквально в этот момент пришло известие, что началась война с Глафиаром, флаг которого и был поднят у нас на мачте. Корабль вместе с товаром конфисковали. Мы всей командой долго сидели в тюрьме, потом нас заставили таскать бревна и насыпать землю на строительстве дополнительных береговых укреплений...

Саша смотрел на хрупкую с виду девушку и удивлялся, насколько здесь необычна жизнь и отношение к женщинам. В голове не укладывалось, как она таскала бревна. И говорила она об этом, словно попала под дождь и промокла.

– А потом приплыли глафиарцы, начался обстрел, – продолжала Гликее. – На время боя всех загнали в тюрьму, откуда потом мы и были освобождены высадившимся десантом. Наш корабль не пострадал, его не тронули, потому что на нем не было команды. А когда все выяснилось, то вернули хозяину. Только товаров на нем уже не было, как и многих вещей. Но почему-то остались мои инструменты и набор карт. Очевидно, армориканцы хотели использовать судно в своих целях, поэтому и не все разграбили. Вернувшись в Метону, хозяин продал корабль, но вырученной суммы едва хватило, чтобы погасить кредит в банке и не полностью рассчитаться с командой. Тогда хозяин и подарил мне все штурманские инструменты и карты. Так я и оказалась на берегу, с жалкими грошами в кармане, которые быстро кончились, и вот я здесь, питаюсь от щедрот таинственного незнакомца, – закончила она свой рассказ.

В этот момент принесли еду, и она с жадностью набросилась на нее. Очевидно, что щедрость приятеля ее отца не распространялась на обильный стол. Вино она смаковала, как нечто давно невиданное.

– Может, вам лучше действительно отправиться домой, раз так не

повезло с морской карьерой? – спросил Саша, когда девушка насытилась.

– Если не будет другого выхода, то придется, – грустно ответила она. – Но мне страшно подумать, что всю оставшуюся жизнь я проведу, считая мешки с рисом и следя за сырной закваской. Выйду замуж за какого-нибудь соседского богатея, нарожаю детишек и буду вытирать им сопли, пока не превращусь в старуху... Спившуюся старуху, – добавила она, опрокидывая в себя залпом полбокала. – Потому что иначе я сойду там с ума от тоски.

– А вы не можете отказаться возвращаться домой? Может, объяснить отцу, что надо подождать до зимы.

– Он и слушать не станет. Но даже если я наотрез откажусь, что я буду здесь делать? Из гостиницы меня точно выгонят в этом случае. Доброта хозяина не беспредельна. А наняться на временную работу тоже не так просто. Это Элоя! Здесь перенаселение. Никто не возьмет работницу, которая ничего не умеет, даже за еду. Боюсь, что ситуация безвыходная, – мрачно закончила девушка.

Саша слушал ее и размышлял. То, что она говорит правду или почти всю правду, не вызывало никаких сомнений. Слишком много частных деталей и эмоций. Это невозможно придумать. Все дело было в том, что они с Сергеем куковали в этой гостинице уже восьмой день, а человек от Кордила, который и должен был организовать покупку судна и стать штурманом, так и не появлялся. Время еще, конечно, было, но ситуация начинала напрягать. А тут дипломированный специалист, с практическим опытом. А если подумать, то где-то по кабакам обретаются еще и слаженная команда, ожидающая своего нанимателя. В любом случае терять девушку из виду не стоило, поэтому он как можно проникновеннее сказал:

– Гликеея, вы мне поведали удивительную историю, в которой меня восхищает ваша твердость духа и желание вести самостоятельную жизнь. Я считаю, что такие мотивы должны быть востребованы. А поэтому попробую вам помочь найти работу. У меня есть некоторые мысли на этот счет. Но это будет не сегодня, – поспешил добавить он, заметив, как девушка вскинулась. – И даже не завтра, – добавил он. – Сколько у вас еще времени до появления любящего родителя?

Девушка печально улыбнулась и ответила:

– Смотря как к нему отправили письмо и как он сам сюда будет добираться. Через пролив в любом случае переправляться, а дальше по суше надежнее, но дольше. А морем – все зависит от погоды. Но в любом случае дней пять у меня еще есть. Может, больше.

– Должно хватить, – ободрил ее Саша. – Поэтому не исчезайте из гостиницы. А если уж совсем припрет, сразу обращайтесь ко мне, дам вам

немного денег. Потом отработаете.

– Вы правда поможете? – удивилась девушка.

– Я постараюсь. В любом случае это ведь лучше, чем ничего.

– Да, конечно. – И девушка вскочила из-за стола, присев в церемониальном поклоне типа книксена.

Потом Саша взял еду для Сергея. Причем пришлось для поддержания легенды о его хворях брать что-то диетическое и безвкусное. Но бутылку вина все же прихватил, сказав, что для себя.

Следующий день прошел также без изменений. Никто так и не появился, друзья продолжали вести тихий образ жизни, Саша обедал и ужинал вместе с Гликеей, подкармливая ее отощавший организм и ведя разнообразные беседы, во время которых узнал много нового о нюансах местной жизни. Сергей во время прогулки побывал около верфи, но поскольку территория была охраняемая, то рассмотреть, готов ли их корабль, не смог. Когда же и на следующий день никто не появился, друзья после обеда начали всерьез обсуждать, что им делать дальше. Решили для начала сходить на верфь, взяв с собой и деньги. Для этого они приспособили небольшую сумку, купленную недавно на местном рынке, которую можно было повесить через плечо.

Хозяин верфи встретил их любезно и, изучив доверенность, подтвердил, что корабль готов еще вчера, а потом принялся его нахваливать. Но, заметив нерешительность покупателей, спросил:

– Так будете брать?

Друзья пребывали в растерянности. Корабль – это не вещь, которую можно унести с собой. Что с ним делать, они не знали.

– Вообще-то, на него уже есть другой покупатель. И если вы в течение пяти дней не выплатите всю сумму, то я его продам, – как бы невзначай добавил корабел.

– А можно посмотреть? – поинтересовался Саша.

– Конечно! – обрадовался хозяин. – Мой помощник проводит вас.

Пройдя вдоль нескольких остовов строящихся кораблей, они оказались перед своим предполагаемым судном, причаленным двумя канатами к близкому берегу, с которого были перекинuty узкие сходни. Оно было небольшим, но все же это был корабль, чуть больше двадцати метров в длину, с тремя невысокими, в сравнении с фрегатом, мачтами. Причем и фок (первая), и бизань (третья) мачты находились очень близко к краям, и это казалось необычным. Поднявшись на борт, друзья осмотрелись. Палуба имела ширину порядка четырех с половиной метров, в бортах было устроено по четыре порта для пушек, а вся поверхность была совершенно

ровной, без единой надстройки. На корме и ближе к носу в трюм вели люки с крутыми лестницами. Но что больше всего поразило Сашу, так это то, что здесь не было штурвала! Руль представлял собой съемное бревно, вставлявшееся в специальное крепление на корме и, очевидно, ворочался руками. Рядом находился нактоуз – шкафчик, или подставка, для судового компаса.

Вниз спустились через кормовой люк и оказались в неожиданно просторном трюме. Здесь мог стоять в полный рост даже очень высокий человек. Вдоль бортов стояли в два яруса деревянные койки, повернутые наискосок и оставлявшие лишь узкие проходы посередине. Между ними вообще не было зазора, койки лепились вплотную друг к другу, но из-за разворота перекрывавшиеся лишь наполовину своей длины. Эта зона перекрытия была заделана досками, а через открытую часть можно было залезть на нее. Остальное место было свободно, но настил там был не полный, а только по центру, а внизу зиял балластный отсек. Пустой.

– Сколько здесь мест? – спросил Саша сопровождающего.

– Сорок коек, – ответил тот. – В корме каюта капитана и каюта штурмана. В носовой части слева арсенал и крьюйт-камера, сбоку проход к гальюну.

Здесь же, справа от лестницы, была сооружена печь для готовки еды, углубленная в балластный отсек. Напротив нее полки для провизии. Все это примыкало вплотную к стенкам кормовых помещений. Зашли в капитанскую каюту. Небольшая каморка в два метра ширины и четыре длины. У наружной стенки, рядом с дверью, узкая койка, напротив шкаф, разделенный на несколько отсеков, где можно было повесить одежду и сложить какие-нибудь бумаги на полках. Окна не было. Вместо него в корме находился оружейный порт, сейчас наглухо закрытый.

– Здесь будет пушка? – удивился Саша.

– Да, пожелание господина Кордила, – ответил сопровождающий. – На некоторых малых кораблях так иногда делают. В штурманской каюте то же самое.

Сходили на нос, Саша заглянул в балластный отсек и удивился, что там было абсолютно чисто и сухо, хотя он и слышал, что вода в деревянные корабли понемногу поступала. Очевидно, новых, хорошо сделанных кораблей, еще не испытывавших на себе морскую качку, это не касалось. Что еще надо посмотреть, Саша придумать не мог, все же практического опыта в таких делах у него было мало. Отправились обратно к хозяину верфи.

– Как корабль? – спросил он.

– Хороший, – ответил Саша. – Почему он без балласта?

– Чтобы вы или другой покупатель, могли осмотреть корпус и убедиться в его надежности.

– И когда вы его загрузите?

– Когда оплатите оставшуюся сумму. Пятнадцать тысяч.

Друзья переглянулись. Надо было что-то решать.

– А можно доставить корабль в гавань?

Хозяин удивленно посмотрел на покупателей, но ответил:

– У меня нет моряков. А рабочие заняты другими делами. Обычно покупатели сами приводят необходимую команду и выводят корабль из верфи после загрузки балласта.

– А пушки? – спросил Саша.

Теперь хозяин смотрел на них явно подозрительно.

– Покупаете отдельно в арсенале. На верфи их нет.

– Ясно, – буркнул Саша, понимая, что еще немного, и наломает дров. – Сколько корабль еще может простоять у вас после оплаты?

– Пять дней, а потом за отдельную плату. Но не больше месяца.

– Тогда мы берем его и займемся подбором команды.

Когда отсчитали деньги, хозяин снова поинтересовался:

– Весла брать будете?

Саша удивился вопросу, но быстро вспомнил, каких трудов иногда стоило выйти из гавани, ведя корабль шлюпками на буксире. И сообразил, что небольшой люгер действительно будет удобно выводить веслами, а потому согласился взять.

– Шлюпку? – предложил следующий пункт хозяин.

Шлюпка была нужна. Не на всякий берег можно сойти с корабля. Вот только какую? Об этом он и спросил.

– Для вашего люгера нужна небольшая модель, – ответил корабельщик, уже не удивляясь неосведомленности покупателей, и назвал ориентировочную длину и ширину. Произведя несложный расчет, Саша понял, что плавсредство будет длиной метра в четыре, и тоже согласился.

– Запасные материалы? Доски, парусина, гвозди.

– Давайте.

– Какое название дадите? – продолжал интересоваться хозяин. И, заметив растерянное выражение на лицах покупателей, пояснил: – Его нужно будет вписать в купчую и нанести на борт.

Друзья тяжело задумались. Первым нашелся Саша, вспомнив капитана Блада, хотя идея была и не самая лучшая:

– Арабелла.

– Как? – удивился хозяин. – Напишите на бумаге.

Саша аккуратно вывел пером название местными буквами.

– Тогда с вас еще восемьсот пятьдесят серебряных, – подвел итог хозяин.

* * *

– Что делать будем? – задал ожидаемый вопрос Сергей, когда они вышли с верфи.

– Если сегодня никто не появится, то завтра с утра поговорю с Гликеей, – ответил Саша, пребывая в мрачной задумчивости.

– Ты ей доверяешь?

– Почти. Она все равно нужна, потому что даже если ее старая команда уже расплзлась по другим кораблям, то она хотя бы знает все выходы в порту на нужных людей. А это лучше, чем набирать на борт неизвестно кого. Сорок человек! Кто с ними управляться будет?

– Она, что ли?

– Не знаю. Но она хотя бы сможет посоветовать, кого брать, а кого нет. А может, и найдет хорошего боцмана. Да, и вообще, мне кажется, что там еще столько всего надо закупить, что мы точно накосячим. Ты же видел – на корабле только голые стены. Матрасов на койках даже нет.

За ужином он был мрачнее тучи, одолеваемый тяжкими раздумьями. Гликеея заинтересовалась о причине, на что Саша ответил, что все расскажет завтра, и попросил ее с утра никуда не уходить.

Как и следовало ожидать, наутро никто не появился. А потому, приведя себя в порядок, Саша вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Ему открыла одетая и явно ожидавшая его Гликеея. Он пригласил ее в свою комнату, где и начался важный для всех разговор.

– Мы тут корабль прикупили, – объявил Саша. – Но есть проблема. Я неплохо разбираюсь в парусах, но не представляю себе, как управляться с кораблем в целом. К тому же нет команды, а нанимать кого попало не хочется. Да и корабль только со стапеля. Там ничего нет, и пушек в том числе. А нам надо поскорее выйти в море, и желательно не привлекая к себе лишнего внимания во время подготовки к этому. Поэтому у меня к вам деловое предложение. Я как официальный владелец корабля нанимаю вас, Гликеея, на должность штурмана, а вы помогаете мне собрать необходимую команду и подготовить корабль.

Девушка задумалась, потому что ее смущала таинственность вокруг предполагаемого нанимателя.

– Чем планируете заняться, капитан? – спросила она.

– Ничем, – последовал ответ. – Я сам посредник в некотором роде. Мне было поручено выкупить корабль, когда он будет готов, и доставить его в Бригес на Кинурии. По бумагам я хозяин, но фактический владелец судна будет ждать меня там и даст новые распоряжения.

– И кто же фактический владелец?

Саша уже хотел назвать имя Кордила, но, вспомнив секретность, с которой их готовили к этой миссии, ответил уклончиво:

– Я не могу сейчас назвать его имя, – и, заметив все возрастающее недоверие на лице девушки, поспешил добавить: – Но уверяю вас, он не пират и не контрабандист. Просто у него начались какие-то сложные игры, в которые меня не посвятили. – А помолчав, счел нужным добавить: – И да, Гликее, поскольку мне неизвестны дальнейшие планы, то вполне может статься, что это одиночный рейс, после которого все получают расчет. Поэтому я готов рассмотреть возможность повышенного жалования для вас и команды. В пределах разумного, конечно.

– Двойное, – с нажимом произнесла девушка.

– Согласен. Но только на этот рейс. Если кого-то потом оставят в команде, то условия будут пересмотрены на общих основаниях.

– Тогда отправляемся в порт. Старая команда, насколько я знаю, еще не успела разойтись по другим кораблям, – подвела итог переговорам девушка.

В порту они быстро нашли нужных людей. У дверей дешевого кабака сидели несколько моряков, глянув на которых сразу можно было сказать, что дела у них плохи. Гликее сразу направилась к ним и спросила какого-то Коиса. Матросы кивнули на двери заведения. Внутри в ноздри сразу ударил тяжелый запах перегара. Некоторые здесь гуляли еще с вечера. Быстро осмотревшись, девушка направилась к стене, где за практически пустым столом сидели четверо явно трезвых моряков и грустно смотрели в пустые деревянные кружки.

– Коис, – с ходу начала девушка, – я, кажется, кое-что нашла, и не только для себя. Вот этому человеку нужна команда. – И она указала на Сашу.

Пожилой матрос окинул его оценивающим взглядом, но никаких вульгарных жестов себе не позволил. И, продолжая сидеть, спросил:

– Что за корабль, капитан?

– Люгер. Только что выкуплен с верфи. Надо еще готовить к плаванию. Одному мне это будет тяжело.

– Понятное дело, – согласился матрос. – Сколько человек собираетесь

нанять?

– В трюме сорок коек. Хотелось бы иметь комплект.

– Ясно. Чем планируете заняться?

– Ничем, – ответил Саша и в двух словах описал морякам ситуацию, не вдаваясь в подробности и упомянув про двойное жалование за рейс. После этих слов все присутствующие оживились. – Сколько человек вы можете собрать? – поинтересовался Саша.

– Прямо сейчас восемнадцать, – сразу ответил Коис. – Остальные с нашей лоханки разбрелись по другим кабакам, и я не знаю, смогли ли они наняться. Но поискать их дело недолгое, думаю, без труда наберем комплект.

– Среди тех, кто здесь, есть опытные канониры?

– Да, двое довольно хороши.

– Тогда собери сначала тех, кто рядом, перед таверной. Хочу посмотреть на них.

Через пять минут на пяточке сбоку от заведения собрались все обещанные восемнадцать человек. Саша окинул их взглядом. Лица обычные, к таким он уже привык на фрегате, совсем уж бандитских рож не видать. Машинально отметил, что среди них пять женщин разного возраста. Но у всех без исключения в глазах тоска и надежда. Он вкратце еще раз описал им условия найма, трое сразу отказались, решив подождать более удачного случая. Определившись с составом, Саша взял с собой Коиса, двух канониров и еще десять человек, а остальных двоих отправил искать других членов бывшей команды. А потом всей толпой отправились на верфь за кораблем.

Хозяин несколько удивился, как быстро явно неопытные покупатели смогли нанять слаженную команду, но был само радушие и отправил их в сопровождении помощника к стоянке. Корабль находился на том же месте, балласт уже был загружен. Матросы с деловым видом полезли на мачты осматривать паруса, признав их хорошими. Коис буквально обнюхал каждый канат внизу, так же одобрительно крикнув. Два рабочих на берегу отвязали канаты от кнехтов, а матросы, особо не мудря, взялись за весла и, вставив их в специальные углубления на бортах между орудийными портами, осторожно начали разворачивать судно для выхода на чистую воду. Коис стоял у руля. Вскоре поставили паруса, легкий ветер надул их, и корабль не спеша двинулся к арсеналу, куда должны были подойти и остальные члены команды.

Обещанных сорок человек так и не набралось. Кто-то все же нашел себе корабль или работу, кто-то не захотел наниматься на один рейс. Всего

получалось тридцать два матроса. Каждый на все руки мастер, но была и специализация, которую прекрасно знал Коис, а был он в команде за старшего и являлся раньше доверенным человеком хозяина. Он же и предложил поискать еще людей, но Саша решил не тратить на это время и не создавать слишком много шума из своих сборов в дорогу.

Предъявив директору арсенала документы на корабль, приступили к покупке орудий и боеприпасов. Канониры посоветовали брать шестифунтовые пушки. Да, здесь тоже отметился легендарный реформатор Патрок, и калибр орудий измерялся в русских фунтах. Другое дело, что Саша, как человек из XXI века, напрочь не помнил, сколько это будет в миллиметрах, но представление имел, что это вес ядра, а не собственно диаметр. Позже он специально померил свои пушки линейкой от компаса, и установил, что их внутреннее сечение составляет около девяноста шести миллиметров. Взяли по четыре орудия на борт, и два на корму, в каюты. А на нос установили две легкие трехфунтовки диаметром в семьдесят шесть миллиметров. Там борта были специально усилены предусмотрительным Кордилом. Цены кусались. Одна шестифунтовка стоила 823 серебряных, а за десять приходилось платить соответственно 8230. Плюс за две трехфунтовки 782. Одна мера пороха, рассчитывавшаяся от среднего заряда трехфунтовки, то есть на выстрел, стоила одиннадцать серебряных, а на более крупные орудия пороха надо было больше. Взял двести мер. Плюс ядра, кнippели, картечь. С дорогими бомбами хотел не связываться, потому что они в большинстве своем все равно отскакивают от бортов и падают в воду, как он уже знал. Но, подумав, все же прикупил пять штук, на всякий случай. Здесь же взял пять ружей по двести монет и тридцать пять пистолетов по полтиннику. В такую же цену встали и абордажные тесаки. В общем, после посещения арсенала шестнадцать тысяч как корова языком слизнула. А еще надо было столько всего закупить.

Посоветовавшись с Коисом, оставили на корабле большую часть команды под присмотром Сергея, а остальные отправились по магазинам. Вернулись только к вечеру с арендованными повозками, нагруженными бог весть чем: матрасами и одеялами, куртками, продуктами, котелками и мисками для пищи, бочками для воды, дешевым коньяком и вином, свечами, плотницкими инструментами и всякой необходимой в плавании мелочью. Даже Коис не был уверен, что ничего не забыли, но обещал с утра осмотреться на месте и выдать уточнения. Деньги, поначалу казавшиеся такими огромными, неумолимо таяли.

К этому моменту установку пушек уже закончили, благо что такой процесс на верхней палубе осуществляется намного проще, чем под

перекрытием. Все привезенное закончили грузить на корабль только затемно, но люди были хоть и уставшие, но довольные, потому что с появлением этих вещей корабль обретал черты дома для них. Чуть позже Саша узнал, что не все моряки были бродягами. Были и семейные, и те, кто еще по каким-то причинам был привязан к одному городу. А потому такие люди старались наниматься к владельцам, которые имели базовые склады здесь же. Именно поэтому Коис не смог собрать всю старую команду. А на этот рейс нанялись лишь те, кого здесь или ничего особенного не держало, или совсем отчаявшиеся. И следует заметить, что тут немалую роль играло присутствие женщин на корабле. Одним фактом своего существования они давали надежду многим морякам, что их домом в буквальном смысле станет корабль, на котором они будут ходить вместе. Разумеется, в человеческих отношениях всегда были сложности, а потому вовсе не обязательно, что у каждой женщины в данный момент был партнер. К тому же теснота матросского кубрика всегда накладывала серьезные ограничения на интимные связи, а менталитет эллов не позволял опускаться до животного состояния и презрения некоторых приличий.

К счастью, среди нанявшихся оказался и корабельный кок, хотя почти все моряки умели готовить простую еду. В темноте, при свечах, развели огонь в печи, сварили густой суп. Многие только сейчас смогли наесться до отвала за многие дни. А расчувствовавшийся Саша на правах капитана распорядился выдать команде по кружке вина. Люди ели на своих койках, потому что трюм, поначалу показавшийся таким просторным, был ужасно мал. Здесь не было места для обеденных столов.

Саша сидел на ступеньках лестницы, рядом, на пустых бочках, – Сергей и Гликья.

– Гликья, – спросил он, – а сколько стоят штурманские инструменты?

– Смотря какие, – ответила девушка, опуская миску. – Цены очень сильно колеблются.

– И все же?

– Можно попробовать выкупить мои инструменты у хозяина припортовой гостиницы, вернув ему долг. В счет моего жалованья, разумеется. Они довольно хорошие, и там большая подборка разных карт. Жалко бросать.

– Это мысль. Ладно, завтра попробуем. Ну, а ты, Серега, опять за старшего остаешься.

– А вещи в гостинице? – напомнил товарищ.

– Заберу завтра.

Спать улеглись в своих каютах. Сергей на матрасе рядом с пушкой,

которая занимала почти половину помещения. Утром позавтракали кашей с солониной и запили водой. Коис озвучил перечень всякой мелочовки, которую забыли купить, и, получив деньги, отправился с несколькими матросами по магазинам. Ему очень польстило доверие капитана. Остальные принялись наводить порядок на судне, раскладывая сваленные вчера в беспорядке вещи. А Саша с Гликеей отправились добывать штурманские инструменты.

Припортовая гостиница была дешевой и чистотой не отличалась. Хозяина видно не было, спросили у слуги внизу, который сказал, что тот у себя наверху.

– Я могу сама сходить и поговорить с ним, – предложила Гликее. – Только денег дайте.

– За сколько вы ему задолжали? – спросил Саша.

– За десять дней. Это тридцать серебряных.

– Пф... – фыркнул Саша.

– Но он может потребовать проценты.

– Возьмите шестьдесят. А я здесь подожду.

Но спустя небольшое время Гликее вернулась ни с чем в расстроенных чувствах.

– Этот гад отказывается возвращать мои вещи, говорит, что теперь он их только продаст.

– И сколько же он просит?

– Пять тысяч. Это раза в два больше.

– Ну-ка, пойдем. – И с этими словами Саша направился к лестнице.

Хозяин гостиницы с первого взгляда не понравился ему – типичный хамоватый боров, заплывающий жирком.

– Здравствуйте. Мне нужны штурманские инструменты, принадлежащие этой девушке, – сразу взял быка за рога Саша.

– Это не ее инструменты, – отрезал хозяин. – Я их конфисковал в счет неуплаты долга.

– И во сколько же вы оцениваете этот долг?

– В пять тысяч.

– Вы с ума сошли? Как могут тридцать серебряных превратиться в пять тысяч?

– Выбирай выражения, сопляк, – последовал резкий ответ. – А то я прикажу спустить тебя с лестницы.

Сашу начинала бесить такая наглость. Вообще-то он был при оружии и уверен, что спустить его с лестницы местным вышибалам не удастся, а жирный боров – вот он, достаточно выхватить шпагу и приставить ее к

горлу хапуги, и потом послушать, как он запоеет. Но жизненный опыт и далекие приключения в мореходке научили его осторожности, а потому он справился с собой и заговорил абсолютно спокойным тоном:

– Понимаете ли, в чем дело. В сложившейся ситуации для меня действительно было бы проще покинуть ваше заведение и отправиться за всем необходимым в магазин. Но ваше поведение наводит меня на мысль о вопиющей несправедливости, творящейся под этой крышей, что прямо противоречит заветам Ипни (верховное божество эллов, бог солнца). И мне кажется, что это не единственный случай, который был допущен. А поэтому я склоняюсь к мысли, что мне следует задержаться в этих краях и простимулировать местных налоговых чиновников некой суммой во имя победы добра. – И после небольшой паузы, во время которой глаза толстяка начали вылезать из орбит от удивления, Саша продолжил: – Вам в самое ближайшее время придется представить убедительные доказательства в письменной форме, из которых бы следовало, что тридцать серебряных превратились в пять тысяч. В противном случае вам придется держать ответ в суде, на который я лично не пожалею денег. А если вдобавок ко всему будут найдены и другие нарушения закона или неточности в ваших документах, то, боюсь, вы не отделаетесь обычными штрафами. И я за этим прослежу, во имя Ипни.

На хозяина было жалко смотреть. Он побледнел и покрылся потом, волосатые пальцы мелко тряслись на зеленой скатерти стола, он весь как-то сжался и смотрел на Сашу затравленным взглядом.

– Ну зачем же так, – выдавил он из себя. – Я могу и пойти навстречу... во имя Ипни.

– Ваше счастье, – назидательным тоном сказал Саша, – что у меня действительно мало времени, а потому я готов закрыть глаза в этот раз на вопиющую несправедливость. Но с условием, что вы пообещаете навести порядок в своих отчетных документах, чтоб хотя бы формально быть чистым перед всевидящим богом.

– Разумеется, – проблеял толстяк. – Прямо сейчас и начну.

– Но сначала верните вещи этой несчастной девушке.

– Но тридцать серебряных... – простонал хозяин, не в силах совладать со своими порочными инстинктами.

– Разумеется, – величественно ответил Саша, доставая небольшой кошелек со своими личными деньгами и отсчитывая тридцать монет, весивших меньше двух грамм каждая. – Долги надо платить. – И пододвинул по столу монеты к начавшему приходить в себя хозяину.

– А упущенная выгода? – начал смелеть тот.

– А справедливость? – вопросом ответил Саша.

Толстяк дернулся как от удара и вскочил.

– Да, конечно. Извините, – забормотал он и бросился в каморку, отгороженную от комнаты толстой занавеской.

Саша посмотрел на Гликее. Сказать, что она была удивлена, значит, ничего не сказать. Глаза были как блюдца. Снова переведя взгляд на занавеску, за которой слышалась возня, Саша достал из-за пояса пистолет, с которым он и раньше умел обращаться у реконструкторов, и взвел курок, держа оружие под столом. Мало ли что взбредет в голову этому жмоту? Вдруг выскочит сейчас оттуда с оружием? Но хозяин повел себя благоразумно и вышел из каморки с мешком и тубусом, в котором должны быть карты.

– Вот, возьмите. И не держите зла на бедного человека, – заискивающе проворковал толстяк.

– Проверь, – бросил Саша Гликее и демонстративно спокойно убрал пистолет за пояс. Хозяин нервно сглотнул, не сводя глаз с оружия.

Девушка развязала мешок, осмотрела содержимое. Потом проверила тубус и тихо сказала:

– Все на месте.

– Тогда всего доброго, уважаемый, – важно сказал Саша, вставая. – Надеюсь, больше не увидимся.

– Я тоже, – пискнул хозяин. Но тут же осекся под строгим взглядом непонятого гостя, говорившего умные речи. – Простите, святой отец.

– Я не святой отец, – поправил его Саша. – Я лишь слуга Ипни. – И с этими словами направился к двери. Гликее просеменила за ним.

* * *

По дороге к своей гостинице Гликее хранила молчание, и Саша понял, что его спектакль она приняла за чистую монету. Что, в принципе, радовало, потому что иначе толстяк, скорее всего, не поверил бы ему. Но как начать объяснять ей, что все это розыгрыш, он пока не придумал. Впрочем, она первой не вытерпела.

– Вы правда слуга Ипни? – задала она волнующий вопрос.

– Нет, – ответил Саша. И поскольку девушка остановилась, то обернулся и улыбнулся. – Я даже не знаю, что это такое.

Глаза девушки снова стали огромными, и она растерянно проговорила:

– Но как же тогда...

– Я его обманул, – просто сказал Саша. – Денег у меня не так уж и много осталось, поэтому я решил сэкономить. Пойдемте, нам еще надо собрать вещи.

Некоторое время шли молча, но потом Гликее снова не вытерпела:

– А откуда вы узнали, что у него отчетность не в порядке?

– Тут ничего удивительного. Абсолютно все люди, которым по роду их деятельности приходится отчитываться перед налоговыми чиновниками при помощи бумажных документов, всегда сознательно или нечаянно допускают в них некоторые неточности. И, как правило, делают этим чиновникам небольшие подарки от чистого сердца, чтобы те не слишком усердствовали в поиске недочетов. В результате все довольны. Но если сделать чиновникам более щедрое подношение, да еще и во имя Справедливости, это, несомненно, откроет им глаза. И судя по тому, как перепугался этот старьевщик, там было на что посмотреть. Барахло из каморки он мог еще успеть перепрятать, но исправить отчетность точно не смог бы. В результате он потерял бы намного больше, чем мог надеяться приобрести. Все остальное оказалось лишь удачной импровизацией. Про Ипни я вообще пошутил.

– Слуги храма не любят шутить, – осторожно заметила девушка.

– Жрецы, что ли?

– Нет. Слуги храма.

– Не понял. А это кто такие?

– Вы не знаете? – удивилась Гликее. – Ах да. Вы же не элой. Это отдельный орден. Раньше, в эпоху Единства, они были очень могущественны, и считается, что бескорыстно боролись с несправедливостью во всех провинциях. Но потом у них появились другие интересы, они начали злоупотреблять своей властью, страдали невинные люди, и их полномочия сильно урезали. А когда Единства не стало, то орден утратил свое значение. Но ходят слухи, что они возрождаются и иногда карают погрязших в несправедливых поступках людей.

– Ну что же, выходит, я лишь восстановил Справедливость и истинные слуги храма должны быть мне благодарны.

– Наверно, – согласилась Гликее. – Стойте, – вдруг сказала она испуганно. – Я знаю этого человека.

– Какого? – спросил Саша, напрягшись.

– Вон того, что вышел из переулочка и сейчас идет мимо лотка со шляпами.

Саша посмотрел в указанном направлении, и увидел со спины широкоплечего мужчину, вразвалку идущего вверх по улице.

– Это порученец моего отца. Наверняка прибыл за мной. И, возможно, не один. Быстро они!

То, что их не заметили, объяснялось большим количеством народа на улице и тем, что Гликее, очевидно, сильно изменилась с тех пор, как ее видели в последний раз. Да и направился мужчина сразу в другую сторону, а не навстречу им. Но шел, скорее всего, к их обители.

– Значит, в гостиницу вам нельзя, – сделал вывод Саша. – Тогда давайте ключ, и я соберу ваши вещи. А вы подождете меня здесь.

– А если они уже там или вообще ждут в моей комнате? Как вы объясните там свое появление?

– Много у вас там вещей?

– Вообще-то мало. Да, собственно, их нет почти. Все вещи пропали еще в Арморике (Приморье), когда наш корабль конфисковали. Да, я покупала здесь уже какую-то бытовую мелочовку, куртка там хорошая... Но самое ценное у меня с собой. Поэтому не стоит рисковать. Я просто подожду вас здесь. В этой таверне, – уточнила Гликее, указав на маленькую забегаловку позади.

На том и расстались. В гостинице Саша сразу обратил внимание на следившего за входом человека. Хозяину сказал, что он покидает его, а деньги, уплаченные за два дня вперед, оставляет в фонд развития заведения.

– Пойдите, – неожиданно произнес владелец гостиницы. – Тут вами интересовался один человек. Это отец Гликее, с которой вы ушли вчера утром. Вон он, за столиком. – И с этими словами он указал на человека, следившего за входом.

Саша нехотя направился к нему.

– Чем могу быть полезен? – спросил он.

– Я отец Гликее, – представился мужчина, – и прибыл сюда, чтобы забрать ее домой, поскольку она находится в бедственном положении.

– Да, она мне рассказала свою историю. Но, насколько я знаю, она активно ищет работу.

– И уже долго не может ее найти. Ее здесь нет уже второй день, а хозяин гостиницы сказал, что вчера она ушла вместе с вами. Куда вы ходили?

– Она помогла мне найти людей в команду, за что я ей заплатил, кстати. Поэтому сейчас ее положение не столь бедственное, – без запинки ответил Саша. – А сама осталась в порту, искать себе нанимателя.

– А почему вы не взяли ее к себе? Насколько я знаю, она неплохой штурман.

– У меня маленький корабль, и я не собираюсь пересекать океан. А для плавания в здешних водах достаточно и моих знаний. Мне не нужен штурман, его услуги слишком дороги для меня.

– Ясно, – грустно согласился мужчина. – Вы не знаете, где ее можно найти?

– Понятия не имею. За прошедшее время у меня было столько дел, что я даже ночевать в гостиницу не приходил и теперь забираю вещи.

– Что ж, спасибо, что ответили мне. Если все же встретите ее где-то до своего отплытия, то сообщите мне, пожалуйста. Я буду ждать ее в этой гостинице. Возьмите эти деньги за возможное беспокойство. – И с этими словами он протянул ему маленький кошелек.

Первым желанием было, конечно, взять деньги. Но потом Саша подумал, что, по сути, обманывает человека, делая его несчастным. А брать еще и деньги при этом было бы уже чересчур. Поэтому после секундного колебания отказался:

– Не стоит. Гликее – хороший человек, и если я ее встречу, то обязательно передам, что вы ее здесь ждете.

Мужчина хотел что-то возразить, возможно, даже сказать, что вот об этом-то как раз и не стоит говорить его дочери, но сдержался.

– Я спешу, мне надо идти, – закончил разговор Саша и направился к лестнице. По пути ему попался примелькавшийся за предыдущие дни слуга, и он предложил ему немного заработать и помочь донести вещи до порта.

Вскоре он вышел из гостиницы, а рядом слуга катил перед собой небольшую тачку, на которой лежали ранцы с их барахлом. Сашей сразу овладело беспокойство. Сначала он думал, что это угрызения совести по поводу обманутого родителя. Но потом понял, что за ними могут следить. Вспоминая фильмы и книги детективного содержания, он пытался выбрать способ, как обнаружить возможный хвост. Стеклянных витрин и зеркал здесь на улице не было – эпоха не та. Оставались более простые и незатейливые способы. Он остановился около торгового лотка со всякой мелочью, типа расчесок, пуговиц и шнурков. И, скосив глаза в сторону, быстро обнаружил того самого мужика, на которого ему указала раньше Гликее. Тот делал вид, что рассматривает пучки с зеленью неподалеку. Поразмыслив, Саша купил красивую расческу, палочку для чистки зубов и порошок к ней, сложил это все в ранец на тачке и спросил у слуги, где здесь поблизости можно купить письменные принадлежности. Тот объяснил, и пришлось сворачивать в переулок. Небольшая лавка со всем необходимым имела открытую витрину на улице, Саша купил там пачку

бумаги, перьев, закрывающуюся чернильницу и пузырек с запасом. Тут же начеркал записку Гликее, где обрисовал ей ситуацию со слежкой и настоятельно просил найти другой выход из таверны, мчаться как можно быстрее на корабль и ни в коем случае не показываться на верхней палубе. А также рассказать обо всем Сергею, чтобы он в случае появления непрошенных гостей не пускал никого постороннего на борт, а всем отвечал, что штурмана у них на корабле нет. Затем, дойдя почти до таверны, остановился, отошел немного в сторону от слуги и, осмотревшись по сторонам, подозвал к себе слоняющегося без дела мальчишку. Подробно описав, кому нужно передать письмо в таверне, он вручил его и серебряную монету в придачу и пообещал, что даст столько же после возвращения. Когда тайная операция была завершена, не спеша продолжил свой путь к порту.

На корабле все было спокойно, гостей не было, взволнованная Гликее ждала его в трюме. Он вручил ей купленную мелочовку, уверил, что не выдаст, и, сложив свои вещи в каюте, отправился поговорить с Коисом на верхнюю палубу.

В принципе, все было готово к отплытию. Снасти проверены, корабль осмотрен, припасы и вещи разложены по своим местам. Оставалось только зарегистрировать судовой журнал в портовом управлении и поставить там отметку об отбытии. Толстую тетрадь установленного образца купили еще вчера, она была, естественно, девственно чистой. И Саша, прихватив ее, направился в нужную контору. Помощник начальника порта был по-деловому сух, но дал несколько полезных советов новичку по ведению судового журнала. Поставил отметку о выходе и пожелал счастливого пути. А вернувшись на корабль, Саша с легким сердцем дал команду отдать швартовы.

Глава 9

Когда вышли из гавани, не обошлось без казусов. Саша захотел рассмотреть, что за корабли проплывают мимо, и понял, что не купил себе подзорную трубу. А что он за капитан после этого? Пока что, согласно его указанию, держали курс на восток, выходя из пролива, шли в бейдевинде по отношению к юго-восточному ветру, преобладавшему здесь в это время года.

– Трубу забыл, – грустно сказал он стоявшей рядом Гликее, только сейчас решившейся выйти на палубу.

– Что? Какую трубу? – спросила она, не сразу сообразив.

– Подзорную. Теперь я не настоящий капитан.

– Я думала, она у тебя есть, – удивилась девушка. После пережитых волнений и объяснений они решили обращаться друг к другу на «ты», оставив церемонии. – Поэтому и не нашла в магазине.

– Да я и не в претензии. Сам должен был подумать, – вздохнул Саша. – Надо зайти в какой-нибудь попутный порт, прикупить. Что у нас там будет?

– Хм, – задумалась штурман. – Где попало нормальную трубу не купить. Надо город покрупнее. Предлагаю взглянуть на карту, а то вдруг меня память подведет.

И они отправились вниз, оценить маршрут. Можно было уже в ближайшее время повернуть на север и зайти в Идомене (Томакомай), но тогда из довольно большого залива пришлось бы долго выбираться против ветра. Поэтому решили посетить Кассопе (Кусиро). Тоже довольно крупный город, расположенный на восточном побережье Глафиара. И это было почти по пути. Разве что эти несколько дней, которые должен занять путь туда, незадачливому капитану придется провести без подзорной трубы.

По дороге моряки соорудили для Сергея откидную койку в капитанской каюте, чтобы бедолага доктор не маялся на полу, как бедный родственник. Плавание складывалось удачно. Почти два дня шли в бейдевинде, огибая далеко выступающий в океан мыс острова, а затем повернули на северо-восток и к концу третьего дня, уже в вечерних сумерках, вошли в гавань Кассопе. Естественно, что о магазинах не могло быть и речи. Желая поддержать дух команды, Саша выдал матросам денег за эти три дня и разрешил половине сходить на берег. Вышло в среднем по двадцать четыре монеты на человека, и на эти деньги можно было очень

качественно гульнуть. Разумеется, предупредил, что здесь они ненадолго и чтобы к утру все были на месте.

Матросское жалованье обычно складывалось из расчета того, что человек может на него месяц прожить в недорогой припортовой гостинце и при этом неплохо питаться, иногда позволяя себе выпивку. Но учитывая, что большую часть времени моряки проводили в плавании и на «казенных» харчах, то деньги получались достаточно свободные. Кто-то их проматывал в тавернах, а кто-то откладывал хотя бы часть. Его команда получала двойное жалованье, а потому чувствовала себя королями.

Утром купили обычную подзорную трубу, дающую неплохое увеличение и надежно изготовленную. Вернулись на корабль и вышли в море. Больше посещать гавани Саша не собирался. Впереди было почти тысяча сто миль пути, которые при дующем сбоку ветре с юго-востока можно было преодолеть за девять дней. Но на море, да еще и на такие расстояния, загадывать опрометчиво. Когда миновали берега Глафиара, слева всегда были Кандийские (Курильские) острова, расположенные в основном не так уж и далеко друг от друга. Гликее исправно выполняла обязанности штурмана, вела свой журнал и, отмечая пройденный путь на карте, сверялась по береговым ориентирам. Надобности в наблюдениях по приборам не было.

Эта идиллия так и могла бы продолжаться до самого конца, если бы им не помешали обстоятельства, которые на море случаются с завидной регулярностью. Обстоятельства имели вид облегченного люгера курьерского типа, вышедшего им наперерез из-за небольшого островка, который Гликее с трудом опознала в подзорную трубу. Если она не ошиблась, то на этом небольшом клочке суши была всего одна рыбацкая деревня, и входил он в состав республики, объединявшей большинство Кандийских островов. Это было довольно рыхлое и символическое объединение, существующее на политической карте только потому, что более могущественные соседи ревностно следили прежде всего друг за другом и старались не допускать слишком большого усиления конкурентов. Здесь проходил очень оживленный торговый путь, поэтому от пиратов его регулярно чистили, но они с настойчивостью сорняков в огороде появлялись снова, устраивая временные стоянки на малонаселенных островах. На корабле был поднят флаг республики, что, конечно, вводило в заблуждение, но поведение настораживало.

– Может, он в море идет просто? – спросил Саша у Коиса, стоявшего рядом.

– А что ему там делать? – удивился бывалый моряк. – У него трюм

меньше нашего. Океан он в любом случае не пересечет – вся команда с голоду передохнет. Он к нам идет. И угол грамотный выбрал, как раз на пересечение.

– Но если у него трюм меньше нашего, значит, и народу меньше. По пушкам в лучшем случае то же самое. На что он рассчитывает? – интересовался Саша, все еще надеясь, что поведению встреченного корабля есть безобидное объяснение.

– Меньше, если идти в нормальное плавание. А если сидеть на берегу и ждать добычу, то продовольствия можно вообще не брать, а весь трюм набить головорезами, как селедку в бочку. Да их там и сотня может быть. Но это вряд ли, конечно: идет слишком легко. Но полсотни запросто и без потери хода.

– Не такое уж и большое преимущество. Ясно же, что мы будем защищаться в любом случае, а значит, потери будут огромные. Или они надеются, что мы сдадимся?

– Капитан, сдаваться нам нельзя ни в коем случае, потому что живых они, как правило, не оставляют. А свои жизни не ценят. Или каждый надеется, что именно он выживет. Это если там просто народ отчаянный, возможно, из местных. Но могут быть и отборные головорезы, против которых у нас вообще нет шансов. Они и вдесятером нас как котят раскидают. Мы, конечно, все умеем тесаками махать, но против настоящих волков не выстоим.

– На берегу ждали, говоришь? А куда же смотрят местные власти? Они что, не знают, что творится у них под носом?

– Может, и не знают. Местных-то они не трогают. Встали на якорь в бухте, наблюдателей на скалу и ждут. Покупают у местных провизию, платят за нее, ведут себя вежливо. С чего рыбакам жаловаться на них? А как увидят подходящий корабль, так и выходят в море. А может, у них тут и второй корабль есть, побольше, где все продовольствие и собрано. Эти налегке загоняют, паруса рвут, а большой корабль потом догоняет и добивает.

«Знакомая практика», – подумал Саша, вспомнив, как Кордил с помощью бригантины легко уничтожил пиратскую шхуну.

– Ладно, попробуем уйти, – объявил Саша. – Если успеем дотянуть до ближайшего города, то, надеюсь, там они нас не посмеют тронуть. Разворачиваемся на обратный курс!

Моряки забежали по палубе, благо что мачты были невысокими и управляться с парусами можно было снизу, не залезая наверх. Убрали прямые, заложили крутой поворот. На встречном ветре косые

заполоскались было, но инерции судна хватило, чтобы завершить разворот и поймать ветер уже с другой стороны. Судно набрало ход и пошло в бейдевинде. На палубу выскочила Гликеея.

– Почему развернулись? Опять что-то забыли, капитан? – спросила она шутливо.

– Мы нет. А вот они – да. – И с этими словами Саша указал на неизвестный корабль вдалеке, так же поменявший курс и устремившийся за ними в погоню. Девушка побледнела. С пиратами она уже была хорошо знакома.

Пока непонятно было, догоняют ли их. Все смотрели за корму, пребывая в мрачных раздумьях. Ход у них был хороший, трюмы слабо загружены, поэтому был серьезный шанс успеть дойти до относительно крупного города с фортом и встать под его защиту. Но вскоре и эти надежды разбились вдребезги. Из-за другой оконечности острова им наперерез выходил еще один корабль, намного больших размеров. Присмотревшись, Саша определил его как пинас – крупный, некогда торговый корабль, способный тем не менее нести серьезную артиллерию. Судя по всему, это и был базовый корабль, о котором говорил Коис. Проскочить мимо него прежним курсом явно не успевали, а просто доворачивать влево значило потерять ход – так круто к ветру идти было невозможно. Пришлось поворачивать на восток и направляться прямо в океан в надежде скрыться там в темноте.

Легкому кораблю пиратов было бы логично пойти им наперерез, но тогда они вставали прямо против ветра, поэтому они лишь слегка подправили направление, чтобы выйти на след. Примерно в ту же точку нацелился и пинас, только с другой стороны. Он, конечно, безнадежно отставал, но все же отрезал путь на юг, где и были ближайшие города. Когда же пиратский люгер лег на их курс, то вскоре стало ясно, что он идет быстрее, и если ничего не произойдет, то догонит.

Часть экипажа стояла на палубе, кто-то спускался в трюм и отдыхал там. Морская гонка под парусами – дело долгое, расстояние сокращается медленно, можно десять раз все обдумать. Саша стоял на корме и периодически поглядывал на преследователей в трубу. Чуть в стороне Сергей вцепился руками в борт, рядом находилась Гликеея, уже прикрепившая абордажный тесак себе на пояс. Подумав, Саша решил постепенно заворачивать на север и отдал распоряжение рулевому. Тот слегка подправил рычаг, снова зафиксировав его ремнями. Потом слегка подправили паруса. Скорость немного увеличилась. Преследователи не сразу заметили маневр, с небольшим опозданием отреагировав на него

корректировкой курса. А значит, беглецам удалось отодвинуть немного время решающего столкновения и увеличить шанс скрыться в темноте. Пинас отставал все больше, что немного радовало, потому что попадать под его пушки, которые могли оказаться и шестнадцатифунтовыми, как уверял Коис, совсем не хотелось. Саша спустился в трюм и поинтересовался у кока, что на обед. Тот не подвел. Несмотря на то что был прекрасно в курсе происходящего, готовил еду – уху из пойманной на рассвете рыбы и кашу. Несколько матросов в трюме мрачно точили оружие. Всем этим людям уже приходилось сталкиваться с пиратами, после чего они потеряли свой корабль. История повторилась.

После обеда расстояние сократилось настолько, что уже можно было рассмотреть выражение лиц на палубе преследователей в подзорную трубу. Случилась и классическая сцена, когда два капитана смотрят друг на друга через окуляры. Пират, убедившись, что он в поле зрения, отставил трубу от глаза, и, скорчив зверскую рожу, провел большим пальцем по горлу. «Позер», – мрачно подумал Саша. А еще он пытался посчитать, сколько людей у противника на палубе. Выходило не так уж и много – человек двадцать всего. Но кто-то мог сидеть и в трюме. Сколько пушек по бортам, с этой позиции было непонятно, но на носу было две, скорее всего трехфунтовки.

Спустившись вниз, переговорил с канонирами у кормовых орудий. По большому счету, вся надежда была на них. Калибр этих пушек больше, чем у преследователей, а значит, били они дальше. Оставался шанс нанести хотя бы незначительные повреждения парусам противника, прежде чем он сможет вообще достать до них из своих более слабых пушек. А там и спасительная темнота наступит. Наказал канонирам стрелять ядрами, как только они посчитают, что можно достать.

Когда преследователи сократили расстояние метров до пятисот, бахнул первый залп. Прежде чем клубы дыма окутали корму, Саша успел заметить, что оба ядра легли с большим недолетом и в стороне. Но говорить пока ничего не стал, потому что понимал в здешней артиллерии мало. Надо же людям и пристреляться. Прошла пара минут, раздался один выстрел. Уже лучше – ядро, прочертив пологую дугу, плюхнулось в воду в паре десятков метров рядом с бортом. Когда дым рассеялся, раздался второй выстрел. Тоже мимо, но с небольшим перелетом. Ситуация с прицеливанием, судя по всему, усугублялась хоть и небольшой, но качкой. Саша уже знал, что от момента поднесения фитиля к запальному отверстию до собственно выстрела проходит некоторое время, иногда до двух секунд, а если к этому добавить еще и качку, то все становится совсем не так просто, как кажется.

К тому же на больших дистанциях ядро летит не по прямой, а по дуге, что тоже требует неких прикидок. На глаз, конечно же.

Одним словом, в момент, когда с корабля преследователей раздался первый выстрел, ни одного попадания добиться так и не удалось. Впрочем, они тоже мазали безбожно, надеясь, что случайно удастся зацепить парус. Но, судя по всему, канониры у них были действительно хорошие. В парусах появилась сначала одна дырка, а потом и вторая. Да, это были ядра диаметром всего в 76 мм, как он уже знал, но скорости эти дырки не прибавляли, а его канониры никак не могли попасть. Между тем дистанция все сокращалась, скоро могли полететь и кнippели. Тогда одного попадания будет достаточно, чтобы судно стало легкой добычей. Саша закусил губу от отчаяния. Надо было что-то делать. Второй корабль отстал очень сильно, были видны только его паруса на горизонте. До темноты оставалось совсем немного, но развязка, судя по всему, наступит раньше. Или расстояние будет настолько малым, что их будет видно даже ночью и все равно догонят. Наконец у него созрело авантюрное решение, но, скорее всего, это был последний шанс.

– Левый борт и корма зарядить кнippелями, правый – картечью! – крикнул Саша. Матросы бросились к орудиям. Пороховые картузы подавались из трюма, процесс был небыстрым, но минуты за три управились.

– Коис! – позвал Саша старшего матроса, когда с орудиями было закончено. – Надо спустить паруса, пока нам их совсем не изорвали. Чую, сейчас полетят кнippели.

– Мы сами пойдем на абордаж? – удивился моряк.

– Нет, мы подпустим их поближе. Но надо заранее разложить весла вдоль правого борта и развернуть реи, как для форвинда (ветер в корму).

– Понял, – ответил Коис, и матросы под его руководством занялись парусами. Из-под шлюпки, стоявшей в центре палубы, достали весла и положили на открытом месте рядом, чтобы можно было их быстро схватить. Корабль начал сбавлять ход, на пиратском корабле заулюлюкали. Слов пока разобрать было нельзя.

– Так, самое главное! – громко прокричал Саша, чтобы его все слышали. – Когда я начну свистеть вот в эту дудку, – и он показал боцманскую принадлежность в своей руке, – вы все, чем бы ни занимались в этот момент, должны немедленно упасть на палубу, а лучше всего вообще слиться ней, как камбала с дном. Всем понятно?

Странно, но почему-то такое простое решение для местных было необычным. Спрятаться за борт – это они еще понимали. А вот лечь – нет.

– Запомните! – повторил он. – Свисток – лечь! Тогда ваши шансы остаться в живых будут намного выше. – Люди закивали, но насколько они это вообще осознали, было не очень понятно. Ну, да ладно. Скоро все станет ясно.

Вскоре бахнули пушки преследователей. И это были кнippели. Одна адская связка пролетела мимо, а вот вторая намоталась на бизань-мачту, оборвав и брас, и фал с левой стороны. Мачта жалобно заскрипела и сильно закачалась, но выдержала. Парус на этой мачте теперь становился нерабочим, а чинить такелаж времени уже не было. «Интересно, чем у них заряжены остальные пушки?» – подумал Саша. Присев за бортом, он выглядывал из-за него, пытаясь выбрать оптимальный момент. Когда оставалось уже сто метров, он понял, что пора.

– Корма – огонь! – закричал он изо всех сил. – И, не дожидаясь результата, продолжил: – Весла по правому борту в воду! Вперед! – Восемь человек, по два на весло, быстро вставили их в пазы и, скользя ногами по палубе, потянули за рукоятки. Вода внизу вспенилась, но сопротивление было велико, весла двигались медленно, на шее у матросов вздулись вены, лица кривились от напряжения. Саша быстро выглянул из-за борта и обрадовался. Как минимум один кнippель попал в рангоут, разорвав фок и запутав такелаж на этой мачте. С пиратского корабля один за другим раздались несколько ружейных выстрелов. Одна пуля ударила в борт всего в метре от Сашиного лица, полетели щепки. Оглянувшись, он увидел, как один матрос лежит на палубе, схватившись за окровавленную голову, но шевелится. На его место тут же бросилась молодая женщина, оказавшаяся рядом. Но дело уже пошло. Весла двигались все быстрее, разворачивая корпус бортом к приближающемуся пирату. Достаточно!

– Весла стоп! Левый борт, целься! – закричал Саша. Канониры, прятавшиеся до этого за своими орудиями, начали их ворочать, наводя на набегающий корабль. До него уже оставалось метров пятьдесят. – Огонь! – заорал Саша, срывая голос от волнения. Орудия плюнули огнем почти одновременно, метя вверх вражеских бортов.

Саша даже смотреть не стал, а едва утих грохот, закричал:

– Поставить паруса на мачтах!

Матросы побросали весла и бросились к фалам. Белые полотнища зашелестели, расправляясь, но это казалось так медленно! Саша выглянул из-за борта и обрадовался. Теперь пиратам порвали еще и фор-марсель, обломав заодно и стеньгу, изрешетили грот и привели такелаж на обеих мачтах в полнейший беспорядок. Кливер мокрой тряпкой полоскался в воде на оборванных фалах. Только на последней, бизань-мачте, оставался

парус, и тот слегка рваный. Над бушпритом показалось перекошенное от бешенства лицо пиратского капитана. Саша вскинул над бортом кулак с торчащим из него средним пальцем. Тем не менее инерция разгона толкала вражеское судно вперед, а вот Сашин корабль набирал скорость слишком медленно. В какой-то момент казалось, что их все же догонят, потому что между ними оставалось всего тридцать метров. Но в этот момент стало ясно, что разрыв увеличивается. Очевидно, это поняли и на пиратском корабле, потому что на нос вскочил человек, размахивая абордажной кошкой на веревке, с явным намерением попытаться добросить ее до добычи. И в этот момент сзади грянул ружейный выстрел. Пират, взмахнув руками, повалился назад. Обернувшись, Саша увидел Гликеею с ружьем, прижавшуюся спиной к грот-мачте.

– Отличный выстрел! – крикнул он. Девушка не отреагировала. Присев на колено, она сосредоточенно чистила ствол ружья шомполом. Снова оглянувшись назад, Саша лихорадочно пытался сообразить, когда вражеские пушки будут готовы к выстрелу, потому что это, скорее всего, будет теперь картечь. А вот и они, красавцы! Суэта на носу улеглась, и стал заметен вражеский канонир, подносящий фитиль к одной пушке. Саша спрятался за борт и что есть силы задул в дудку, тараща глаза. Звук был пронзительным и очень громким, не услышать его было невозможно, но тем не менее далеко не все матросы сразу на него отреагировали. Особенно обидно было, что Гликеея продолжала стоять на одном колене, теперь заряжая ружье.

– Всем лечь! – заорал Саша что есть силы. До большинства матросов это дошло, и они все же успели упасть на палубу, прежде чем железный град пронесся над ней. По корпусу забарабанила картечь, часть пронеслась над палубой, но там все уже лежали. Только один канонир замешкался у своего орудия с банником и получил сразу три куса железа в грудь, рухнув на палубу. На Гликее, продолжавшей заряжать ружье, была порвана рубашка на левом плече в двух местах, и по белой материи расплзались пятна крови. Но судя по тому, что она продолжала механически совершать необходимые действия, картечины прошли по касательной, лишь зацепив. А состояние стресса, а может, и боевого ража позволяло не замечать таких «мелочей». Несколько картечин продырявили нижние края парусов. На палубу пиратского корабля начали выскакивать еще люди из трюма, с ружьями и пистолетами.

Но теперь Сашин корабль набирал ход, расстояние увеличивалось, непосредственная угроза абордажа миновала.

– Приготовиться к повороту вправо! – отдал он следующую команду.

Матросы начали заводить паруса. – Давай! – Крикнул он рулевому, прятавшемуся здесь же за бортом. Тот налег на рычаг, судно начало разворачиваться, вскоре встав в галфвинд. С пиратского корабля, практически потерявшего управление, раздавались ружейные выстрелы. Рядом упал матрос, женщина, схватившись за живот. Незакрепленный брас дергался на палубе, грот левым краем захлопал на ветру. Саша сам подхватил его и закрепил, продолжая следить за разворотом корпуса. Над раненой склонился Коис. Канониры уже наводили свои орудия, до пиратов было снова метров пятьдесят. Судя по их активности на палубе, они ожидали, что залп будет книппелями и по остаткам парусов. Рослый капитан размахивал руками и отдавал распоряжения, пираты доставали весла, намереваясь с их помощью развернуть свой корабль бортом, пока добыча еще рядом. И в это копошащееся скопище, почти в упор, врезалась картечь из четырех орудий. Ситуация для них отягощалась тем, что выстрелы шли практически вдоль корабля. Железная коса свалила почти всех, кто на тот момент возвышался над бортом, и это была большая часть пиратской команды вместе с капитаном.

– Приготовиться к повороту влево! – надрывался Саша, оглохнув от грохота, чувствуя, как легкие разьедает пороховой дым. – Зарядить ядрами!

Матросы заводили паруса, бегая по палубе и перепрыгивая через тела своих раненых товарищей, правый борт чистил стволы, на левом как раз протыкали пороховые картузы и подсыпали порох на полки. Эти были заряжены еще книппелями, поскольку новая Сашина команда запоздала. На пиратском корабле к носовой пушке подбирался уцелевший канонир с фитилем. Раздался ружейный выстрел, с его головы слетела шляпа, а сам он завалился назад. Гликеея стреляла на удивление точно. Но была еще и вторая пушка, и над ней тоже показалась голова. В этот момент ударили кормовые пушки. Одна цепь полетела высоко и мимо, а вот вторая прошла прямо над бортом, попросту оторвав голову пирату. Саша успел увидеть фонтан крови, ударивший из обрубка шеи. Пролетев дальше, книппель окончательно обломал фок-мачту. Канониры на левом борту закончили перезарядку орудий, но угол поворота еще не позволял стрелять. Его корабль продолжал разворачиваться, а к носовому орудью на пиратском корабле снова подбирался человек с фитилем. Саша задул в дудку, на этот раз матросы попадали довольно дружно, побросав снасти, которые еще не успели закрепить, и они захлопали на ветру. Вот только Гликеея, как стойкий оловянный солдатик, продолжала возиться со своим ружьем, ни на что не обращая внимания. Саша понял, что лимит ее везения на этом может и закончиться. Резко стартовав с места, он ракетой рванул вперед и снес

девушку с ног, как заправский регбист, повалив на палубу и накрывая своим телом. Он успел за долю секунды до того, как картечь пронеслась над палубой. Целый рой железа прожужжал над его головой.

– Приказы капитана надо исполнять в точности, – наставительно произнес Саша прямо в лицо ошарашенной девушке. Повернув голову, оценил приблизительное положение борта относительно вражеского судна по торчавшим мачтам. Наверно, пора. Перекатившись на бок и сев на палубе, он заорал:

– Левый борт, огонь!

Канониры догадались прицелиться над бортами. Книппель тоже довольно опасная штука для скопления людей. Развернувшаяся цепь косит их как газон. Минимум два книппеля прошли достаточно низко над бортом, снося всех, кто возвышался над ним, вплоть до грот-мачты. Таких было немного, но еще минус несколько противников – это уже хорошо. Мыслей об отступлении даже не возникало. Сашей овладел боевой азарт. Он горел желанием расквитаться с пиратами сполна за те часы страха и томительного ожидания неминуемой смерти, что испытали его команда и он сам за сегодняшний день.

Корабль начал терять ход, потому что не все паруса оказались закреплены во время маневра, прерванного вражеским выстрелом. Судно повело не в ту сторону, хотя рулевой и пытался выправить положение. А теперь надо было снова разворачиваться.

– Приготовиться к повороту вправо! – крикнул Саша. Матросы бросились заводить паруса, корабль снова набрал ход и начал разворот, во время которого бухнули кормовые пушки. Снова одно ядро улетело мимо, а вот второе ударило прямо в небольшой пушечный порт на носу. Именно в тот, который еще не сделал своего выстрела. Судя по всему, пушку сорвало с крепления, а может, и с лафета, потому что она улетела внутрь. С пиратской палубы раздались истошные вопли и проклятия.

Когда же корабль почти закончил разворот, Саша приказал убрать все паруса. Палуба успокоилась и выровнялась, пиратский корабль еле полз на одном изорванном парусе. Канониры правого борта спокойно прицелились и дали залп ядрами, целясь в фальшборт. Все попали. От вражеского корабля полетели обломки, все заволочло дымом, а когда он рассеялся, то все, кто был не занят в этот момент, начали стрелять в открывшиеся бреши из ружей и пистолетов. Уцелевшие пираты заматались по палубе, пытаясь найти укрытие. Канониры спешно перезаряжали пушки. Больше маневров совершать не собирались, намереваясь добить противника выстрелами в упор. До пиратского корабля было метров пятьдесят, и это расстояние хоть

и медленно, но сокращалось.

Прежде чем он приблизился вплотную, успели сделать еще два залпа, разворотив там почти половину фальшборта и перебив всех, кто проявлял хоть какую-то активность на палубе. Оставшиеся попрятались в трюм. Было хорошо видно, что вся вражеская палуба завалена телами. Некоторые еще шевелились, но были уже явно не бойцы. Когда нос пиратского судна ткнулся в борт ближе к корме, Сашин корабль начало разворачивать. А как только они сошлись бортами, матросы сцепили их кошками и осторожно полезли на вражескую палубу.

В этот раз Саша шел первым, сжимая в одной руке шпагу, а в другой пистолет. Отовсюду слышались стоны и хрипы, кто-то уже бился в агонии. Человек – удивительно живучее существо. Даже потеряв литры крови, с оторванными руками или вываливающимися внутренностями, некоторые еще пытались куда-то ползти или издавали звуки. Такое Саша видел впервые. Запах крови и всякая вонь били в ноздри, ему стало не по себе, но, стиснув зубы, он ступил на залитую кровью палубу. Матросы без всяких приказаний деловито начали резню, избавляя умирающих от страданий и делая свой тыл безопасным, но к люкам в трюм пока не приближались. Когда палуба была зачищена, Саша пресек начало неорганизованного мародерства, сказав, что все будет поделено позже и по Справедливости.

Потом проверил активность засевших в трюме пиратов старым способом. Надел на ствол валявшегося здесь ружья чью-то бесхозную шляпу, показал ее в проеме носового люка. Сразу три выстрела грохнуло оттуда, порванная шляпа отлетела в сторону.

– Можем и еще добавить! – раздался злой голос снизу. – У нас стволов много.

Саша посмотрел на Коиса и отвел его в сторону.

– Неси сюда бомбы, все пять штук. И запали мне фитиль, – тихо сказал он ему.

Прихватив с собой еще одного матроса, Коис отправился на свой корабль и вскоре вернулся с требуемым. Взяв одну бомбу и тлеющий фитиль, Саша ползком направился к люку, остановившись у самого края.

– А сдаться не хотите? – крикнул он, не высываясь.

– Тебе, что ли, сдаваться, жалкий торгаш? – раздался снизу тот же наглый голос. – Ты попробуй нас выкури сначала отсюда. И вообще, покажись, трус.

Разумеется, на такую дешевую подначку Саша не отреагировал.

– Что ты орешь, как перепуганный? – крикнул Саша пирату. – Подойди поближе, поговорим нормально. – И с этими словами Саша зажег фитиль

на бомбе. – Можешь даже не высовываться, я действительно хочу только поговорить. – Фитиль с шипением начал гореть, но все еще был достаточно длинным.

– Говори так, чего секретничать! – раздалось снизу. Но, судя по изменениям звука, говоривший все же придвинулся ближе.

Не сводя глаз с фитиля, Саша дождался, когда там оставалось около сантиметра, и бросил бомбу внутрь, тут же откатившись подальше от люка, пачкаясь в чужой крови на палубе. Снизу сначала раздался стук упавшего железного шара, а спустя секунду взрыв. Палуба слегка завибрировала, по ней забарабанили осколки. Из трюма раздались крики и топот убегающих людей, наружу повалил дым.

– Следующую, – мрачно сказал Саша, брезгливо морщась от ощущения того, что его одежда пропитывается чужой кровью. Взяв протянутую бомбу, он направился к кормовому люку. Без всяких спектаклей он подполз к проему, зажег фитиль и, подождав, когда он прогорит, бросил бомбу вниз, откатываясь в сторону. На этот раз там среагировали довольно быстро, попытавшись убежать или спрятаться. Потому что сразу раздался топот. Но взрыв произошел быстро, и наверняка те, кому не посчастливилось оказаться рядом, сильно пострадали.

Надо пояснить, что, конечно, эти бомбы сильно недотягивали до современных гранат. И дело даже не в фитиле. А в том, что начинены они были черным порохом, который дает очень много дыма, но по своим взрывным характеристикам в среднем в три раза слабее тротила, которым снаряжается большинство привычных гранат. К тому же здешние бомбы были гладкими, у них не было рифленой оболочки, которая бы разлеталась на множество мелких осколков. Как ей там захочется разорваться, вообще непредсказуемо. Может просто пополам развалиться. Утешало лишь то, что трюм все же довольно тесный и даже не очень сильная взрывная волна могла натворить там немало бед.

Немного постояв в раздумьях, Саша начал обходить свою команду по палубе, негромко посвящая в свой план. Пришлось три раза повторять одно и то же, зато теперь все были в курсе и воодушевились. Выбрал в помощники себе канонира, поставил его у носового люка, а сам отправился на корму. Теперь они вдвоем подкрадывались к люкам одновременно. Глядя друг на друга, зажгли фитили, подождали, пока те прогорят, и почти одновременно бросили бомбы внутрь, откатываясь в сторону. Сдвоенный взрыв получился эффектным. В следующее мгновение матросы с тесаками бросились в трюм. Оставшиеся пираты были настолько оглушены взрывами, что не успели оказать никакого сопротивления и были просто

зарублены на месте. Их и оставалось-то в трюме на ногах всего трое. Но двое успели забежать в галюн, куда, как и на Сашином корабле, вел узкий коридор мимо арсенала. Хорошо еще, что не в нем самом. Очевидно, надеялись еще отсидеться до подхода своего второго корабля, а потому не стали играть в героев на пороховом складе. Капитанская каюта была закрыта на ключ. Судя по всему, пиратский капитан не доверял своим подчиненным и на время боя запер дверь.

Принесли последнюю, пятую бомбу. Хотя, возможно, они были и в местном арсенале. Саша уже привычно поджег фитиль, подождал немного и бросил ее по коридору. Раздался взрыв, матросы тут же кинулись прямо в клубы порохового дыма и добились тесаками последних израненных пиратов. На носу разошлись доски, и в образовавшиеся щели сквозняком начало понемногу вытягивать дым. Саша опустил было на ступеньки лестницы, его начала колотить дрожь, но когда взгляд упал на тело пирата с изуродованным осколком лицом, а это в довершение всех стрессов оказалась еще и женщина, то ему стало совсем плохо. Он бросился наверх, но еще на полпути его начало рвать. Добежав до выломанного борта, он опустил на колени и, держась рукой за какие-то обломки, начал извергать в воду содержимое желудка.

– Первый раз, капитан? – раздался рядом голос Коиса, когда он немного пришел в себя.

Саша неловко оглянулся и слабым голосом ответил:

– Нет. Но так близко – первый.

– Хлебните, – участливо сказал матрос, протягивая ему плоскую фляжку, красиво инкрустированную серебром. – Мы капитанскую каюту уже вскрыли, нашел там эту флягу, по запаху благородная вещь.

Саша понюхал – коньяк. Сделал большой глоток. Напиток растекался по измученному пищеводу, придавая сил. Насколько он был хорош, сейчас сказать было невозможно, но помог голове проясниться.

– Что делать будем, капитан? – спросил матрос.

Саша встал и посмотрел за корму разгромленного корабля. Пинас за время боя приблизился, теперь над горизонтом угадывался и контур корпуса. Но уже опускались сумерки, и контролировать скорость его приближения дальше будет невозможно. Не хотелось бы обнаружить его рядом в темноте.

– Как думаешь, когда он до нас доберется?

– Трудно сказать. Но думаю, час у нас еще точно есть. Может больше.

Бросать захваченный и неразграбленный корабль было жалко. Сейчас, после хлопот, связанных с подготовкой к плаванию, он понимал, сколько

здесь на самом деле всего ценного. Прежде всего пушки. Понятное дело, что все найденные деньги и ценные вещи они быстро вынесут. Но остальное! В нем начал просыпаться хомяк. Саша уже довольно долго, больше года, находился в этом мире, но по большому счету до сих пор имел лишь жалкое жалованье, способное прокормить и одеть, не более того. В голове созрел план, который Коис одобрил после краткого изложения.

На захваченном корабле оставили небольшую команду, которая попыталась наспех привести в порядок те снасти, которые еще было возможно. Остальные вернулись на свой корабль, отцепили кошки от борта и оттолкнулись от него. Поскольку их корабль находился носом к приближающемуся пинасу, то надо было развернуться. Дождавшись, когда захваченный корабль проползет на своем одном парусе мимо, развернулись на веслах и, поставив паруса, быстро догнали его. А сблизившись бортами, снова сцепились кошками, не убирая свои паруса. Перекос курса выравнивали двумя рулями. Теперь корабли хоть и медленно, но все же двигались вперед, что отодвигало время встречи с противником на некоторое время. В быстро наступающей темноте зажгли фонари на обоих кораблях и начали перегружать все ценное к себе. Прежде всего это были деньги и всевозможные ценные вещи, обнаруженные в капитанской каюте, на матросских койках и на телах мертвецов. Потом разнообразное оружие, среди которого встречались довольно приличные экземпляры. Трюм, к сожалению, был практически пустым, тем не менее там было немного продовольствия, на пару дней, и кое-какая посуда – котелки и сковородки. Миски и кружки, конечно, не брали – плохая примета. Нашли две приличные помпы, что не лишне, бухту каната и немного парусины. Штурманские инструменты и самое главное – пушки. Ничего сложного, их цепляли канатами, перекинутыми через рей своего корабля, приподнимали, а несколько человек придерживали от резкого скачка в сторону, чтобы они не проломили борт. Перетаскивая так на свою палубу, подкатывали к носовому люку, под которым было свободное пространство. Лестница там легко убиралась, поэтому без проблем, на тех же канатах, спускали вниз, подкатывали к стенке и крепили. И так десять раз. Кормовые пушки оставили, потому что поднимать их из трюма было слишком хлопотно.

Маневрировать не было смысла, так как их фонари были прекрасно видны в темноте и указывали пиратам путь не хуже компаса. Но, судя по тому что сзади не раздавались выстрелы и вопли, до преследователей было еще достаточно далеко. В конце перегрузили порох и ядра, забив арсенал до отказа. Потом расцепили борта и быстро отошли от разграбленного судна. Гликеея определила координаты по звездам с помощью секстанта и

часов. Стало ясно, что, даже следуя прежним курсом на север, они за ночь не врежутся ни в какой остров, и уставшие люди наконец опустились на палубу отдохнуть. Кок уже хлопотал у своей печи, готовя поздний ужин. Спустившись в трюм, Саша проведал раненых. Матросу с забинтованной головой ничего не угрожало, пуля просто содрала ему кусок кожи, немного оглушив. Сейчас он был в порядке и даже помогал крепить захваченные пушки в трюме. А вот женщина, раненная в живот, была обречена. Бывали, конечно, редкие случаи, когда после подобных ранений выживали. Как заметил Сергей, занимавшийся ранеными, внутренние органы иногда оставались целыми или имели совсем незначительные повреждения, и все обходилось так называемым локальным перитонитом. Также если внутрь не было занесено слишком много грязи. Но в данном случае это было не так. У женщины уже был сильный жар, и она мучилась. Коис, присутствовавший при этом разговоре, молча достал из кармана глиняную трубку, забил туда какой-то грязно-серый шарик и, раскурив, тут же выпустил изо рта сладковатый дым. Потом аккуратно подложил под голову несчастной свернутую куртку и вставил трубку ей в рот. Женщина слабо затаилась, закашлялась, от чего ей стало жутко больно и лицо исказила судорога. Но потом она улыбнулась и затаилась еще. После нескольких затажек ее глаза стали закрываться, лицо разгладилось, и все от нее отошло. Коис выбил трубку о каблук и растер выпавшие остатки по полу подошвой. Погибший канонир лежал на палубе под фок-мачтой. Похоронить его решили утром, на рассвете, в лучах солнца. И, скорее всего, не его одного.

Еще трое были совсем легко ранены, царапины. Гликее Сергей наложил тугую повязку, с каким-то заживляющим компрессом под ней. Сашу начала угнетать пропитанная чужой кровью одежда. Он разделся на палубе и, набрав за бортом с помощью ведра на веревке воды, вытерся мокрой тряпкой. А потом еще и несколько раз облился, переодевшись в чистое. На ужин он выдал команде по две кружки вина, после чего все улеглись спать, кроме дежурной вахты.

Утром Саша проснулся от непривычной тишины и почти полного покоя. Не скрипели мачты и такелаж, только вода слабо плескалась о борт. Быстро одевшись, он поднялся на палубу и обнаружил полный штиль. Высоко в небе с северо-востока протянулись длинные сплошные полосы перистых облаков, что предвещало скорую перемену погоды. Паруса бессильно обвисли, судно не двигалось. Оглядевшись по сторонам, он не увидел нигде преследователей или других парусов. Впереди слабо угадывались контуры далекого острова. Ничего не поделаешь – штиль

случается, пришлось ждать.

Вскоре проснулись все и начали с похорон погибших. Два тела завернули в мешковину, обвязав веревками, и привязали к ним по ядру. Коис прочитал молитву, обратив лицо на встречу поднимающемуся солнцу, и мертвые отправились в свой последний путь – на дно.

После завтрака приступили к дележу добычи. Начали с самого простого – с денег, которых в общей сумме набралось больше двенадцати тысяч. По общепринятым здесь законам все делилось в соответствии со следующими пропорциями. Двадцать пять процентов отходило владельцу судна и столько же капитану. Поскольку и тем и другим являлся Саша, то он получал пятьдесят. Десять процентов делили между собой офицеры. То есть Сергей и Гликее. А сорок процентов отходило команде. Причем доля погибших выплачивалась их родственникам или в соответствии с завещанием. Иногда письменным или словесным. Приглянувшееся оружие оценили приблизительно и разыграли по жребию между желающими. По единодушному решению Гликее выделили великолепное и дорогое ружье с длинным стволом. Все остальное предстояло продать, как и пушки. Другие относительно ценные вещи также подлежали реализации с последующим дележом выручки. Разве что некоторые дешевые безделушки, завалившиеся у пиратов, разобрали женщины, а более ценные украшения разыграли желающие с занесением их приблизительной стоимости на выделенную для этих целей бумагу.

Штиль затягивался, Саша начал подумывать о том, чтобы на веслах начать двигаться в сторону ближайшего острова, где можно нормально отдохнуть и реализовать добычу. Но тут к нему подошла Гликее и молча встала рядом, глядя в ту же сторону, что и он, – на далекий остров.

– Ты вчера спас жизнь всей команде, – наконец сказала она.

– Хм. Себе тоже, – заметил Саша.

– Верно. – И помолчав, девушка задала следующий волновавший ее вопрос: – А мне? – И, увидев недоумение на его лице, уточнила: – Ты рисковал своей жизнью, закрыл меня своим телом. Почему? – И она устремила на него пристальный взгляд. Глаза были красивые. В этот момент Саша даже перестал обращать внимание на ее нос.

А в самом деле, почему? Конечно, он бы предпочел обойтись вообще без потерь и готов был сделать очень многое, чтобы двое похороненных сегодня остались живы. Но все же он не высказывал из укрытия, чтобы укрыть от пуль и картечи кого-то другого. А когда осознал или даже почувствовал, что именно Гликее грозит опасность, не колеблясь бросился вперед, сбивая ее с ног на палубу. И да, по сути закрывал своим телом.

Вылети карточек из пушки на доли секунды раньше, он бы получил ее в спину и сейчас покоился бы уже на морском дне. Так почему же он бросился спасать эту девушку? Потому что стало слишком жалко? Потому что ему нравится ее смешной нос? Или потому, что ему нравится смотреть в ее внимательные и спокойные глаза и вообще она нравится? А как же тогда Постумия, за которой он обещал вернуться в Мелибеа? Кажется, он начинает путаться в своих симпатиях, а это плохой признак, потому что может завести не туда. Наконец, собравшись с духом, он ответил, повернув лицо к девушке:

– Потому что мне нужен штурман.

В больших глазах Гликее, ставших в этот момент почти синими, читалось разочарование, но она изо всех сил сдерживалась. А Саша начал подозревать, что делает величайшую глупость. Но по-другому ответить не мог. Его ждала Постумия, мысли о которой по-прежнему волновали его. А обманывать людей он не любил. Кроме откровенных негодяев и врагов. И, помолчав, попытался объяснить свои мотивы, прежде всего для себя:

– Я не знаю о дальнейших планах человека, выдавшего мне деньги на корабль. Но не думаю, что он назначил меня капитаном только для того, чтобы по приходе в Бригес сместить. А значит, будут и другие плавания и мне нужна команда. Полная команда.

Гликее внимательно изучала его лицо, пока он говорил. А когда закончил, отвернулась к морю и тихо сказала:

– Спасибо тебе. Я только сегодня осознала, насколько близка была к смерти.

В этот момент они ощутили дуновение ветра. Хлопнули паруса, повскакивали матросы, разворачивая их брасами. Подошел Коис.

– Капитан, у меня все суставы ночью ломало. Поверьте, это не от усталости. И скорее всего, с северо-востока приближается что-то нехорошее. Надо бы достать штормовые паруса и подготовить их, а то шквал в этих краях иногда налетает очень быстро.

– Конечно, Коис. Давай подготовимся. Доставайте. – И капитан начал наблюдать за тем, как матросы достают из трюма укороченные паруса, которые при сильном ветре меньше нагружали мачты.

Уже через полчаса корабль летел стрелой по волнам, подгоняемый мощным ветром, который становился все сильнее. Саша решил сменить паруса, пока не поздно. Пришлось повозиться, но сделали они это вовремя. Ветер еще больше усилился, вздымались волны, бросая на палубу брызги воды. Существенно похолодало, так как воздух приходил со стороны холодного течения из середины океана. Дело явно шло к большому шторму.

Посоветовавшись с Гликеей и Коисом, взяли курс на северо-запад, направляясь к ближайшему острову. Это была Скира (Симушир), с прекрасной гаванью и большим городом. Задраили все люки, наверху, кроме дежурной вахты и капитана, никого не осталось. Привязались веревками и передвигались очень осторожно. Шли они достаточно быстро, при этом ветер дул прямо в бок, и вскоре стало ясно, что они сильно рискуют быть опрокинутыми большой волной, которые уже давно захлестывают палубу. Пришлось развернуться бакштаг (ветер в корму и чуть сбоку), но в порт они так не попадали. Впрочем, оставался шанс спрятаться за самым гористым островом, на другой стороне которого были небольшие бухточки, где можно укрыться.

Когда они огибали круглую южную оконечность острова, ветер буквально ревел, срывая пенные брызги с верхушек огромных волн. Скатываясь с очередного вала, корабль словно нырял в раскрывающуюся бездну, а потом долго взбирался на следующую гору. Три человека сгрудились около руля, потому что скоро им предстояло поворачивать. Налетающие волны пытались сбить их с ног, врываясь на палубу, они были насквозь мокрые и жутко замерзли. И если сейчас не получится повернуть, если их пронесет дальше, то они не смогут плыть против ветра и их так и будет нести, пока не выбросит на материковый берег. Откинув страховочный канат с руля, все налегли на рычаг, выправляя его в нужную сторону. Опасность заключалась еще и в том, что, пока их не закроет остров, они подставляют свой борт волнам. Но начини они это делать раньше и ближе к берегу, что намного сокращало путь в опасном положении, то рисковали налететь на прибрежные камни. Нужна была золотая середина. Саша выбрал ее. Он не стал делать крутого поворота, а заходил за остров наискосок. Вцепившись в ванты, пытался почувствовать оптимальное положение судна. Иногда ему казалось, что он ладонями ощущает вибрацию корпуса через эти канаты.

Но так они не успевали. Следуя столь пологим курсом, они не попадали в зону относительного затишья, их неизбежно выносило дальше. Пришлось делать перестановку парусов. Убрали прямые, развернули косые для бейдевинда (курс против ветра под углом). Делать это было не просто. Сначала надо было убрать парус, потом развернуть гик и только потом снова ставить парус. И происходило все это в промежутках между накатывающимися валами. Больше всего его удивляли женщины, которых в этой вахте было трое. Если к ним особо не приглядываться в обычной жизни, то они были довольно милы и симпатичны по его представлениям, разве что немного угловаты. Но сейчас, когда требовалось напряжение всех

сил, он оценил их немалую физическую силу. Жилистые, цепкие, упорные. Они, конечно, уступали по мощи мужчинам, но, судя по всему, были явно выносливее – биологическая особенность женского организма.

Теперь они продвигались совсем медленно, больше находясь во власти волн, но на валы взбирались носом наискосок, что лучше, чем кормой. У любого корабля самый опасный опрокидывающий момент на вершине гребня, когда и нос, и корма повисают в воздухе. Завалиться на бок можно запросто. И чем дольше корабль находится в этом положении, тем это опаснее. Поэтому многие предпочитают вставать носом к волне, чтобы поскорее свалиться с гребня. Сейчас приходилось постоянно работать рулем. Если на спуске и подъеме они пересекали валы наискосок, то к гребню старались подойти строго перпендикулярно. Это сильно выматывало рулевых, каждый раз с надсадным ревом ворочающих рычаг.

Наконец Саша почувствовал, что ветер слабеет, а волны становятся меньше. Они начали входить в тень острова. С каждым преодолеваемым валом море делалось тише, а ревуший воздушный поток проносился в вышине. Спустя еще какое-то время стало возможным уже не менять курс перед волнами. На палубу теперь залетали только отдельные брызги. Все отвязали веревки, подправили паруса в нормальное положение, корабль пошел увереннее. А капитан высматривал подходящую бухту. Наверх поднялась Гликеея, встала рядом.

– Скоро будет рыбацкая деревня и отдельно стоящая скала рядом. Можно встать за ней. А можно пройти чуть дальше, и там будут три маленькие бухты, – поделилась она сведениями.

Когда напряжение отпустило, Саша понял, как же он устал и дико замерз. Хотя еще вчера изнывал от жары. В отличие от местных, он так и не привык к ней до сих пор.

– Посмотрим, – ответил он.

И действительно, обогнув пологий мыс, они увидели домики на берегу, расположенные вдоль небольшого ручья, стекавшего с горы. До них было чуть больше мили. Но, собственно, гавани здесь вообще не было. Если ветер немного поменяет направление, то будет очень несладко. Но даже сейчас вода здесь была очень беспокойна. Настолько, что было рискованно спускать шлюпку. А это лишало такую стоянку всех преимуществ близости деревни. Чуть дальше была та самая скала, но пролив между ней и берегом был около пятидесяти метров, и Саше не нравилась такая теснота. Решил плыть дальше. Сразу за мысом открылась сперва одна крохотная бухта, потом вторая, а вот третья ему понравилась. Там был хоть и маленький, но очень хороший закуток, который укрывал

вообще ото всех ветров, и вода в нем должна быть намного спокойнее. Когда наконец бросили якорь, люди валились от усталости. Спустившись в трюм, Саша переоделся в сухое, надел шерстяной свитер и выдал сменившейся вахте по чарке коньяка к ужину.

На следующий день шторм так и не утих. Саша решил отправить часть команды в деревню, прикупить там немного свежих продуктов и отдохнуть. Но вернулись матросы очень быстро с тревожным известием, что напротив поселения бросил якорь другой корабль. И это был пинас. Разумеется, что на нем был поднят флаг Кандийской республики, но, скорее всего, это были пираты, от которых они с таким трудом отбились. Решили не искушать судьбу и перебрались в другую бухту, подальше. Но вся беда была в том, что береговая линия с этой стороны вскоре начинала изгибаться в северо-восточном направлении, откуда и дул ветер, а понижение рельефа делало те воды продуваемыми насквозь. Поэтому получилось перебраться только мили на три и укрыться в бухте, где вода была не столь спокойной. Тем не менее все же спустили шлюпку на воду и поставили наблюдателей на мысу, чтобы они предупредили, если увидят пинас,двигающийся в их сторону.

Глава 10

Шторм не утихал еще три дня. За это время их никто не беспокоил, и, когда погода наладилась, тронулись в путь, прямиком в Бригес. Ветер далеко не всегда был подходящим, иногда вообще становился слабым, но через восемь дней люгер все же вошел в устье Стримона, бросив якорь в гавани.

Как Саша ни вглядывался в силуэты стоявших на якоре кораблей, так и не смог обнаружить знакомого фрегата «Скампа». Что делать, было непонятно, предстояло сойти на берег и определиться с дальнейшими действиями. Но вскоре проблема разрешилась сама собой. Едва ступив на землю, Саша встретил Эвриду, поджидавшую, как выяснилось, именно его. Впрочем, новости, сообщенные ею, оказались тревожными.

Капитан Кордил был арестован и находился сейчас в тюрьме. Корабль и все имущество конфисковали. Офицеры и часть матросов были допрошены, но к ним претензий не возникло, и их отпустили. Хорошо, что Кордил, очевидно предвидя нечто подобное, выплатил всем жалованье заранее вместе с очень щедрой премией за верную службу. Часть моряков уже нашли себе новую работу, но большинство пока сидели в порту, ожидая известий о дальнейшей судьбе своего командира. Все было очень непонятно, о причинах такого поворота в судьбе удачливого капитана ходили противоречивые слухи, но наверняка никто ничего не знал. Как уверяла Эврида, содержали его в хороших условиях, пускали посетителей, только он стал очень скрытен, судя по всему не зная, кому можно доверять. Но Эврида высматривала в порту новый люгер не по своей инициативе, а по его просьбе, передав прибывшим, что вот их-то Кордил как раз и ждет. Делать было нечего, надо идти на встречу. Возможно, она что-то прояснит.

Тюрьма располагалась на окраине, но в пределах городских стен. Пропустили без особых задержек и вопросов, проведя по многочисленным переходам глубоко под землю. Здесь было сыро, но не было той ужасной вони и криков узников, которые обычно описываются в романах. Возможно, это была другая часть тюрьмы, где содержали важных узников, которые пока не стали откровенными врагами, а лишь подозревались в чем-то неблагоприятном. Дмитрия-Кордила поместили в одиночную камеру, передняя стенка которой была сплошной решеткой с дверью. Рядом находились такие же камеры, в некоторых из них сидели люди. В коридоре стояли несколько часовых, прохаживавшихся взад-вперед, у стены за

столом сидел дежурный офицер. Везде горели факелы, дым от которых хорошо вытягивался в специальные отверстия.

Несмотря на свое стесненное положение, Дмитрий-Кордил не унывал, был полон нерастраченной энергии и явно ждал визита друзей.

– Я рад, что вы благополучно добрались до Бригеса, – искренне обрадовался он после приветствий. – Как все прошло?

– Не без приключений, – ответил Саша. – По пути нам пришлось выдержать серьезный бой с пиратами, но мы победили и взяли кое-какие трофеи.

– Даже так? – удивился Дмитрий. – Ну, вы даете! Много взяли?

– Двенадцать тысяч деньгами плюс мелочовка и пушки.

– Моя школа, – гордо похвалил Дмитрий. – А корабль?

– Пришлось бросить. Он был сильно разбит, а по пятам гнался огромный пинас.

– Ай да молодцы! Поздравляю!

– Твой человек так и не появился, – прервал восторги Саша. Но, заметив саркастическую улыбку на лице собеседника, он насторожился. – Чему ты улыбаешься? Нам пришлось выкручиваться самим!

Продолжая улыбаться, Дмитрий дал ответ, перейдя на русский:

– Не было никакого человека. Вы и должны были все сделать сами. Я специально наплел вам про него, чтобы успокоить и помочь сделать первый шаг. А то так и продолжали бы бегать на побегушках. – И, помолчав, добавил: – У кого-нибудь. А теперь ты, Саня, полноценный капитан со своим кораблем. И по большому счету можешь жить как хочешь. А может, даже и припеваючи.

Сидевший за столом неподалеку офицер напрягся, уловив незнакомую речь. Но очевидно, что инструкций на этот счет у него не было, поэтому он ничего не предпринял.

– С чего такая щедрость? – мрачно поинтересовался Саша тоже по-русски. Ему очень не нравилось, когда его используют втемную, тем более люди, которым он доверял.

– Это не щедрость. Это несработавший план, в котором вам отводилась одна из очень важных ролей. А теперь она стала самой важной.

Поскольку Дмитрий замолчал, то Саша спросил:

– Может, пояснишь?

– Придется. К тому же я обещал вам все рассказать. Поэтому открывайте шире уши и приготовьтесь слушать. – Выдержав паузу и переводя взгляд с одного собеседника на другого, Дмитрий продолжил: – Помните Витька, который в прошлый раз неожиданно объявился в Бригесе

и даже отказался общаться с вами, утачив меня с собой для того, чтобы сообщить что-то секретное? – Друзья кивнули. – Так вот. Все дело в том, что два года назад он пропал. Просто исчез, оставив свой магазин на наемного управляющего, а сам отправился в одиночку на Восточный континент (Америка), и где был все это время, никто не знал. – Снова пауза. – Он нашел обратный путь.

Ребята некоторое время молчали, соображая: путь куда? Но потом на их лицах появилась догадка.

– В наш мир? – первым пришел в себя Сергей.

– Именно, – подтвердил Дмитрий.

– Может, он выдал желаемое за действительное?

– Нет. Он показал мне ваши газеты, деньги, вещи. Он был там. Как-то смог выбраться из Штатов, добрался до Камчатки и вернулся обратно, потому что взял с собой слишком мало денег. Местных денег. Сами понимаете, если вывезти отсюда кучу серебряных и золотых монет, то в нашем мире с этими средствами можно стать богачом.

– Где? – выдавил из пересохшего горла Саша.

– У меня есть только словесное описание, – последовал ответ. – Но даже его я сообщить не могу. Не то чтобы я вам не верил, но ставки слишком высоки. Если вы уйдете, бросив меня здесь, то сам я не выберусь. А вытащить меня отсюда не просто, и вы можете пойти на компромисс со своей совестью.

– В чем тебя обвиняют?

– Официальное обвинение звучит как растрата средств, не принадлежащих мне.

– И это, конечно, не так, – иронично заметил Саша.

– Отчасти так, – последовал спокойный ответ. – Но все дело в том, что средства, которые я якобы растратил, все были со мной. И естественно, полностью конфискованы. Но это только официально, по сути, это были именно мои деньги.

– Как это? – не понял Саша.

– Ну, вот смотри. Я дал тебе деньги на корабль, никак это не зафиксировав, и формально он твой. Твое имя вписано во все документы, ты полностью за него отвечаешь. Официально ни через какие суды я отобрать его у тебя не смогу. Но ты как честный человек, несомненно, не станешь возражать, если я попрошу вернуть мне мою собственность. Хотя осадочек останется. Ты как-никак вложил уже в него свой труд, время и нервы во время плавания. Тем более что ты рисковал жизнью. Как минимум должна быть какая-то компенсация с моей стороны. И чем

дольше ты будешь ходить на этом корабле, тем эта больше компенсация будет расти. Или я должен тебе платить жалованье как наемному капитану. Я уж не говорю о твоей доле в трофеях, прибыли и прочем. Обычно все это оговаривается и фиксируется, если люди не занимаются темными делами.

– А ты занимался темными делами?

– Не то чтобы темными, но свое участие в некоторых событиях мои покровители не хотели афишировать. Согласись, фрегат – это не тот корабль, на котором удобно совершать коммерческие рейсы. Можно охранять караваны, чем я и занимался, можно брать небольшие грузы, возить попутно важные донесения. Но главная моя задача заключалась в выполнении деликатных поручений, где было нежелательно участие военных кораблей республики Локрида. Очень удобно! Государство ни при чем, что избавляло его от многих дипломатических осложнений, а как частное лицо я если и переступал закон, то лишь незначительно, и это всегда можно было замять. Тем более что моими услугами пользовались не только в Локриде. Формально и корабль, и многочисленные товары на складах, и вклады в банках – все было моим. Я это честно заработал своим трудом, умом и кровью. И вот эти-то средства я попытался обратить в звонкую монету, чтобы забрать с собой. Я уже привык жить здесь на широкую ногу и не смог бы вернуться домой и снова работать на траулере в разделочном цехе.

– А зачем тогда тебе возвращаться? – удивился Саша. – У тебя есть все, ты богат и при деле. – Но под насмешливым взглядом Дмитрия он смутился, поняв, что говорит если не глупость, то сомнительные вещи.

– Ты совсем здесь одичал уже? – подначил его старший товарищ. – Сань, здесь хоть и не полная отсталость, но все же довольно примитивное общество. Здесь нет никакой техники, многое недоступно. Ты не поверишь, но когда я осознал, что могу вернуться, мне в первую очередь захотелось посидеть с бутылкой пива на диване и посмотреть телевизор. Все равно что! Покрутить фильмы по видеку...

– Нет больше видеков, – оборвал его Саша.

– Как это? – удивился Дмитрий.

– Сейчас все фильмы смотрят в Интернете. Или просто скачивают на комп или на смартфон.

– Да какая разница! – горячо возразил Дмитрий. – К тому же, находясь здесь, я многое понял в отношениях между людьми. Стоило мне только вырваться из привычного круга общения, как пелена спала с глаз. Я уверен, что, даже окажись я дома без гроша в кармане, очень быстро бы поднялся. Но с деньгами это сделать намного проще. И чем больше денег будет с

собой, тем круче будет взлет. Там будущее, а здесь прошлое. Вот и все!

Воцарилось молчание. Все переваривали случившееся и откровения Дмитрия.

– Тогда почему тебя арестовали, если ты забирал только свое? – продолжил интересоваться Саша.

– Люди моего уровня не могут просто так исчезнуть. Нет, теоретически можно отойти от дел, но, скорее всего, это сделать не позволят из опасений, что я солью информацию на сторону или вообще перейду в стан врага. Здесь та еще мафия, только прикрывающаяся красивыми лозунгами о равенстве и справедливости. Под ковром всегда идет страшная грызня, а пешек разменивают, не задумываясь. А я был уже не пешка. Сами понимаете, что внятно объяснить причины своего отхода от дел я не мог, а вздумай открыть истинную причину, тогда меня бы точно оставили при себе. Или убрали по-тихому, если бы посчитали, что связь между мирами слишком опасна. В этом они, несомненно, недалеки от истины. Я же хотел смыться незаметно и там вовсе не собирался кричать на всех поворотах о том, где был все это время. Все были бы счастливы. Разве что местные воротилы лишились бы пронырливого помощника. Ну, да выкрутились бы как-нибудь. Конечно, изъять все свои средства я не мог. Это бросалось бы в глаза. Но часть, несомненно, стоило!

Вот только я недооценил своих покровителей. Они довольно быстро заподозрили неладное, начали следить за мной, потом вставлять палки в колеса, закрывая доступ к остальным средствам. Последнее стало уже очевидно в Метоне, и я понял: надо бежать с тем, что есть. Твой люгер нужен был только для того, чтобы было на чем доплыть до Восточного континента, а фрегат я собирался продать здесь, отпустив заодно большую часть команды с щедрым вознаграждением. Но не сложилось. Наверху решили подстраховаться и попросту арестовали меня, предъявив вымышленное обвинение и подделав документы. Но это сильно насторожило других капитанов. До открытого возмущения дело не дошло, но то, как обошлись со мной, многим не понравилось. Сделай власти еще один неосторожный шаг, и многие бы отказались с ними сотрудничать. Мало кто поверил в предъявленные мне обвинения, все находятся в недоумении. Именно поэтому меня не решились подвергнуть пыткам и просто выжидают, когда все уляжется. Заодно решив понаблюдать за моими людьми. То, что вы попали тоже под наблюдение, можете даже не сомневаться, но тронуть вас побоятся. Корабль стоит копейки, а очередной взрыв недовольства принесет колоссальные убытки. Об истинной же вашей роли не догадывается вообще никто. Сейчас, пока мы здесь беседуем,

Эврида распространяет по тавернам слухи, что вы честные ребята, отслужившие у меня небольшое время, а я вас щедро отблагодарил за особые дела деньгами, на которые вы и купили себе корабль. Но чем бы вы теперь ни занимались, за вами будут следить.

– Да уж. Вляпались дальше некуда, – подвел итог Саша. – Спасибо тебе!

– Не за что, – иронично ответил Дмитрий.

– И зачем ты нас сюда звал? Неужели только для того, чтобы рассказать эту историю? Поставив заодно под подозрение.

– Ну, это же элементарно, Ватсон! – всплеснул руками Дмитрий. – Теперь именно вы должны меня вытащить отсюда.

Друзья с изумлением на него посмотрели.

– Мы должны взять штурмом тюрьму? Или устроить революцию в Локриде?

– Это интересный вариант, но пока что все намного проще. Поскольку ситуация со мной двусмысленная, то мне удалось с помощью адвокатов свести претензии властей к конкретным цифрам. Их тоже подвела спешка и самонадеянность. От фантастических сумм, озвученных поначалу, осталась довольно скромная цифра, закрепленная теперь в официальных документах. Но главное, чего удалось добиться, это то, что я не вор и мошенник, а просто доверенное лицо, допустившее неосторожное обращение с вверенными мне средствами. Конечно, за это тоже могут осудить, и на серьезный срок. Но, во-первых, мое имя очищается от существенной части грязи, которой меня облили, а во-вторых, если кто-то внесет эти деньги в ближайшее время, то меня будут обязаны освободить. Теперь все официально. Разумеется, что после этого моя карьера в Локриде будет закончена.

– Да, так все выглядит лучше, – согласился Саша. – И какова сумма, которая еще висит на тебе?

– Говорю же, – улыбнулся Дмитрий, – она довольно скромная. Чуть больше миллиона.

– Сколько? – удивился Саша. – Чуть больше миллиона? И насколько больше?

– Один миллион двести тысяч и триста серебряных, – продолжая улыбаться, поведал им Дмитрий.

После продолжительной паузы Саша спросил:

– И где мы возьмем эти деньги?

– Часть денег я переправил сразу с Витьком на Эгу. Это остров, где он жил последнее время. Что-то, может, и он подкинет – друг все же. Но

остальное придется заработать. На эти средства вы купите себе нормальный торговый корабль, возьмете к себе остаток моей команды, я подскажу вам, где получить самые выгодные заказы и куда это лучше сбыть. Назову имена и секретные пароли. Если все пойдет как надо, то недостающую сумму вы получите уже через несколько месяцев. Не знаю даже, будут ли меня держать все это время здесь или отправят отрабатывать с кайлом в руках, но чем быстрее я выйду отсюда, тем быстрее смогу подключиться к вам и начать зарабатывать деньги уже непосредственно для себя. Условием передачи денег будет то, что я вам сообщу все, что знаю о точке выхода. Витек ничего не скажет, даже не надейтесь. После этого поступайте как знаете. Хотите – сразу уходите, забрав друзей, хотите – еще денег подзаработайте. Корабль будет ваш. А я уж сам дальше выкручусь.

– А этот Витек что, так и будет ждать все время, пока мы освободим тебя и соберем денег?

– Это вряд ли. Скорее всего, он сдернет сразу, как поймет, что ждать меня слишком долго. Или вовсе не дождется даже вас, если вы будете слишком долго до него добираться. Поэтому вам стоит поторопиться, иначе не получите никаких подъемных, а раскручиваться с люгером будет сложно. И мой вам совет: поспешите. Команда на корабле у вас нормальная?

– Да, но не полная.

– Можете вообще сменить. Я передам Эвриде, и она приведет лучших.

– Нет, после боя с пиратами я уверен в своих людях полностью, – ответил Саша, подчеркнув слово «своих».

– Молодец, растешь на глазах, – похвалил Дмитрий. – Тогда пополняйте провизию и отправляйтесь в путь.

– Нам еще надо продать трофеи. Денег осталось не так уж и много.

– Да, это обязательно. Но не затягивайте.

– Ты так говоришь, будто мы уже со всем согласились! – одернул Дмитрия Саша.

– А куда вы денетесь? – удивился он. – Так и будете возить зерно и древесину здесь, зная, что есть возможность вернуться в свой мир и зажить там королями? Я прожил здесь почти двадцать лет и то не смог устоять. А вы и двух лет не провели. К тому же как минимум один ваш товарищ очень сильно хочет вернуться обратно. И вы оставите все как есть?

Друзья переглянулись и вынуждены были признать, что нет, не оставят. Здесь они чужие.

– А Леонидыч знает? – спросил Саша.

– Знает, – ответил Дмитрий. – Я тогда и ездил к нему посоветоваться.

Вот он возвращаться не хочет. Он человек из другой эпохи, там сейчас для него все чужое. А здесь он уже привык ко всему и видит свое предназначение в жизни именно здесь.

– А что с Колей? Его хоть не тронули?

– Вообще не тронули. Насколько я знаю, даже не допрашивали. Да и не знает он ничего. Мелкий клерк, не более того.

– Мы можем ему все рассказать?

– Смотрите сами. Если уверены в нем, то рассказывайте. Но если он начнет болтать лишнего и о вашем истинном происхождении узнают наверху, то всем нам крышка.

* * *

Выйти из тюрьмы просто так им уже не дали. Наверху их встретил очередной офицер, вежливо попросивший проследовать за ним для беседы с важным лицом. Поднялись на второй этаж и оказались перед охраняемой дверью, где пришлось оставить оружие на столе у дежурного. Тревожно переглянувшись, друзья подчинились. Если бы их хотели схватить, то наверняка бы это сделали раньше, окружив солдатами. В комнате находился пышно разодетый господин с маленькими, но очень внимательными глазами. Когда сопровождавший их офицер доложил ему о прибывших и вышел, господин представился:

– Здравствуйте, меня зовут Аристин, и я советник Первого сенатора республики.

Не зная, как реагировать на присутствие столь высокопоставленного лица, друзья вежливо поклонились.

– Кто вы такие, я в общих чертах знаю, но хотел бы кое-что уточнить. А заодно прояснить лично для вас ситуацию, сложившуюся вокруг вашего покровителя бывшего капитана Кордила. – И, сверля взглядом своих глазок, спросил: – Меня интересует, за что вам были выплачены деньги, на которые вы смогли приобрести корабль.

Опустив голову, Саша лихорадочно соображал, что можно наплести. Несмотря на заверения Дмитрия про их безопасность, он вовсе не был уверен в том, что власти не смогут отнять корабль. В голову ничего не лезло, а обрывки вариантов, которые мелькали, легко проверялись, что могло вызвать осложнения в дальнейшем. Еще толком не представляя, что будет говорить дальше, Саша начал неопределенно, чтобы выиграть время:

– Это несколько деликатная тема, господин советник, и я не уверен,

что стоит ее касаться.

– Молодой человек! – возразил Аристин, возвысив голос. – Согласитесь, выглядит довольно странно тот факт, что капитан Кордил выплатил двум неопытным матросам крупную сумму денег, достаточную для покупки судна. А поскольку затронуты интересы не только высокопоставленных лиц, но и государства, то я вынужден настаивать на подробном ответе!

Немного помолчав и окончательно собираясь с мыслями, Саша поднял голову и невинным тоном ответил:

– Мне удалось посеять сомнения в душе капитана Кордила и открыть ему глаза на суть происходящего.

– Посеять сомнения у Кордила? – удивился Аристин. – Какой неожиданный оборот. И на что же вы ему открыли глаза?

– На то, что он тратит свои силы и жизнь неправильно. Вся эта погоня за богатством ни к чему не приведет.

– Насколько я знаю, – возразил Аристин, – Ипни благоволит к тем, кто еще при жизни смог выделиться среди других своим богатством. Этого добиваются только сильные духом люди, и бог, даруя им богатство, показывает таким образом свое благорасположение.

– Это лишь один из заветов. Но при этом Ипни завещал быть скромным в быту, закалять свое тело лишениями, а душу воздержанием. Но главное, что свои силы надо употреблять на утверждение справедливости и созидание. Для последнего как раз и требуются деньги. Только создав что-то рукотворное и долговременное, можно оставить о себе достойную память в веках. Само же богатство мимолетно и исчезает как дым.

– Ну почему же исчезает? В могилу его с собой не заберешь, но можно передать детям и внукам, обеспечив им счастливую жизнь. Если каждый будет так рассуждать, то все будут счастливы.

– Но это не у всех получается. А главное, память о себе так можно оставить только среди своих прямых потомков. Если же человек создает нечто, чем будут пользоваться все люди и после его смерти, то память о нем сохранится в веках.

Аристин хотел что-то возразить, но передумал и устало спросил:

– И что же он захотел создать? А главное, какую роль в этом играли лично вы, что он вас так облагодетельствовал?

– Я предложил ему идею создания одного механизма, с помощью которого можно заменить труд животных и многих людей.

– Что же это за чудо такое?

– Паровая машина. К ней можно подключать насосы и подъемные

клетки в шахтах, ткацкие, сверлильные и токарные станки на мануфактурах. Можно даже создать корабль, который будет двигаться с помощью этой машины.

– Хм. Я, кажется, слышал про нечто подобное. Как-то давно один бродяга пытался построить похожее в каменоломне. Механизм был совершенно убыточным, и его разобрали.

– Наверно, это был неудачный образец, – спокойно возразил Саша. – Такая сложная машина требует многочисленных опытов и сложных расчетов. Сразу создать рабочий вариант наверняка не получится. А чтобы терпеливо все это воплощать в жизнь, нужно довольно много денег. У Кордила они были. Он загорелся этой идеей, когда я подробно объяснил ему принцип действия. И в знак благодарности наградил меня крупной суммой.

– А откуда вам известен принцип работы такого сложного механизма?

– Я сам придумал, – скромно ответил Саша. – Еще в детстве у меня появились такие мысли, когда я видел крышку на закипающей кастрюле.

– А почему сами не взялись за ее создание? – последовал более заинтересованный вопрос.

– У меня нет денег. А сам я совсем не кузнец.

– Но Кордил заплатил же вам?

– Этого мало. В лучшем случае хватит на одну маленькую и бесполезную модель, которую все расценят как забавную игрушку. И на этом все закончится. А чтобы оставить о себе память в веках, нужен большой размах.

– Выходит, это именно вы являетесь истинной причиной странного поведения капитана Кордила?

– В некотором роде, – ответил Саша, скромно потупив глаза.

Советник молчал, переваривая услышанное.

– Чем планируете заняться? – спросил он.

– Торговлей, чем же еще. Хочу собрать деньги, необходимые для освобождения капитана Кордила.

Брови советника поднялись вверх.

– Это довольно большая для вас сумма. Почему вы хотите так поступить?

– Капитан очень много для меня сделал и многому научил. Я не могу бросить его в беде. К тому же я осознаю, что именно мои слова послужили причиной тех недоразумений, из-за которых он оказался здесь.

– Недоразумений... Вы даже не представляете себе, каких недоразумений. Ваши слова многое объясняют. Как вы думаете, почему он

сам об этом не рассказал? – вперил в Сашу сверлящий взгляд собеседник.

– Возможно, не хотел делиться идеей, опасаясь, что кто-то другой ее реализует.

– Но вы же говорите, что это сложное устройство.

– По-моему, да. Но, возможно, капитан считает по-другому.

Советник снова замолчал, о чем-то размышляя. Приняв какое-то решение, он произнес:

– Молодой человек, ваши слова помогли мне понять часть головоломки, но боюсь, это только вершина айсберга. Тем не менее я вам признателен за то, что не стали ничего скрывать. Вы свободны и можете заниматься чем пожелаете. Но вы меня заинтересовали. Не хотите рассказать мне принцип действия вашего механизма? Я обладаю гораздо большими средствами и влиянием, чем капитан Кордил.

Саша задумался, а потом ответил:

– Если вы, господин советник, будете способствовать освобождению капитана, то я готов вам изложить все, что знаю, прямо сейчас. Но предупреждаю, что это только принцип работы, за которым скрывается много мелких технических трудностей и расчетов для каждой конкретной задачи.

– На это я пойти не могу, к сожалению, – ответил Аристин. – Во-первых, капитан Кордил насолил слишком многим влиятельным людям. А перипетии судебных заседаний только ожесточили их. А во-вторых, боюсь, что вы все же недостаточно знаете своего опального покровителя, и причины его поведения могут оказаться намного глубже. Просто так выпускать его на свободу сейчас опасно.

– Но я же собираюсь внести за него деньги. Или этого будет недостаточно, чтобы его освободить?

– Не буду вас посвящать во все тонкости политики, но дело не в деньгах, поверьте. Впрочем, к тому моменту, как вы сможете предоставить оговоренную сумму, ситуация должна измениться и мы выпустим узника.

– Могу я надеяться, что он останется хотя бы здесь, в этой тюрьме?

– Конечно. Куда же его еще девать?

– И его не отправят на каменоломни?

– Нет конечно. Кто вам сказал такую глупость? Таких людей принято держать рядом, под пристальным наблюдением. А с каменоломни он сбежит в два счета, – улыбнулся советник. – Все, я вас больше не задерживаю. Можете идти, спасти своего капитана. Но помните, что мои двери всегда открыты для вас. Обращайтесь, если возникнут новые мысли. Может, чем-то и помогу.

- Какие двери? – не понял Саша.
- Эти, капитан Ассар! – назвал Сашу местным именем советник, показывая на комнату руками.
- Благодарю за честь, – сдержанно ответил Саша и, поклонившись, вышел. Сергей, также отвесив неловкий поклон, направился следом.

* * *

Наконец-то покинув стены тюрьмы, друзья отправились на поиски Коли, вскоре обнаружив его на том же складе, где и раньше. Но товарищ был по уши в делах и просто так надолго не мог отлучаться. Договорились о встрече вечером у него на квартире – небольшой комнате, которую он снимал неподалеку. А сами отправились в порт.

Люгер стоял на месте, весь экипаж находился на борту, поскольку в спешке Саша не выдал им денег, а без них сходить на берег не было смысла. Для начала решили заняться продажей пушек и остальных трофеев. Половина экипажа во главе с капитаном отправлялась на корабле к арсеналу продавать пушки, а остальные, тоже поделившись, под предводительством Сергея и Гликеи соответственно пошли реализовывать остатки оружия и прочих вещей. В арсенале Сашу ждал крупный облом. Все дело в том, что захваченные пушки принимались по значительно более низкой цене, чем он рассчитывал. Объяснялось это тем, что их ресурс составлял примерно 500–600 выстрелов. После этого они могли разорваться в самый неподходящий момент. Конечно, очень приблизительно можно было оценить степень их изношенности по состоянию ствола. Но по большому счету они принимались только на переплавку. Минус навар владельца арсенала, заводчика, затраты на отливку и сверление и опять навар заводчика и владельца арсенала. Поэтому цена приемки старых была раз в пять ниже, чем продажи новых. И если Саша первоначально рассчитывал получить за них по восемь сотен, то пришлось отдать по сто пятьдесят, выручив всего полторы тысячи. Когда все было закончено, собрались у арсенальной пристани и под парусами не спеша перебрались к основным причалам. Там и произвели окончательный раздел долей. Плюс к этому Саша выплатил всем обещанное двойное жалование. Коиса и треть команды оставили на судне, а остальных отправили на берег отдыхать, предупредив, что дальнейшая судьба еще неизвестна точно, но, скорее всего, кораблю предстоит длительное плавание, поэтому капитан на них рассчитывает.

Когда наконец встретились с Колей в спокойной обстановке, то сначала рассказали ему о своих приключениях, а потом и о причине, вызвавшей их, – обнаружении обратной дороги в свой мир. Естественно, товарища это известие очень взволновало, но, осознав, насколько сложная интрига вокруг этого закручивается, он приуныл.

– Ребята, вы же не бросите меня здесь одного, когда найдете эту дурацкую дырку? – тоскливо спросил он.

– Ты с ума сошел? – возмутился Саша. – Даже не думай от нас так просто отделаться. Подобный вариант возможен только в одном случае. Если ты твердо заявишь нам, что категорически отказываешься возвращаться.

– Я похож на идиота? – спросил Коля, немного обидевшись.

– А я похож на гада? – в тон ему ответил Саша.

И все засмеялись. Дальше разговор перешел в конструктивное русло, и стали выяснять, как Коля может помочь в добывании денег, находясь на берегу. И тут же выяснилось, что очень сильно. Начиная от того, что они поторопились, реализовав трофеи в порту. Коля знал, где все это можно сбыть более выгодно. Кроме того, он хорошо владел информацией о сезонной закупке и реализации многих товаров, знал поставщиков и покупателей, поэтому являлся неоценимым кладезем в плане того, как наиболее эффективно сорвать куш. Оставался Игорь, о котором поступали только отрывочные сведения, что живет он в селе и все у него хорошо. Решили пока не тревожить его, потому что по большому счету они действовали на основании чужих слов. А поняв, что интриги здесь плетутся очень серьезные и люди, если даже не врут, то как минимум говорят не все, полной уверенности в конечной цели ни у кого не было. В любом случае решили первым делом рвануть за пресловутым Витьком. Поговорить с ним и попытаться получить с него подъемных денег, если Дмитрий не ошибся в своем товарище.

На следующий день состоялся разговор с командой. Саша намеревался как можно скорее отправиться на Эгу – отдаленный остров у берегов Восточного континента. Посмотрев по карте, он опознал его как Кадыак. Городок, где следовало искать ценного человека, тоже был известен. Но команда заколебалась. Все дело в том, что приближалась зима со своими штормами. А в тех краях вообще было прохладно. (Америка, в отличие от Евразии, осталась в этом мире на месте. Несмотря на то что берега там тоже омывались водами теплого южного течения, климат был холоднее из-за более северного расположения.) Попытались снова выманить у него обещание двойного жалования, но Саша сразу отказался, сославшись на то,

что денег у него не так уж и много осталось, а плавание само по себе не коммерческое. И вообще, деньги теперь надо было экономить и зарабатывать. Тем не менее никто не отказался. Разве что предстояло пополнить команду до комплекта.

Эта проблема решилась сразу, поскольку к моменту завершения разговора на берегу показалась хорошо знакомая долговязая фигура Эвриды, направлявшаяся напрямиком к кораблю. Она уже побывала с утра в гостях у своего бывшего капитана и знала о том, куда собирается Саша. И вообще о том, что он будет вытаскивать Кордила из тюрьмы. А потому с ходу предложила себя в команду и помощь в подборе недостающих. Сначала Саша заколебался:

– Слушай, у нас маленькое судно, и я пока не планирую заниматься героическими поступками в стиле Кордила. Мне нужны палубные матросы и канониры на всякий случай. А вот абордажники, тем более такого уровня, как ты, мне вроде как и ни к чему.

– Ассар, – назвала она его местным именем, – даже если ты планируешь вести жизнь исключительно мирного торговца, это вовсе не означает, что тебе не нужна хорошая шпага на палубе и меткий, хоть и единственный, глаз. Рано или поздно, но тебе придется драться. Такая уж тут жизнь, – улыбнулась Эврида. – К тому же я вовсе не пытаюсь навязаться к тебе в команду в качестве бесполезного едока на всякий случай. Начинала я как раз с парусов, и поверь, ничего не забыла. Разве что годы дают о себе знать и нет уже той легкости в теле, что раньше. Но на твоём люгере не надо скакать по вантам обезьяной, а с палубы я всегда смогу потянуть фал или брас. Ну а если придется все же помахать шпагой, думаю, ты не сомневаешься, что лучше стоять рядом со мной.

– Это меняет дело, – обрадовался Саша. – Тогда прошу пожаловать на борт. Жалованье стандартное.

– Да, капитан, – ответила Эврида, подтянувшись. – Сколько еще человек не хватает?

– Еще девять. Если бы ты нашла парочку хороших канониров, то это было бы подарком судьбы.

– Без проблем, – последовал бодрый ответ.

– И Архилла поищи. Привык я к нему.

– Само собой.

И Эврида легко сошла по трапу, направляясь в сторону портовых кабаков. «Интересно, сколько же ей лет?» – подумал Саша, провожая ее высокую жилистую фигуру.

Глава 11

Забив трюмы продовольствием и водой, люгер «Арабелла» вышел из гавани Бригеса в середине девятого месяца. Даже до начала местной зимы оставалось чуть больше полумесяца. Предстояло еще пересечь воды холодного течения, а конечная цель путешествия находилась примерно на десять градусов севернее. Цепь Делосских (Алеутских) островов на карте выглядела здесь совсем по-другому. Если в нашем мире она располагалась красивой дугой, в своей середине опускаясь на юг, то здесь она шла от берегов Кинурии (Камчатки) до Восточного континента (Америки) почти на северо-восток и прямо. Вся цепь, и «Командорские» острова, и собственно «Алеутские», была вытянута в ровную линию. Это объяснялось геологическим происхождением этих кусочков суши, расположенных на стыке океанской плиты с котловиной «Берингова» моря. И если плиты поменяли свое положение, то и острова поднялись в других местах. Сказать наверняка невозможно, но, скорее всего, контуры этих островов сильно отличались от своего известного прототипа. Но в целом они остались. Остался и остров Кадьяк, здесь именуемый Эга.

Для плавания в холодных водах Саша запасся для команды теплыми куртками и свитерами, войлочными шапками и даже меховыми рукавицами. Немалое место в трюме занимали и дрова, которые теперь предстояло использовать не только для готовки пищи, но и для обогрева. В связи с этим планировалось несколько промежуточных стоянок на островах, прежде всего для пополнения именно этого запаса. В трюме, а также в капитанской и штурманской каютах были установлены жаровни, куда можно было подбрасывать угли. Разумеется, что в связи с этим на судне повышались меры против возникновения пожара. Назначался специальный следящий за этим огненным хозяйством, и дежурные ведра с водой ему в помощь. Также был серьезно пополнен запас коньяка и вина, из которого можно было варить глинтвейн. Собственно, этими напитками было занято все оставшееся свободное место в трюме, поскольку часть из них капитан был намерен продать в тех холодных землях, куда направлялся. Зимой на такие товары там должен быть особенно большой спрос.

На старте погода была хорошая. Жара спала, ветер дул с юга, шли хорошо, от острова к острову. Поскольку все было относительно спокойно, то Саша возобновил свои занятия фехтованием с Эвридой, в которые

вскоре втянулись и Сергей с Гликеей. Хотелось привлечь к этому вообще всех, но места на люгере было так мало, что намерение осталось только благим пожеланием. Зато устраивали тренировочные стрельбы из ружей и пистолетов по тащившемуся за кораблем бревном на веревке. Эврида отнеслась с большим одобрением к стрелковым талантам штурмана. Архилл подчеркнуто не пытался оспаривать лидерство Коиса среди команды, и вскоре два морских волка прекрасно поладили.

Проблемы начались после того, когда миновали «Атту-Айленд» и приблизились к водам холодного течения. После штиля в течение половины дня подул слабый северный ветерок, который принес сплошную пелену густого тумана. Видимость упала метров до десяти, на палубе начали звонить в колокол, чтобы не налететь по закону подлости на встречное судно. Но оставалась еще возможность воткнуться носом в какую-нибудь скалу или остров, если туман не кончится, а следовать они будут прежним курсом. Стали думать, как двигаться дальше. Все дело в том, что впереди находилась большая область, где встречалось холодное течение с севера и теплое с востока. Там возникали чудовищные водовороты, да и сама по себе встреча двух потоков могла опрокинуть корабль. Обычно эту область обходили с севера, просто двигаясь вдоль островов. Но сейчас малейшая неточность в курсе могла привести к столкновению с суши. Ничего не видно, ориентиров нет. Компас, конечно, показывает направление, но проверить возможный снос судна в сторону не было никакой возможности, а оценить расстояние по лоту при неравномерном ветре можно было только очень приблизительно. Довернуть на север означало встать против ветра. Пришлось брать курс на северо-запад, ложась в бейдевинд, и выходить из района островов на просторы «Берингова» моря.

Выскочив из полосы тумана, определили свое положение и двинулись дальше на северо-восток, параллельно островам, но значительно севернее. Скорость была небольшая, и плавание затягивалось. Когда вышли на холодную воду, то у «отсыревшего» экипажа зуб на зуб не попадал, спасались короткими вахтами и глинтвейном в трюме у печки. А потом задул буквально ледяной ветер, от которого и паруса дубели. И этот ветер с каждым часом становился все сильнее и сильнее. Туч не было, только отдельные облака, но волны стали подыматься очень приличные для маленького люгера, на котором пульсировала теплая жизнь сорока человек. Стало ясно, что их опять сносит к островам. И если так продолжится и дальше, то по расчетам они неизбежно попадут в область встречи двух течений, где их скорлупка не имела никаких шансов выжить. Снова

посоветовавшись, решили пойти на юг, чтобы обойти этот обширный район, а потом уже просто преодолеть единое холодное течение и подняться в более высокие широты, к островам.

В этом районе на островах почти не было людей. Холодно, сыро, растительность чахлая, леса мало. Здесь даже летом не было нормального тепла. Единственное, что привлекало здесь моряков, – это до сих пор не истощенные лежбища морских животных. В том числе и моржей, клыки которых высоко ценились в Империи. На одном острове видели стоянку зверобоев.

Два дня почти с попутным ветром корабль несся на юг. По-хорошему, им теперь надо было поворачивать на восток, но тогда они подставляли борт довольно высоким волнам, что само по себе было опасно. Поэтому взяли на юго-восток, а в промежутках между валами рыскали на восток. Это сильно выматывало команду, но так они все же продвигались в нужном направлении. При этом один человек всегда вглядывался вперед, высматривая там возможные водовороты. Область встречи течений была очень расплывчатой и постоянно менялась. Но им повезло, корабль все же вышел из основной струи, судя по изменившемуся цвету воды и уменьшившимся волнам. Вскоре повернули прямо на восток, а потом взяли курс и на северо-восток. Теперь предстояло вернуться к островам, но при северном ветре это было проблематично. Впрочем, решили не спешить, ведь до конечной точки путешествия в любом случае было еще далеко. Наиболее интенсивно расходуемая часть припасов – дрова – была еще в достатке, и не было необходимости срочно искать сушу.

Этот отрезок пути всем запомнился одним – холодом, который пронизывал до костей. Вокруг печек и жаровен постоянно висели сохнувшие куртки, штаны и свитера сменившейся вахты. А носки добавляли незабываемый аромат. Спали одетыми, ни о каких водных процедурах не могло быть и речи. Только слегка умыться и почистить зубы подогретой водой. Когда ветер все же поменялся на восточный, то немного потеплело, и двинулись на север. А добравшись до островов, встали на отдых в небольшой необитаемой гавани, где пополнили запас дров и пресной воды.

Конечно, всем было несладко во время этого трудного перехода. Но Гликее первый раз была в этих водах и первый раз в своей жизни так жутко мерзла. Все это произвело на нее неизгладимое впечатление. Она осунулась, губы потрескались, нос был всегда красным то ли от холода, то ли от выпитого глинтвейна. А днем, стоя на палубе, она шептала молитвы, обращаясь к солнцу. Случайно это услышав, Саша понял, что может вскоре потерять штурмана и Гликеею как человека и женщину. Он все больше

убеждался, что эта девушка тоже что-то для него значит, и ему... нравится оберегать ее и заботиться о ней.

– Оно не услышит, – тихо сказал он, встав рядом. – А если и услышит, то боги не совершают свои дела так быстро, как нам хотелось бы. Тебе надо теплее одеваться и больше двигаться. Это помогает согреться.

– У меня больше нет сухих вещей, – упавшим голосом ответила Гликее.

– Пойдем вниз. Я дам тебе кое-что из своих запасов.

Девушка посмотрела на него с недоумением, но подчинилась. А Саша распотрошил свой рюкзак, достал чистое термобелье и трекинговые носки. Все это он вручил ей, наказав немедленно пойти переодеться в своей каюте, и объяснил, что эти вещи надо надевать непосредственно на голое тело.

Но в целом она держалась, исправно выполняя свои штурманские обязанности. Саша как мог ее подбадривал, рассказывая разные истории, в основном переделанные на местный лад прочитанные книги. Иногда, как это было здесь заведено, они пускались в пространные рассуждения о смысле человеческого существования, поиске истины и справедливости. Как выяснилось, Гликее являлась очень начитанной девушкой, но в голове у нее творилась такая каша, что было очевидно: она сама не знает, чего хочет. Хотя нет. Одно желание в ней просматривалось однозначно. Ее тянуло к Саше, но девушка явно была смущена тем, что он, по сути, отверг ее тогда, во время разговора на палубе после боя. А поскольку причин она не знала, то списывала все на свою внешность, что ввергало ее в еще большую тоску. А разговаривать с капитаном было интересно. От него веяло новыми, необычными мыслями, которых она не встречала здесь нигде. При этом многие его суждения были удивительно здравыми, вселяющими уверенность. Но не всегда. В чем-то и он терялся, потому что тоже что-то искал и не мог пока определиться.

Плавание длилось двадцать шесть дней. И за это время они преодолели тысячу восьмьсот миль. Это если не учитывать все их зигзаги и смену курса. Остров Эга был большим, а искомый городок находился на его восточном побережье в надежной гавани. Здесь царила настоящая зима, берег был завален снегом. Еще в порту уточнили, здесь ли проживает торговец Витгет. А получив подтверждение и точное описание его дома, сразу отправились к нему в гости вдвоем с Сергеем.

Здание было сложено из толстых бревен в два этажа, из трубы валил белый дым. Значит, хоть кто-то в доме есть. На первом этаже располагался магазин, встреченный управляющий отнесся к ним настороженно, тут же

позвал двух амбалов, один из которых остался внизу, а второй пошел наверх докладывать. Но вскоре пригласил их туда. Указав на дверь, уселся рядом. Витя находился в жарко натопленной комнате, расположившись за широким столом. Оглядев гостей, с ходу поинтересовался:

– Где Дмитрий?

– Его арестовали. Сидит в тюрьме, – ответил Саша, изучая лицо собеседника. То, что перед ним мелкий жулик, не вызывало никаких сомнений. Болезненное предчувствие, что никаких денег они здесь не получают вообще, настойчиво стучалось в голову.

– А за что? – спокойно спросил Витя, держа руки под столом, словно речь шла об обычных делах.

– Он попытался забрать слишком много денег, и это кое-кому не понравилось.

– Раскололся?

– Нет. Мы вместе сочинили правдоподобную версию, но ему до конца не верят.

– А вам?

– Трудно сказать. Но задерживать не стали. Корабль у нас маленький, не стали мारаться о такие копейки. Многие капитаны за Дмитрия, ситуация в Локриде довольно напряженная. Его можно вытащить. Нужны только деньги.

– Они всегда нужны, – философски заметил Витя. – Бабло вращает эту землю.

– Если соберем миллион двести, то его отпустят.

– Чего так дешево? Мне он пел про несметные богатства.

– Нет больше никаких богатств. Все отобрали. Но его надо вытаскивать.

– У меня нет денег.

– Как это? – удивился Саша. – А он нам сказал...

– Мало ли что он сказал. Вы думаете, отсюда можно так просто уйти? Да и там нужны опять деньги. В Штатах я никому на фиг не сдался, вида на жительство не дают. А это значит, что надо выбираться обратно в Россию, причем нелегально. А это дорогое удовольствие. И на жизнь надо что-то оставить. Миллиона у меня все равно нет, даже если трусы продам. А уходить отсюда без гроша в кармане я не собираюсь. Жалко, что так вышло. Но, видать, не судьба. – И Витя задумчиво замолчал.

– Как вернуться обратно? – тихо спросил Саша.

– Мне не нужны попутчики, – продолжая думать о чем-то своем, ответил Витя.

– Мы сейчас не пойдем. Все равно сначала надо Дмитрия вытащить.

– Вот и вытаскивайте. Он все знает.

– А ты?

– А я пас, – мрачно ответил Витя. – Надоело мне все. Сил больше нет. Я уйду.

– Дай хоть немного денег. Не для себя же просим, – попытался выклянчить Саша.

– Да пошли вы! – вдруг разозлился Витя. – Я вас вообще не знаю. Получите деньги – и смаетесь.

– А Дмитрий? Тебе на него совсем наплевать?

– А это не твое дело!

– Ты же нас видел. И Дмитрий тебе наверняка про нас все рассказал.

– Пошли вон, – коротко сказал Витя.

Уходить очень не хотелось. Мало того что весь первоначальный план рушился, так еще и разговор не клеился. А так хотелось расспросить Витю о том, что происходит в их мире, может, получить хоть какие-то намеки на обратный путь. Саша некоторое время сверлил собеседника взглядом, но тот не отводил круглых водянистых глаз, и в них не было ни малейшего намека на желание продолжать беседу. Оставался последний вариант. Саша попытался резко выхватить из-за пояса пистолет, но, едва схватившись за рукоятку, замер – ему в лицо смотрело дуло современного оружия. Это был не «макаров», а что-то другое. Возможно, даже заграничное. И это наглядно свидетельствовало о том, что Витя побывал в их мире.

– Не советую, – мрачно проговорил он. – Следить тут я не хочу, поэтому не вынуждайте меня. Проваливайте.

Немного постояв, друзья медленно вышли через дверь задом.

– И чтобы я вас больше тут не видел! – раздалось вслед. – Пристрелю как собак!

Это было обидно. Сопя, друзья вышли на улицу и медленно побрели к порту. По всему выходило, что они проделали такое длительное плавание практически зря. Угробив кучу денег, ничего не получив и даже не узнав.

– А может, собрать команду и разнести этот домик по бревнышку? – предложил Сергей.

– Нет, не вариант, – последовал ответ.

– Мы так и уйдем? – мрачно спросил товарищ.

– А что делать? Даже просто дом штурмовать – это значит как минимум прибить этих двух амбалов, которые выполняют свою работу. Управляющий и бог весть кто еще под руку попасть может. Люди сбегутся. Кто-то да выстрелит в бандитов. А мы станем по сути бандитами. Можно

подождать в гавани. Когда-то же этот хореk поплывет на континент? И на чем-то. Но это уже пиратство. Даже если корабль будет нам по зубам, то совершенно точно пострадают вообще невинные люди, которые будут просто везти пассажира. Ты готов через все это переступить? И, кстати, что ты будешь делать со свидетелями? Как и подобает пирату, всех за борт? И все ради того, чтобы отнять деньги. А кстати, сколько ты планируешь отнять, чтобы не сильно мучилась твоя совесть? Или раз уж такое дело, то забирать все, до чего сможешь дотянуться?

Сергеа ошарашенно молчал после такой красочной и детальной перспективы. Но сдаваться все же не хотел так просто:

– А может, ночью тихонько?

– Это только в фильмах хорошо получается, – грустно махнул рукой Саша. – Как ты в дом проникнешь?

– Ну... надо понаблюдать...

– Сергеа! Тут маленький городок, все друг друга знают. Любой наблюдатель будет как бельмо на глазу. И у Витька, кстати, тоже.

– Ну и что? Стоит человек, любуется окрестностями.

– Ладно. Проник ты ночью в дом. Дальше что? На цыпочках будешь искать по всему дому Витька? Там половицы везде скрипят. Я это заметил. Кого-нибудь обязательно разбудишь. А даже если нет. Найдешь ты его, мирно спящего. И? Приставишь нож к горлу, типа, отдавай золото, Буратино? А он тебя пошлет куда подальше! Убьешь? За деньги, к которым лично ты не имеешь никакого отношения? Тогда проще сразу Веселого Роджера поднять, и то честнее будет.

После затянувшейся паузы Сергеа тихо спросил:

– Как мы вернемся?

– Вернемся. Сначала Дмитрий. В любом случае его надо вытаскивать, даже если он на самом деле ничего не знает. А потом все же покрутиться в этих местах. Этот Витек как-то же узнал об обратном портале? Значит, были какие-то необычные слухи, рассказы. Для местных это может ничего не значить, страшилка какая-нибудь. А нас такие истории обязательно насторажат. И всех делов-то! Походим, поищем, но обязательно найдем! – оптимистично закончил Саша.

– Долго это может продолжаться, – заметил Сергей.

– Долго. Зато совесть будет чистая, а это уже немало. А то будут кровавые мальчики по ночам сниться, тогда и вспомнишь, что я был прав, да поздно будет!

Команда по большому счету ничего не знала о цели их длительного и опасного путешествия. Формально они забрались сюда для важных

переговоров с нужным человеком для помощи в освобождении из тюрьмы капитана Кордила. Когда друзья поднялись на корабль, Эврида сразу поинтересовалась об успехах. Саша молча покачал головой и выдал итог – рассчитывать теперь надо только на себя. Это огорчило женщину, но ей однозначно понравился настрой капитана. Первым делом на берег отпустили две трети команды, наказав узнать, где тут можно нормально помыться. От всего экипажа после длительного зимнего плавания ощутимо пахло. Заодно было не лишним договориться с кем-то, чтобы устроить массовую стирку одежды – на корабле, в стесненных условиях и при холоде, это было проблематично. Ну, и предстояло решить, с чего начать сколачивание капитала. Жалованье команды (включая Гликю) за прошедшее плавание составляло четыре тысячи четыреста двадцать серебряных, и это было почти все, что они выручили за трофеи в Бригесе. Оставалось еще около пяти тысяч, но это, по сути, на обратный путь. Что-то можно выручить за излишки коньяка и вина, но спешить с этим не стоило, чтобы не попасть впросак. Надо было подумать, чем загрузить корабль на обратный путь, чтобы начать хоть как-то окупать его содержание. А еще лучше – получить прибыль.

Весь следующий день был посвящен отмыванию личного состава корабля в специальных моечных при единственной гостинице. Грели воду в больших котлах и совершали омовение из тазика. За дополнительную плату можно было заказать отдельную бочку. Но Саша теперь трясся над каждой монетой, а потому обошелся минимальным вариантом. А вот Гликю несколько часов отмокала в персональной емкости, за свой счет, разумеется, наконец-то почувствовав себя человеком. Там же договорились с прачками о стирке одежды.

Стоянка затягивалась минимум на два дня, пока все просохнет. Да и экипажу нужен был отдых. За это время Саша попытался осторожно навести справки о ценах на спиртное, а также о товарах, которые можно было недорого здесь купить. Что-то он специально узнавал в Бригесе у Коли, но сколько они должны стоять здесь, не имел не малейшего понятия. Приходилось ориентироваться чисто сравнительно. Но в целом начала вырисовываться картинка местной жизни. Эга (Кадьяк) была перевалочным пунктом. Сюда свозили добываемые в округе моржовые клыки, китовый ус, тюлений жир и мех. А с материка – шкуры других животных. Плюс товары, имевшие местное значение: рыбу и небольшое количество продуктов земледелия. Благодаря более теплomu течению в долинах материка на южных склонах гор летом можно было что-то вырастить. Урожаи небогатые, но поскольку доставка из Элои и Кинурии была очень длинной

и дорогой, то люди кое-что сажали, в основном овощи. Также держали домашних животных. Например, шерсть дикари с севера охотно меняли на шкуры. Кроме того, мимо Эги проходил торговый путь в более южные районы Восточного континента, корабли заходили именно в этот основной порт, пополняя запасы продовольствия, закупались здесь на складах северными товарами, продавали привезенное, а уже отсюда оно расходилось по окрестностям, в том числе и на материк.

Сейчас кораблей в порту не было вообще, кроме пары небольших тартан и нескольких баркасов. Для местных нужд с их невеликими объемами перевозок этого было достаточно, а суда из дальних стран редко совершали плавания в эти края зимой. И, исходя из этого факта, можно было надеяться, что удастся и хорошо распродаться и закупиться. Вот только размеры трюмов не позволяли развернуться. По продаже коньяка и вина все обстояло не очень радужно. Да, зимой здесь было мало кораблей, но поставки были неплохо налажены, и за осень склады обычно забивались товарами под завязку. Вот ближе к весне иногда возникал дефицит. Но вечером второго дня, когда Саша, Сергей и наконец-то оттаявшая Гликеея ужинали в таверне, к ним подсел за столик торговец с северной стороны острова. Обычно он возил сюда местные товары, продавая оптовикам на склады. Что-то по суше, что-то по морю. Как получится, своего корабля у него не было. Сейчас он как раз привел небольшой санный обоз, груженный шерстью, присматривал, что взять на обратную дорогу, и узнав, что на стоящем в гавани корабле есть крупные «излишки» алкоголя, предложил их все скупить. Цену он предлагал немного ниже, чем Саша рассчитывал, но существенно выше, чем местные перекупщики. А когда Саша начал выяснять, чем еще там можно разжиться, то узнал, что это тюлений жир и шкуры, которые несколько подвисали в отдаленном поселке. Выиграть в цене можно было как минимум за счет стоимости доставки в Эгу. Договорились на том, что завтра они вместе и отправятся в этот поселок вместе, сгрузят там вино и коньяк, а заберут местные товары.

Едва торговец ушел, откуда-то из глубины зала появился Витя в расстегнутой шубе и направился напрямиком к столику, за которым сидели друзья.

– А ты странный, – без предисловий начал он, усаживаясь на свободный стул. – Даже не попытался вломиться ко мне в дом.

– Пошел вон, – процедил сквозь зубы Саша.

Витя вскинулся было и хотел ответить что-то резкое, но осекся, молча глядя перед собой. Через некоторое время произнес:

– Портал находится по другую сторону хребта. Проблема вся в том,

что обитающие там аборигены полные дикари и неровно дышат к элоям. Одиночные путешественники или небольшая группа представляют собой желанную добычу для бродячих шаек, а крупный отряд воспринимается как вторжение. Договориться практически невозможно.

Поскольку возникла пауза, Саша поинтересовался, сохраняя пренебрежительный тон:

– Я-то чем могу помочь?

– Ничем, – пожал плечами Витя. – Просто любое увеличение численности отряда вызовет подозрения. А присутствие женщин вообще может сорвать у кого-то крышу. Аборигены даром что белые, нравы там примитивнейшие. Своих баб они вообще ни во что не ставят, а вот элоек очень ценят, правда, на свой манер. Каждый вонючий варвар мечтает обзавестись женой элойкой, заперев ее в хлеву. – И, помолчав, Витя поднял уставшие глаза на собеседника: – Это все лирика. Оправдываться я перед тобой не буду, но прежде, чем я отсюда исчезну, хочу кое-что сделать для тебя. Тем более что мне это практически ничего не стоит. Свой магазин я переписал на управляющего, получив с него немного денег. Но поскольку он еще чувствует себя обязанным мне, то не откажет в последней услуге. Тем более что это принесет ему прибыль. В общем, можете смело заходить к нему, и он даст вам хороший фрахт. Или просто продаст груз по сходной цене.

– С чего такая забота? – поинтересовался Саша.

– Ни с чего. Считаю, что я хочу облегчить свою совесть. – И, помолчав, встал. – Все. Надеюсь, у тебя хватит ума не гоняться за мной по морю?

– Плыви, хрен с тобой, – равнодушно ответил Саша, поняв истинную причину доброты собеседника. Он реально боялся, что люгер бросится за ним в погоню и возьмет на abordаж суденышко, которое будет перевозить его на континент. А поскольку крупных кораблей в гавани не было, то вероятность такого расклада была велика. С точки зрения Вити. А так все чисто получится. Люгер загрузится товаром и уйдет обратно. А Витя со спокойной совестью отправится по своим делам.

На том и расстались.

– Это и был тот самый человек, к которому мы плыли через океан? – поинтересовалась Гликья.

Саша молча кивнул

– Неприятный человек, – высказала она свое мнение. – Я так понимаю, ожидания не оправдались?

– Почти нет. Но сути это не меняет. Надо вытаскивать капитана Кордила. Просто это теперь будет немного сложнее.

– Ты из его команды?

Саша опять кивнул.

– Но почему этим занимаешься ты, а не другие офицеры?

– Потому что я считаю, что это надо делать. А остальные, очевидно, нет.

– Ты точно не храмовник? Некоторые твои поступки слишком правильные. И говоришь иногда странные вещи. Словно ты очень близок к богу, но держишь дистанцию.

– А что в этом странного? – тихо возразил Саша, думая о чем-то своем. – Любой атеист, живущий по совести и не ожидающий за это небесной награды, гораздо ближе к богу, чем верующий лицемер.

Гликеея уставилась на него изумленными глазами, но ничего не сказала, переваривая очередную неожиданную мысль, что выдал ее капитан.

* * *

На следующее утро отправились в магазин Витька, который уже, кстати, исчез. Управляющий светился от радости, наконец-то ощутив себя полноценным хозяином, и был сама любезность. Вот только цены, которые он предлагал, мало отличались от принятых в городке. Саша начал было уже подумывать о том, чтобы просто сплавать в поселок на другой стороне острова, но собеседник, очевидно что-то почувствовав, неожиданно предложил интереснейшее дело. Суть заключалась в том, что коменданту местного форта нужен был корабль для доставки важного груза на континент. Но не на ближайшее побережье, а далеко на юг, во владения королевства Глафиар. А за такие рейсы, как правило, очень хорошо платили.

– А в чем ваш интерес? – спросил Саша. – Долю хотите?

– Нет, что вы! – удивился бывший управляющий. – Все проще. Крупный корабль, скорее всего, появится только весной, а груз надо доставить как можно скорее. Просто вас здесь никто не знает, поэтому до сих пор никто и не обратился. А если вас отрекомендую я, то это будет совсем другое дело. Мой интерес в том, что это будет услуга за услугу. Я смогу получить подряд на поставки продовольствия гарнизону. Деньги небольшие, но стабильные и с минимумом усилий.

– А вы готовы мне довериться и поставить свою репутацию на карту?

– Есть небольшой риск, конечно, но, судя по вашему поведению после ссоры с Витгетом и по тому, как он вас после этого отрекомендовал, вы

честный человек. И, кажется, неискушенный в торговле. Поэтому я готов доверить вам свое имя. К тому же если все пройдет удачно, то мы можем и продолжить наше сотрудничество. И речь будет идти о более существенных скидках на местные товары. Ну, так что, хотите попробовать?

– А что за груз?

– Этого я не знаю. Но думаю, какое-то оружие.

После этого они вместе отправились в форт, который стоял в стороне от поселка на мысу. Комендант в чине капитана армии Локриды был утром с хорошего бодуна. Судя по всему, зимой местным воякам делать было вообще нечего, и гостей он не ждал. А может, это было его естественное состояние. Но, осознав, чего от него хотят ранние посетители, он тут же взбодрился усилием воли и глотком вина из открытой бутылки, звучно рыгнул, и глаза обрели осмысленное выражение. Предлагалось взять на борт большой груз боеприпасов и доставить их в форт Эвера – крупного поселения союзного Глафиара, где обострились отношения с аборигенами. За прошедшее лето они здорово потратились во время боевых действий, во время которых сильно пострадал даже сам город. Плата за рейс была более чем щедрой – двести золотых монет, что равнялось двадцати тысячам серебряных, которые должен выплатить комендант глафиарского форта по прибытии. Но и объем груза был велик. Саша уже начал лихорадочно прикидывать в уме, от чего надо избавиться в трюме, чтобы все поместилось. По всему выходило, что это предельный объем, но упускать такой куш очень не хотелось. После секундного колебания он согласился и пообещал в течение дня подвести корабль под загрузку. Был, конечно, червячок сомнения, что по прибытии его попросту кинут. Но если такие вещи происходят даже на уровне межгосударственных поставок, то, значит, в этом мире он ничего не добьется честным путем.

На причале его уже ждал вчерашний торговец, вместе с которым они и поднялись на борт. Оглядывая трюм, Саша прикидывал, что можно продать, а что нужно оставить. Провизии было немного, и она всегда помещалась на стеллажах напротив печки. Это можно оставить. А вот от бочек с алкоголем предстояло избавиться, оставив какую-то часть для команды. Поскольку теперь на первое место выступала именно компактность, то вино он решил продать все, а для команды приберечь только уже начатые бочки и немного коньяка про запас. Бочки были деревянные, примерно на 50 литров. Учитывая, что по дороге сюда выкушали бочку коньяка и три вина, оставить решили пять бочек с учетом обратной дороги. Ведь закупаться этим продуктом где-то здесь было

довольно глупо. Когда Саша брал алкоголь в Бригесе, то места было много, вот только с деньгами не очень. Поэтому сейчас он мог продать только шестнадцать бочонков вина и двадцать два коньяка. Цена была в два раза выше, чем в Бригесе. Но из-за скромных объемов он получал лишь чуть больше двух тысяч, и то хлеб. Остатки перенесли в капитанскую каюту, освобождая место для нового груза.

Подойдя к небольшому причалу у форта, начали принимать боеприпасы. Это была целая куча пороха. Потом пошли пули, картечь и бомбы, уложенные в плоские ящики, чтобы они не катались по трюму. Исполняя союзнические обязательства, местный форт серьезно ослаблял свою обороноспособность. Забили все свободное место, но пришлось еще распахивать остатки по закуткам. Что-то поставили под матросские койки, что-то взял к себе Саша, но места по-прежнему не хватало. И только заставив полностью штурманскую каюту, в том числе и кровать, разместили наконец все. Переговорив с Гликеей, Саша предложил ей занять свою койку, а для себя попросил матросов сколотить откидную полку около пушки. Там с одной стороны спал Сергей, а он укладывался с другой. Гликеея к переселению отнеслась с пониманием, но чувствовалось, что перспектива жизни в одной комнате с капитаном ее волнует. Саша это заметил, но пока решил выкинуть подобные мысли из головы, потому что другого выхода не видел.

Плавание намечалось достаточно авантюрное. Во-первых, у них не было нормальной карты этих мест. Только обзорная, где была изображена значительная часть Великого океана и по которой можно было лишь приблизительно ориентироваться, куда вообще плыть. Прикинув расстояние, осознали, что предстоит преодолеть почти тысячу двести миль. Причем по зимнему морю. О течениях и ветрах Гликеея имела лишь приблизительное представление, все предстояло делать на ощупь. А во-вторых, корабль был сильно перегружен. Его скорость, как и маневренность, сильно падала. С одной стороны, это делало его устойчивее, но с другой – высокие волны легче захлестывали его палубу, и если море совсем разбушует, то их просто утопит. Глядя на карту, Саша вспомнил, что примерно в тех местах в его мире находился канадский город Ванкувер. Но это не давало никакой дополнительной информации, потому что он не знал о тех краях вообще ничего даже по своему миру.

Закупили продовольствия в лавке оказавшего услугу управляющего, поменяли воду в бочках. Дров можно было закупить и здесь, но зачем платить за то, что можно просто набрать самим на диком берегу? Для этой цели выбрали один из небольших островов, расположенных на подходе к

Эге. Это намеревались осуществить завтра, потому что уже был вечер и большинство команды отправилось на берег. В том числе и Гликее, которая с содроганием ожидала новое плавание по зимнему океану. А потому пошла в гостиницу погреться напоследок в бочке с горячей водой. А Саша и Сергей по очереди сходили помыться из тазика. Эх, была бы здесь нормальная баня, они бы не устояли и шиканули.

Утром подняли якорь и отправились в очередное свое плавание. Если подумать, то к черту на кулички. Но сначала причалили у намеченного острова, спустили шлюпку и отправились за дровами. Пришлось потратить полдня, зато забили все пространство поверх ящиков. Плавание должно было проходить в два этапа. Сначала через океан по прямой более восьмисот миль, а потом оставшиеся триста пятьдесят почти вдоль берега. Первый этап полностью автономный, из этого и исходили.

Гликее сразу решила бороться с терзавшим ее холодом, и уже на следующий день Саша застал девушку в каюте в забавной позе – положив прямые ноги сверху на штабель из ящиков, она упорно отжималась в варежках и свитере. Он подбодрил ее, сказав, что все правильно, и хотел выйти, чтобы не мешать. Но девушка смутилась и перестала заниматься. Пришлось подыграть и сказать, что и он мерзнет, что недалеко от истины, а потому присоединится к ней. Устроили соревнование, кто больше отожмется. Конечно, Саша победил, но вовсе не с разгромным счетом – крепкая девочка оказалась. А ведь она не тренировалась в последнее время. Впрочем, как и он. Надо следить за собой – такая мысль мелькнула в голове. Правда, без возможности помыться после «тренировки» все это было сомнительным удовольствием. Зато тепло! И пошли все к черту – коньяк уже поперек горла стоял и вызывал нехорошую отрыжку. Дешевое пошло.

Корабль тяжело шел по волнам, подгоняемый сильным западным ветром. Когда позволяло небо, Гликее определяла его местоположение. С широтой особых проблем не было, она достаточно точно определялась с помощью секстанта. А вот с долготой возникали сложности. Все дело в том, что теоретически это было легко – по часам. Планета за 24 часа поворачивается на 360 градусов. Следовательно, за час на 15 градусов. А за одну минуту времени на четверть градуса, то есть на 15 географических минут. Зная долготу порта, из которого вышли, достаточно определить по солнцу астрономический полдень в точке наблюдения и сравнить с временем на часах, проверенных в точке выхода. Полученную разницу и надо умножить на пятнадцать, чтобы узнать, на сколько градусов по долготе корабль сместился от исходной точки. Проблема была в часах.

Здесь они уже были, и довольно неплохие. Но это на суше. В условиях морской качки, перепадов температур и различной влажности их точность сильно страдала, причем совершенно непредсказуемо. Саша прекрасно помнил, что в его мире эта проблема была решена еще в XVIII веке с изобретением хронометров. Это тоже часы, но благодаря особым приспособлениям не подверженные капризам морских стихий. Просто очень надежные часы с точным ходом. Здесь до этого еще не додумались. Возможно, элои находились на пороге такого открытия, но пока что штурманы пользовались обычными часами. Берегли их как могли, укладывая в специальные коробки с мягкой прокладкой, но это не решало всех проблем. А ошибка даже в одну минуту по времени давала серьезную погрешность на местности.

Поэтому, выйдя из гавани Эги, они взяли курс на юго-восток с таким расчетом, чтобы прийти к крупному острову, даже не подписанному на имевшейся обзорной карте (остров Морсби). Именно этот первый отрезок в восемьсот миль, не имевший никаких видимых ориентиров, был самым сложным. Если они серьезно сойдутся с курса, а погрешность определения координат будет слишком велика, то так и будут плыть по океану. Поэтому начальное направление было сразу немного подкорректировано к северу, чтобы в идеале выйти на северную оконечность намеченного острова, имевшего протяженность, судя по масштабу карты, около ста пятидесяти миль. А уже там, согласно береговым ориентирам, понять, куда их занесет. В качестве подстраховки было решено каждый час проводить замеры скорости судна при помощи лота и заносить их в журнал. На такой большой протяженности это даст, конечно, очень большую погрешность в представлениях о пройденном расстоянии. Но даже если эта погрешность составит сотню миль или больше, то это поможет хоть приблизительно сориентироваться.

Вечерами, как правило, сидели втроем в тесной каюте, растягивая небольшую дозу коньяка (около ста граммов) и ведя душевные беседы на самые разные темы. Но однажды они угодили в полосу ледяного дождя. Да и волны разгулялись больше обычного. Саша как капитан долго оставался на палубе, следя за погодой и стараясь предвидеть, не понадобятся ли штормовые паруса или, может, курс поменять. А Гликее, выполняя свои обязанности, собственноручно проводила замеры скорости. Все промокли до нитки и опять жутко замерзли. За ужином Саша распорядился выдать двойную дозу коньяка сменившейся вахте. Ну и себя не забыл со штурманом. Для уставшей девушки в этот раз доза оказалась, пожалуй, великовата, и вскоре ее потянуло на особенно откровенные разговоры.

– Ассар, а почему ты не веришь в Ипни?

– С чего ты взяла? – спросил он, крепко задумавшись. Местная религия не отличалась резкой нетерпимостью, даже уважительно относилась к другим богам, признавая их силу на своей земле. Можно было и подискутировать.

– Ну я же вижу, что для тебя это только игра, – продолжала Гликеея, держа руки над жаровней. Отсветы от углей играли на ее похудевшем лице, еще не высохшие и распущенные волосы беспорядочными прядями ниспадали на плечи. – Ты просто ловко жонглируешь словами, нахватавшись поверхностных суждений, и ничего более. Не боишься вызвать гнев Ипни?

Саша привстал с ящика, на котором сидел, и перевернул штаны, висевшие над жаровней.

– Нет, этого я как раз совершенно не боюсь, – ответил он спокойно. – Любой бог по определению настолько могуч, что если его оскорбляет поведение какого-то человека, то он в силах покарать его самостоятельно, без помощи ничтожных людишек. Если бы я действительно вызвал его гнев, то он давно бы втоптал меня в грязь. А раз я до сих пор жив и довольно успешен, значит, поступаю правильно.

– Может быть, тебя ждет наказание после смерти? – спросила девушка, делая глоток из кружки.

– А этого никто не знает. Еще ни один человек не вернулся оттуда и не рассказал, что же на самом деле происходит после смерти. По сути, все, абсолютно все религии – это только наши догадки о том, как устроен мир. Никто не знает, что будет потом. Просто большинство людей предпочитают в это ВЕРИТЬ. Так удобнее. К тому же все религии дают некую надежду, что после смерти будет продолжение.

– И ты так спокойно говоришь об этом? – удивилась Гликеея, подавшись вперед.

– Почему бы нет? Дай человеку бессмертие, и его потребность в боге резко пропадет. Большинство тут же отринут всякие моральные ограничения, если они не будут подкреплены угрозой реального наказания в этой жизни. Отсюда напрашивается нехороший вывод, что это придумано. Людьми и для людей, чтобы было легче обуздывать их порочные натуры.

– Ты настолько не веришь в людей? Как ты вообще живешь? Это же страшно!

– Ну, я ведь живу среди реальных людей, которые имеют в голове крепко вбитые запреты о том, что такое хорошо и что такое плохо. Зная эти

запреты, людей легче понимать. И по большому счету я не вижу в этом ничего плохого. Если посмотреть на заповеди любой религии, то они абсолютно правильные. И если люди будут их реально соблюдать, то мир действительно станет чище. Другое дело, что в мире нет ничего абсолютно правильного. Из любого правила всегда есть исключения. Но если часто злоупотреблять этим, то мир погрузится в хаос. Его потянет туда привлекающая многих свобода выбора, признание собственной индивидуальности. Беда вся в том, что в условиях свободы большинство людей выбирают грех, удовольствие и наслаждение... Но ни в коем случае не обязанности и не лишения. Кроме очень немногих... – тихо закончил Саша, именно в этот момент ощутив сильнейшую тоску по Постумии. Вспомнив ее высказывания о контрасте страданий и наслаждений, тьмы и света.

– Так в чем проблема? – проникновенно спросила Гликее, буквально впившись взглядом в собеседника. – Ты же все понимаешь, докопался до таких глубин, о которых и многие жрецы не подозревают. Если все правильно, то надень на себя знак Ипни и стань элоем!

Саша молчал, пытаясь справиться с воспоминаниями и одновременно подбирая ответ для этой замечательной девушки, которая вывела его на столь откровенный разговор.

– Проблема в том, что религия пытается дать готовые ответы в упрощенной форме на все вопросы жизни. Они правильные, но поверхностные. И они отменяют потребность думать. Зачем? Если все уже решено. Но решено это все, как правило, много веков назад. А жизнь меняется постоянно. И ставит перед людьми все новые вопросы по мере того, как они познают мир и себя.

Гликее замолчала, переваривая лавину информации, свалившуюся на нее из другого мира. Только она не знала об этом. Саша чувствовал неловкость за такие откровения. Посеять в человеке сомнения и перевернуть его мир довольно легко. Гораздо труднее потом показать ему новый смысл жизни, вытащив из бездны отчаяния. Испытывая потребность что-то сделать, он снова встал и начал переворачивать вещи над жаровней, не разбирая, свои или нет. Потрогал носки Гликее – высохли с одной стороны – и перевернул их.

– Спасибо, – тихо сказала она. И было непонятно, это за носки или за ответы, потому что она продолжала молчать.

Но спустя несколько минут произнесла:

– Ты мог бы стать жрецом.

– Ты не первая, кто мне об этом говорит, – грустно ответил Саша,

почувствовав, как его сердце снова сжимается от воспоминаний о Постумии. – Но я не смогу. Мои мысли еще далеки от совершенства и законченности. По сути, это лишь сомнения. Ты вынудила меня высказать их тебе, – при этих словах Гликее удивленно вскинула на него свои расширившиеся глаза, – но вряд ли они применимы для большинства людей. Да и тебе на пользу не пойдут. Я буду плохим жрецом.

Серега, все это время молчавший и не знавший, куда деться от таких душещипательных разговоров, поднялся и сказал, что пойдет погуляет. Это могло означать что угодно, начиная от посещения гальяна и кончая собственно прогулкой.

Они остались вдвоем, в повисшей тишине. Относительной, конечно. За дверью слышались разговоры матросов, скрипели доски обшивки, раздавались удары волн о борт и шелест пробегающей по палубе воды.

– Почему ты уступил мне свою койку? – тихо спросила Гликее.

– Твоя же каюта заставлена ящиками? – удивился Саша.

– Да, но я могла спать где угодно. Хоть на этой откидной койке, хоть на полу. Почему именно твоя койка?

И тут до Саши дошло. То, что он рефлекторно уступил место «даме», в этом мире могло восприниматься по-другому. «Дама», добровольно отправившаяся на флот, автоматически становилась просто матросом. Или штурманом в данном случае. Это не значило, что она утрачивала свою половую принадлежность, но в вопросах быта становилась равна со всеми. И если к ней и могло применяться какое-то особое отношение, то в силу особых же обстоятельств. Например, если она ранена, больна или просто именно ей нужно выпастись. Опять же не потому, что она женщина, а потому что есть некие обстоятельства. Все остальное автоматически перетекало в область личных взаимоотношений или симпатий. Естественно, Гликее была совершенно сбита с толку такими знаками внимания наряду с отстраненностью, которую демонстрировал Саша. И не придумала ничего лучше, чем спросить об этом в лоб. Беда вся в том, что она ему нравилась. И как человек, и как женщина. Даже несмотря на ее большой нос. Но воспоминания о Постумии, оставшейся в далекой Кинурии, за которой он сам обещал вернуться, вставали стеной на пути возможных поползновений в этом направлении. Ситуация складывалась отвратительная. Юлить дальше, не объяснившись, было глупо и даже подло.

Набрав в легкие воздуха, Саша произнес:

– Я обещал одной женщине, что вернусь за ней. Нас многое связывает, и, несмотря на то что ты мне очень нравишься, я не могу переступить через

себя.

– Потому что я некрасивая? – вставила Гликее. В огромных глазах появились слезы.

– Я так не считаю, – поспешно ответил Саша.

Но она уже не слушала его и продолжала говорить, опустив голову и непонятно к кому обращаясь:

– Мой проклятый нос. Я мелкая, худая, мышцы на мне не растут... Кому я нужна, такая доходяга! Я буду плохой матерью.

Бли-и-ин! Саша был готов провалиться на месте, только бы не слышать этого самобичевания, за которым неминуемо должна последовать истерика. Во всяком случае, об этом говорил его прежний опыт общения с женщинами. Надо было срочно переключить ее внимание на что-то другое.

– Стоп! – резко сказал он, поднимая открытую ладонь. – А не ты ли говорила, что не собираешься вытирать сопли детишкам? С чего это у тебя вдруг проснулись материнские инстинкты? Тяжело стало? Домой захотелось под крылышко к папеньке?

– При чем здесь отец? – вскинулась девушка.

– А при чем здесь плохая мать? – в тон ей спросил Саша.

– Ну... Мужчинам нравятся сильные женщины, они легко рожают, – сказала очевидную для себя мысль Гликее.

– Правда? – картинно удивился Саша. – А я не знал. Наверно, я неправильный мужчина. Ах да – я же не элой. Это все объясняет.

– Нет, дело не в этом! – горячо начала возражать Гликее, вскакивая на ноги. Но замолчала, очевидно совершенно запутавшись в своих мыслях и доводах. – Налей мне еще! – потребовала она, протягивая пустую кружку.

– Э-э-э... – растерялся Саша. – Ты уверена, что это не будет лишним?

– В самый раз! Я тебя вообще не понимаю!

– Давай проверим, – неожиданно улыбнулся Саша. – Скажи быстро «ромбододекаэдр».

– Что это?

– Не важно. Просто повтори – «ромбододекаэдр».

– Ромбододекадр... тьфу! Что за шуточки дурацкие?

– Обычная проверка на трезвость, – покровительственно улыбнулся Саша. – Ты ее не прошла. А значит, я тебе не только не налью, а как капитан приказываю немедленно лечь спать. А вот завтра поговорим, как жить дальше. – И после паузы добавил: – Если захочешь.

Все это время Гликее стояла, нависая над жаровней. Отблески снизу подсвечивали ее лицо, поднимающийся теплый воздух шевелил подсохшие волосы. Потом она резко выдохнула и сразу обмякла, устало опускаясь на

койку.

– Прости. Этот проклятый холод сводит меня с ума, – упавшим голосом проговорила она.

– Все нормально. Не вздумай извиняться и чувствовать себя виноватой, – успокоил ее Саша. – Давай – почистить зубы и марш в постель.

– Постель... Одно название.

– Что поделать, – пожал Саша плечами. – Неужели когда ты училась в штурманской школе, то не знала, что условия плавания бывают разными?

– Слышала. Но в таком кошмаре первый раз. Я никогда не забиралась в такие холодные воды. А снег видела всего несколько раз в жизни.

– Спать, – настойчиво повторил Саша.

– Да, сейчас, – поспешно ответила девушка, беря баночку с зубным порошком и палочку для чистки.

Зубы чистили рядом с печкой, где всегда был котелок с подогретой морской водой и ведро для отходов. Там же и умывались.

– Пойдем, полью тебе, – предложил Саша. – А потом ты мне.

Когда они умылись и вернулись в каюту, Серега уже забился в свой угол и накрылся с головой. Гликеея бросала на своего капитана виноватые и растерянные взгляды, чувствовалось, что уснуть ей будет не просто.

– Ложись, – сказал он как можно ласковей. – Скоро все кончится. Мы же плывем на юг. Там будет тепло. А потом и зима подойдет к концу, мы вернемся в Элою. Тогда ты окончательно оттаешь.

– Ты знаешь что-нибудь о тех землях, куда мы направляемся? – спросила Гликеея. Было видно, что ей не хочется спать и оставаться одной. На миг у Саши возникло желание сесть рядом с ней на койку и рассказывать, как маленькой девочке сказки. Но он быстро себя одернул, справедливо полагая, что эта физическая близость до добра не доведет.

– Немного, – ответил он, усаживаясь на ящик напротив койки. Гликеея тем временем стянула с ног матросские туфли, цепляя их носком за пятку, и поджала колени, обхватив их руками. – Ложись, – настойчиво повторил Саша. И поскольку она не пошевелилась, то встал и накрыл ее одеялом, укладывая на койку. Она подчинилась, а Саша поплотнее заткнул щели по краям и снова сел на ящик напротив. – Это владения Глафиара. Там драка с туземцами, гарнизон потратил много боеприпасов, которые мы и везем. Но там точно тепло, – обнадежил он девушку, словно рассказывал сказку. – Сама посуди, это примерно широта Бригеса. Такое же теплое течение у берегов, горы, закрывающие от ветров с севера... – А дальше он принялся строить предположения о том, что там вообще за жизнь может быть.

Рассказывал о большом городе, о благах цивилизации, вкусной еде в тавернах и горячей воде в гостиницах. Говорил о лете, которое обязательно придет, о жарком солнце, которое будет их согревать, и о том, как они будут еще изнывать от жары, наслаждаясь, если будет возможность окунуться в холодную воду. Плел бог весть что тихим монотонным голосом, пока наконец не услышал ровное сопение с койки.

Осторожно поднявшись, наклонился над спящей, не решившись поправить одеяло и, испытывая странное чувство нежности к этой беззащитной, но смелой и отчаянной девушке. Потом на цыпочках пробрался между ящиков к своей койке и залез под холодное и сырое одеяло. Последняя мысль была о том, что рядом с сопящей Гликеей было бы намного теплее, но потом этот образ загадочно превратился в Постумию. Всегда горячую и страстную. Тоска снова накатила на него. Он отчетливо осознал, что сила его чувств к оставленной далеко «капральше» прямо пропорциональна увеличивавшемуся расстоянию между ними и, кажется, направлена не столько на нее, а на выстроенный умом образ, слабо связанный с оригиналом. С другой стороны, он прекрасно понимал, что эти разговоры по душам, которые происходят сейчас между ним и Гликеей, очень сильно привязывают их друг к другу. Снять с себя одежду и заняться сексом очень просто. Люди постоянно так делают. Но обнаженные мысли сильнее обнаженного тела. Это совсем другой уровень близости и откровенности. В сущности, жить становится намного интереснее и легче, когда трахаться и обсуждать глубины мироздания можно с одним и тем же человеком...

Глава 12

На следующий день ветер усилился, и пришлось ставить штормовые паруса. Утешало только одно, что это был почти попутный ветер. Вскоре волны разбушевались настолько, что несколько раз заливали небольшой корабль полностью и команда молила всех богов, чтобы он не пошел на дно. В трюм начало капать с палубы, и пришлось откачивать воду из балластного отсека. Пока буйствовала стихия, было не до душещипательных разговоров с Гликеей. Саша поднимался на палубу и днем и ночью, лично помогал работать с парусами, чтобы почувствовать напряжение снастей и предпринять меры, если что-то пойдет не так. Скорость мерили всего несколько раз, причем штурман тоже хотела делать все лично, подражая капитану, хотя это и давалось ее теплолюбивому организму намного тяжелее. А все остальное время она лично сушила мокрую одежду Саши, каждый раз настаивая, чтобы он переодевался полностью. У него мелькнула, конечно, мысль, что таким образом она все же хочет спровоцировать близкий контакт или просто рассмотреть его тело, но она ничем себя не выдала. Может быть, это являлось обычной человеческой заботой и благодарностью. А учитывая, что элои ни капельки не комплексовали от вида голого тела, считая это совершенно естественным, то и формально здесь не было ничего предосудительного. В результате спускаться в каюту погреться и переодеваться всегда в сухое или почти в сухое и теплое было очень приятно. Перекидывались короткими, ничего не значащими фразами, обсуждали дальнейшие варианты плавания и засыпали, сваленные усталостью. Этот кошмар продолжался три дня, а потом ветер начал стихать, появилось солнце, и наконец установился штиль. Вся команда вылезла на палубу, наслаждаясь затишьем и грея лица. До жары было далеко, но тепло ощущалось всей кожей.

Простояли целый день, пока не подул легкий южный ветер, принесший долгожданное тепло. Да, теперь корабль полз в бейдевинде как черепаха, но до чего же было приятно сидеть на палубе в расстегнутой куртке и чувствовать, насколько хороша жизнь. Определив свое местоположение, взяли поправку курса и двинулись дальше. На десятый день впереди показался берег. Судя по широте, точность определения которой не вызвала особых сомнений, это и был остров, к которому они стремились. А еще через три дня добрались уже и до нужных берегов. Эвер находился в глубине большого залива, закрытого от океана крупным

островом протяженностью более двухсот миль (остров Ванкувер). Короче было бы зайти с северо-запада, откуда и плыл их корабль. Но здесь пролив имел настолько тесное и извилистое русло, что маневрировать в нем под парусами и при неблагоприятном ветре было очень сложно. К тому же не зная всех мелей и подводных камней. Поэтому решили обогнуть этот остров с юга и уже оттуда войти в залив. К концу третьего дня плавания добрались до начала широкого пролива, но, поскольку берега были незнакомые, решили не рисковать в потемках и бросили якорь. А утром продолжили путь. По-прежнему было довольно тепло, небо хоть и затянуло облаками, но дождя не было. На южной оконечности острова видели достаточно крупный город, но заходить в него не стали, поскольку цель их путешествия была уже близка. Оставалось пройти между несколькими мелкими островами, а там уже и до конечного пункта рукой подать. Но в проливе на них напали.

Корабль шел довольно близко к скалистому мысу, когда из-за него выскочили четыре большие лодки с туземцами, воинственные намерения которых не вызывали сомнений. Они были длиной метров двадцать и узкие, судя по всему, сделанные из цельного ствола дерева. А внутри очень густо сидели люди, активно работающие одиночными веслами. Двигались лодки очень быстро, и в каждой находились не менее сорока человек. Если они одновременно полезут на бордаж, то шансов у команды не будет. И ветер, как назло, слабый. Уйти назад вообще никаких шансов, а до города, оставшегося позади, расстояние составляло уже больше двадцати миль. То есть на скорую подмогу можно даже не надеяться.

Саша предпринял вполне логичное действие. Развернулся к лодкам кормой и стал уходить на восток, стараясь оттянуть момент близкой встречи на максимальное время. Беда вся в том, что так они миль через тринадцать утыкались в материковый берег. И все равно придется принимать бой. Но преследователи рассредоточились. Две лодки остались сзади, явно сбавив темп гребли и не приближаясь. А две начали охватывать корабль с флангов, беря в клещи. Саша внимательно рассматривал противников в подзорную трубу. Бородатые и светловолосые мужики, в кожаных шлемах и мохнатых шкурах поверх рубашек. Вооружены в основном копьями и топорами, но на носу виднелись и лучники. Сначала он думал, что взяв в клещи, его атакуют со всех сторон, но противники не спешили. Боковые лодки держались напротив бортов, не приближаясь и не обгоняя. Напрашивался логичный вывод, что у берега их ждет подкрепление. Или что-то, что должно помочь нападающим. Мель, например. Тогда ждать не имеет смысла.

Саша приказал всем, в том числе и канонирам, взять оружие и держать его под рукой. Потом из трюма начали доставать порох, ядра, картечь и бомбы, раскладывая их прямо на палубе и в шлюпке, чтобы ближе было бегать. Вода в заливе была спокойная, и можно было не опасаться, что боеприпасы намокнут или раскатятся в стороны. Потом рассказал всей команде о плане действий, чтобы каждый представлял, что ему предстоит делать, и распорядился о повороте на север. После маневра корабль ощутимо прибавил хода. Лодка, которая закрывала путь туда, тоже развернулась и пошла им навстречу. Три другие начали грести чаще, спеша на помощь. Когда до ближайших противников оставалось метров триста, носовые пушки дали залп ядрами. К сожалению, мимо. Саша и не надеялся на удачу, но попытаться стоило. И тут же корабль начал разворот правым бортом. Лодка приближалась очень быстро. Пока завели паруса, пока совершили поворот, противники оказались уже метрах в ста, если не меньше. Саша еще выждал паузу, пока корабль выровняется, дистанция сократилась еще. И тут борт грянул картечью. До лодки оставалось метров пятьдесят. Большая часть людей попадала в воду, снесенная железным смерчем. Крики, стоны, рев. Скорость лодки начала замедляться, но она продолжала идти на сближение и неминуемо должна была настигнуть добычу. Оставшиеся, а это человек пятнадцать, продолжали упорно грести, стараясь добраться до желанного борта.

С корабля начали стрелять по гребцам из ружей и пистолетов. Быстро перебили почти всех, осталось только два человека, которые уже никак не могли справиться с большой лодкой и, спасаясь, сами бросились в воду, уплывая прочь.

В это время к ним приближалась еще одна лодка с другой стороны. А совсем недалеко и следующая. Ведя корабль прежним курсом, Саша ждал, когда они приблизятся на верный выстрел. Канониры правого борта лихорадочно перезаряжали свои орудия, на левом наводили пушки, остальные матросы готовили ружья и пистолеты. У грот-мачты застыла Гликеея со своим оленебоем. На этот раз противники не стали спешить. Передняя лодка остановилась, поджидая остальные. До нее было метров триста, что далековато для картечи. А противники преодолеют эту дистанцию очень быстро, не дав перезарядиться. Стало ясно, что они хотят навалиться втроем, что серьезно повышало шансы абордажа. Тогда Саша приказал повернуть на север, куда был свободный путь. Корабль снова прибавил хода на попутном ветре. Лодки шли следом. Первая – медленно, держа дистанцию, а две другие догоняли. Можно было немного поиграть в тир. На кормовых орудиях выковыряли картечь из стволов специальными

лопатками и зарядили ядрами. Прицелились потщательней и дали залп. Опять мимо. Третья лодка еще не догнала своих, поэтому зарядили снова ядрами. Мимо. Теперь третьей лодке оставалось совсем немного, чтобы поравняться с остальными, и Саша приказал заряжать картечью и ждать. Канониры еще чистили стволы, когда все три лодки, выстроившись в линию, рванули вперед, быстро сокращая дистанцию. Канониры спешили как могли и едва успели к моменту, когда дистанция сократилась до ста пятидесяти метров. Быстро прицелились и выстрелили. Один заряд картечи прошел вообще мимо, а вот второй зацепил краем преследователей. Человек пять упали, лодку повело в сторону, пока разобрались, возникла заминка в движении. Но две другие летели стремительно, а корабль уже закладывал крутой поворот, скрипя мачтами. Залп левого борта был очень хорош. Две пушки приласкали одну лодку, а две – другую. И почти вся картечь угодила в людскую массу. Только люди там сидели настолько плотно, что закрывали телами друг друга. Передних чуть ли не на куски разорвало, дальше пролетели только отдельные картечины, кого убив, а кого ранив. Но человек по двадцать пять на каждой лодке еще оставалось. Правда, они резко сбавили ход после залпа и пока что приходили в себя. А тут еще и из ружей по ним добавили. Никто из гребцов даже не отвлекался на ответные действия. В корабль не летели ни копья, ни стрелы. Все старались с маниакальным упорством добраться до рукопашной схватки. А корабль тем временем снова начал разворачиваться кормой, а потом и другим бортом. Во время этого маневра вперед вырвалась отставшая было третья лодка, но все же ее скорость была недостаточно высока. Люгер успел развернуться и встретил ее залпом метров с сорока. Снова дикий рев раненых. А когда клубы дыма рассеялись, то нос лодки уже стукнулся в борт, и в матросов полетело несколько копий. К счастью, или мимо, или люди их смогли отбить ружьями. А следом абордажные кошки, по которым нападающие попытались залезть на борт. Но таких было немного, и их быстро перебили тесаками.

Снова крутой поворот, их медленно догоняют две оставшиеся лодки с ополовиненными экипажами. С кормы бухнули две пушки, проредив дикарей еще. Стрелки, перебравшиеся на корму, открыли огонь из ружей. Когда на лодках осталось человек по десять, они начали разворачиваться. Расстояние увеличивалось, с кормы выстрелили еще раз пушки, зацепив лишь пару человек. И Гликеея напоследок сделала точный выстрел, сняв рулевого. Путь был свободен. Правда, далеко на востоке, хорошо заметные на ровной глади залива, показались еще какие-то силуэты. Посмотрев на них в трубу, Саша опознал лодки туземцев. Но до них было мили три. И

была надежда, что корабль успеет дойти до гавани, прежде чем столкнется с новыми противниками.

Так и получилось. Собственно, туземцы не стали их преследовать, а остановились на месте побоища, подбирая раненых и опустевшие лодки своих товарищей. А к вечеру потрепанный люгер вошел в гавань Эвера.

Город располагался на полуострове. Вход в гавань защищал форт, а перешеек был перегорожен крепостной стеной. Вокруг кишели туземцы, попытавшиеся было перехватить суденышко, но из гавани на подмогу вышел фрегат, умеривший пыл нападающих одним своим видом. Комендант форта и вообще всей обороны города был целый генерал, как оказалось, присланный сюда до начала зимы специально для общего руководства, потому что существовали какие-то сложные взаимоотношения между военным командованием форта, наличными кораблями, а также ополчением города и окрестных фермеров. Теперь же у защитников был главнокомандующий, авторитет которого пока что не вызывал ни у кого сомнений. По большому счету, все ждали весны и прибытия войск, которые должны были легко разогнать плохо вооруженных туземцев. Но боеприпасов действительно не хватало, поэтому, когда Саша вручил генералу сопроводительное письмо и подтвердил, что у него полный трюм пороха и прочего, тот несказанно обрадовался и тут же выписал ему бумагу на получение обещанных двухсот золотых.

Проблема была в другом, как выбраться отсюда. Воды залива кишели лодками туземцев, которые были очень быстроходны, а навалившись всем скопом, легко возьмут люгер на абордаж, не считаясь с потерями. Находившийся в городе фрегат мог помочь выйти из гавани, но отпускать его далеко, а тем более в устье проливов, генерал не хотел. Саша начал чувствовать, что он влип. А участие в героической обороне города от чем-то разъяренных туземцев в его планы не входило. С другой стороны, команде все равно требовался отдых, а кораблю – небольшой ремонт. Поэтому Саша решил подождать и осмотреться, а там видно будет, что делать дальше.

Город был переполнен беженцами с окрестностей, и не могло быть и речи о том, чтобы снять за приемлемые деньги комнату в гостинице. Рассчитавшись с командой за семнадцатидневное плавание (2890 серебряных), Саша отпустил половину на берег. Правда, делать там сейчас было нечего. Цены в тавернах взлетели до небес, и матросы, покрутив головами, вернулись на корабль за дармовым коньяком. Не пришли только те, кому срочно нужно было пообщаться с противоположным полом. Тут Саша задумался, как это вообще здесь происходит. С мужиками все

понятно – в кабаках всегда присутствовала категория «девочек», оказывающих разнообразные услуги, которые помогали расслабиться моряку после долгого плавания. А вот что там делали женщины-матросы и как вообще решали свои проблемы? Если на корабле складывались пары, то тут все было просто: на берегу они искали место, где можно уединиться. Но некоторые женщины по каким-то причинам оставались свободными. Это, конечно, не избавляло их от ухаживаний со стороны экипажа, но обычно это не переходило неких границ. И они точно так же стремились на берег, желая отдохнуть от этого внимания и сменить обстановку. Когда же Саша не вытерпел и поинтересовался об этом у Архилла, то все оказалось очень просто. Нет, здесь не было соответствующей категории «мальчиков». Но поскольку женщин на кораблях всегда было намного меньше, чем мужчин, то они просто находили себе временных партнеров, или местных, или с других кораблей, и таким образом отводили душу. В каждом портовом городе люди знали о «горячем» нраве морячек и в силу относительной легкости нравов элоев с удовольствием помогали им сбросить напряжение. Удобно – никаких обязательств, никаких претензий. Все культурно и по-деловому. И да – для дам бесплатно!

Кстати, Серега тоже не утерпел. Ему порядком надоели сложные игры капитана со штурманом, невольным свидетелем которых он зачастую становился. И он выпросил у Саши немного денег, чтобы спустить пар. Вообще его положение было двусмысленным. С одной стороны, он был компаньоном Саши по владению кораблем, вписанным в документы. С другой – являлся судовым врачом. Но поскольку он прекрасно знал, ради чего затеяна вся эта кутерьма, то пока что даже не заикался о своей доле или жалованье. Сейчас же его, очевидно, приперло: взрослый мужик как-никак. А потому Саша даже возражать не стал и просто дал денег, посоветовав быть разборчивее в выборе.

Два дня вообще ничего не делали, просто отдыхая. К тому же зарядил нудный и довольно холодный дождь – зима все-таки. До Нового года оставалось двадцать дней. Возникал, конечно, соблазн подождать здесь до этого праздника, но дороговизна в осажденном городе напрягала. И это не решало главной проблемы – как выбраться из залива.

На разгрузившемся корабле теперь снова стало свободней, Гликее тут же перебралась в свою каюту, но все время оставалась на корабле, посещая только близлежащие магазинчики и дешевую гостиницу, где мылась. Впрочем, как и Саша. Решив начать разрабатывать план, как выбраться отсюда, он попросил штурмана найти карты здешних вод. Посоветовавшись, пошли искать вместе. Вскоре нужный магазинчик обнаружился. Поскольку

Саша прикинулся случайным зевакой, то продавец не стал перед ним особо распинаться и задирает цены в том числе. Покупателей на подобные товары сейчас у него вообще не было, и он даже обрадовался, что их можно кому-то сбывать. Отдал явно задешево. А Гликеея пополнила свою коллекцию подробной картой залива и окрестной суши, а также несколькими листами с картой западного побережья Восточного континента.

Потом принялись собирать информацию об обстановке, царившей в окрестностях. Переговорив с несколькими офицерами форта, Саша пришел к выводу, что самостоятельно выбраться будет очень трудно. Проскочить сюда им удалось буквально чудом и только потому, что не заходили в город у пролива. Если бы они это сделали, то туземцы собрались бы в гораздо большем количестве и неминуемо взяли бы люгер на абордаж. Выйти обратно тем же путем не сможет даже фрегат. Его обязательно подловят в проливах и атакуют несколькими десятками лодок. Пока дул неблагоприятный западный ветер, Саша думал несколько дней. А с переменой ветра у него созрел рискованный, но кажется, единственно возможный план, который позволял уйти отсюда до наступления весны и прибытия войск.

Спешно начали готовиться, пока не переменилась погода. Продовольствия оставалось мало, а цены на него в осажденном городе очень кусались. Но это полбеда. Дров не было вообще, пришлось покупать втридорога. Запасы воды пополнили в местном источнике. Попутно Саша обратил внимание на товары, которые не были востребованы осажденными. К сожалению, это было исключительно сырье. Везти через весь океан ту же шерсть или шкуры не хотелось. Лес тем более. А вот медь, которую добывали в окрестных горах, девать было некуда. Руда была уже переработана в литейной и свезена на склады в виде ровных брусков. Она зависла ввиду отсутствия кораблей, и хозяева уступали ее с приличной скидкой. Казалось бы, зачем спешить? Медь не портится, могли бы и подождать. Но конфликт с туземцами начался еще летом. Литейщики уже давно переработали всю руду и сидели без дела. Впрочем, это были небольшие объемы в сравнении с обычными. А надо было рассчитывать с поставщиками, платить налоги, да и жить на что-то надо было. Когда же город взяли в осаду, причем и с моря тоже, то прорвавшихся кораблей стало очень мало. Деньги таяли, торговля замерла. А тут появился капитан, готовый скупить часть запасов за золото.

В монетах соотношение серебра к меди считалось как 1:200. За одну серебряную монету диаметром в 12 миллиметров и весом в 2,4 грамма могли дать двести медных монет такого же веса. Но такие не чеканились. В

ходу были деньги диаметром в 18 миллиметров и весом в 4,8 грамма. И шли они 1:100. Были еще и полтинники размером в 26 миллиметров и весом в 9,6 грамма соответственно. Конечно, добытая медь, как сырье и металл вообще, стоила дешевле. Саша, если честно, как-то не поинтересовался в свое время этой ценой, поэтому здесь испытывал некоторую неуверенность. Но, судя по несчастному виду торговца и цене, более чем в два раза ниже монетной, брать стоило. То есть сейчас ему предлагали вместо соотношения 1:200 соотношение один к более чем четыреста. Примерно килограмм за одну серебряную монету. Была мысль закупиться сразу на все деньги, но Саша решил проявить осторожность и взял только наполовину. 100 монет – 10 тысяч – 10 тонн меди. По весу это была ерунда для его корабля, а по объему тем более – чуть больше одного кубометра.

Металл продавался в прямоугольных слитках и был расфасован в плоские деревянные ящики, которые могли поднять два человека. К причалу его доставляли на телегах, с которых матросы затаскивали ящики в трюм. Когда погрузка была закончена, корабль поднял якорь, поставил паруса и вышел в залив, огибая полуостров, на котором стоял город, и остановился с другой стороны, где тоже была небольшая заводь с узкой протокой, метров двести. Это было довольно напряженное место обороны. Туземцы неоднократно пытались переправиться здесь и ворваться в город. Поэтому на берегу стояла пушечная батарея и всегда дежурили ополченцы. Но напротив никого не было, всех врагов на данный момент разогнали. Во всяком случае, в пределах видимости. Впрочем, наблюдатели наверняка были. Присутствие корабля здесь могло означать только одно – осажденные что-то готовят в этом месте.

Саша с важным видом стоял на палубе и изучал берег в подзорную трубу, надеясь, хоть кого-нибудь высмотреть. И это увенчалось успехом. На небольшом холме ему удалось увидеть какое-то копошение в кустах. Приказав зарядить бомбами, он объяснил канонирам, куда надо целиться. До кустов было метров двести, поэтому шансы попасть представлялись достаточно большими. Не спеша и со стоячего корабля. Пушки грохнули. Но прежде, чем все заволочло дымом, Саша успел увидеть, что два ядра угодили куда надо. О результатах, конечно, можно было только догадываться. Впрочем, весь этот спектакль разыгрывался с одной целью – оправдать выход корабля из гавани и простоять здесь до темноты. А до нее оставалось уже немного. Стрельба вызвала немалый переполох прежде всего в самом городе. На берег сбегались ополченцы и военные. Потом на корабль прибыла шлюпка с офицером, чтобы выяснить причину. Саша

сказал ему, что хочет отомстить туземцам за прошлое нападение. После чего офицер убил докладывать начальству в полном недоумении.

Ближе к вечеру на вражеском берегу началось какое-то более активное шевеление. На открытые места никто не выскакивал, но в кустах постоянно мелькали лица. Корабль иногда постреливал в ту сторону, продолжая привлекать к себе внимание. Не было никаких сомнений, что если он останется на этом месте и ночью, то будут гости, и в немалом количестве. Но выяснять, так ли это, Саша не стал. Когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, люгер поднял якорь и поставил паруса. Южный ветер подхватил его и понес в сторону входа в гавань. Конечно, туземцы остались в недоумении, ради чего элои тратили драгоценные боеприпасы, но так ничего и не предприняли. Но быстро опускающаяся ночь и низкие облака скрыли от их взоров тот факт, что корабль так и не вошел в гавань. Погасив все огни, он в полной темноте повернул на запад, забирая на несколько градусов к северу.

Этот момент Саша и Гликья просчитывали специально. Изучив подробную карту, они проработали ночной маршрут с целью оторваться от наблюдателей туземцев в направлении, где их никто не будет ждать. А именно в сторону длинного и узкого прохода на севере. К тому же в тех местах не было поселений элоев, и, судя по имевшимся у них сведениям, большинство местных воинов сейчас находились на юге, осаждая города. В этом направлении можно было плыть довольно долго и ничего не опасаясь, сорок миль даже в темноте. Вопрос был только в точности определения скорости и пройденного расстояния. Дальше однозначности не было. Следовало пройти относительно узкое место в четыре с половиной мили. Если они сойдутся с курса или их снесет течением, то корабль сядет на мель. Но вообще-то в спокойных водах залива такое было маловероятно, поэтому они решили рискнуть и пройти от условной точки еще около десяти миль тем же курсом, может, забирая чуть больше на север. А потом следовало останавливаться, потому что подходить близко к берегам нельзя, чтобы не оказаться обнаруженными туземцами, у которых в этих водах еще могли быть серьезные силы.

В преддверии Нового года темнота в этих широтах длилась четырнадцать часов, а потом начинались сумерки. Намеченные пятьдесят миль они прошли чуть больше чем за десять часов и бросили якорь, по-прежнему не зажигая огней. А как только начало сереть, снова подняли паруса и двинулись уже на северо-запад, стараясь держаться посередине широкого залива. Начался нудный морозящий дождь, который очень хорошо их скрывал от взглядов с земли. До нее здесь было от трех и более

миль. Правда, и они видели только общие контуры в неровном мареве. Никаких деталей разобрать было невозможно в таких условиях. Этим курсом их скорость достигала десяти узлов, поэтому уже через пять часов они приблизились к тому самому узкому и извилистому проливу, который и должен их вывести в океан. Здесь возникала дилемма. Если они сунутся туда сейчас, то за оставшиеся пять часов не успеют его пройти полностью ни в коем случае. А его ширина была совсем небольшой, от одной до трех миль. Никакой дождь не спрячет их от нескромных взглядов с берега. Конечно, если в селениях не окажется достаточного количества воинов (что очень вероятно), то никто не осмелится напасть на вооруженный корабль. Но это днем. На ночь им обязательно придется останавливаться, и они станут легкой добычей для туземцев. Любая ночная драка приведет к серьезным потерям среди экипажа, чего Саша очень не хотел. Логичней было бы остановиться недалеко от входа в пролив, переночевать, а утром попытаться пройти его весь. Или хотя бы большую часть. Но это если не переменится ветер. Пока что он был умеренно сильный и помогал им. Но все могло измениться. Этот большой залив со всех сторон был окружен горами, и ветер здесь бывал только двух направлений – с севера или с юга, где имелись выходы в океан.

В очередной раз посоветовавшись, решили все-таки заночевать здесь, не входя в пролив. Местом ночевки был выбран крохотный островок, полкилометра на километр, достаточно удаленный от берегов. Засветло отправили туда часть команды осмотреться и набрать хоть каких-то дров, которых было очень мало. Ночевали опять в темноте. А утром, порадовавшись, что их так никто и не обнаружил до сих пор, отправились дальше. Дождь закончился, но небо по-прежнему было затянуто тучами. Вскоре вошли в пролив шириной чуть более мили. Следуя вдоль его извилистых берегов, иногда встречали поселения туземцев. Очевидно, при их приближении все прятались в лес, потому что людей видно не было. На берегу лежали маленькие лодки, и никто даже не пытался их преследовать. Гликее, постоянно сверяясь с картой, отмечала пройденный путь. Было полнейшее ощущение, что они плывут по широкой реке. Вскоре пролив повернул на северо-запад, и скорость судна немного снизилась. Тем не менее до наступления темноты они успели выйти на относительно широкую воду, преодолев в сложных условиях более девяноста миль. Берега ушли в сторону, и в сгущающихся сумерках они успели увидеть свободное направление. Еще три часа плыли туда в темноте, уходя от возможной погони. Дальше идти было опасно, потому что там находились небольшие острова и скалы. Бросили якорь и заночевали, опять не зажигая

огней. Команда буквально валилась с ног от усталости, поскольку постоянно маневрировала парусами. Утром ветер ослабел, но это было уже не критично. Никаких преследователей видно не было, а спустя три часа неспешного плавания впереди показался океан.

Южный ветер баловал их недолго, что подтверждало мысли о том, как им крупно повезло. Вскоре он стих, а потом задул с запада, и резко похолодало. Гликее, грустно вздохнув, отправилась в каюту отжиматься. Вообще-то для элов такие маленькие хитрости являлись естественными. Здесь было развито понятие красоты тела, чем-то напоминавшее представления об этом древних греков. Сильная и развитая фигура считалась привлекательной, причем для женщин тоже. А полные или слишком слабые люди в глазах большинства выглядели уродливыми. Поэтому были общеприняты различные упражнения, которыми занимались даже люди, далекие от физического труда по роду своей деятельности. Какой-нибудь конторский клерк вполне мог вечерами изнурять себя занятиями, чтобы сохранять здоровье (эту взаимосвязь элов усвоили уже давно) и выглядеть привлекательно в глазах противоположного пола. Были широко распространены различные спортивные снаряды в виде турников и брусьев, известны гантели и штанги. И, конечно, люди, живущие в стесненных бытовых условиях, а таких большинство, придумывали различные упражнения, не требующие «посторонних» предметов. Поэтому на самом деле Гликее в тесной каюте выполняла целый комплекс, приседая с кнippелями на плечах, качая пресс, сидя на ящиках и засунув ноги под койку, и вообще исхитрялась как могла, чередуя нагрузку на разные группы мышц, только бы оставаться в движении. А Саша ее всячески поддерживал в этом, иногда присоединяясь и удивляясь изворотливости ее ума.

Корабль шел в бейдевинде, продвигаясь к крупному острову, который на пути сюда служил им маяком. Теперь они знали его название на карте – Лафит. Предстояло пополнить там запас дров и продовольствия. Продвигались медленно, но все же к концу второго дня достигли заветных берегов, а вскоре и первого поселения в хорошей бухте. Ветер к тому времени опять разбушевался, по морю шли крупные валы, но когда удалось спрятаться за горами, то все успокоилось. Поселение было туземное, но местные не участвовали в склоках, которые разыгрались на юге. Закупив все необходимое, двинулись дальше. Судя по всему, бушевал сильнейший шторм, но гористый остров надежно прикрывал их от западного ветра, поэтому можно было пока плыть дальше. Другое дело, что, закручиваясь после горных вершин, воздушный поток слишком часто менял в этих местах направление, заставляя постоянно переставлять паруса. А когда они

пересекали слишком глубокие заливы и прикрывавшие их горы отодвигались дальше, то ветер обрушивался на корабль, грозя унести его дальше от острова. Поэтому старались держаться вблизи берегов, повторяя их наиболее крупные изгибы. Из-за этого скорость движения была совсем небольшой.

Четыре дня они ползли вдоль острова, прячась за ним от бушующей стихии. Световой день становился все короче, а двигаться в темноте вдоль извилистых берегов да еще и придерживаться их было невозможно. Поэтому на ночь бросали якорь. Когда впереди показалась северная оконечность острова, то остановились, потому что впереди вздымались чудовищные валы, лезть под которые совсем не хотелось. Бросили якорь, пережидая непогоду, и простояли так два дня. Уже подумывали, не лучше ли вернуться назад, в какой-нибудь поселок, но наконец-то ветер начал стихать. Подождав еще полдня и окончательно убедившись в том, что погода налаживается, продолжили свой путь. Вскоре ветер поменялся на юго-западный, в галфвинде корабль пошел быстрее, а волны окончательно успокоились.

Погода снова им благоприятствовала. У команды уже возникали опасения, что Новый год они встретят в море, посреди волн. Но теперь люди воспрянули духом, и была надежда успеть в Эгу. Семьсот с лишним миль они отмахали за шесть суток, войдя в гавань за два дня до праздника.

Получив деньги за плавание и дни стоянки в Эвере (3060 серебряных), команда погрузилась в радостное предвкушение любимого события, тренируя организмы в портовых тавернах. А Саша продал уже знакомому владельцу магазина тонну меди за 1500 монет, закупив на почти все оставшиеся деньги моржовые клыки, шкуры и тюлений жир. Для себя с Сергеем приберег только тысячу на мелкие расходы.

Команда пришла в себя только на пятый день после Нового года. Как следует помывшись в гостинице напоследок, отправились в путь. Предстояло вернуться в Бригес, продать там набранный груз и встретиться с Дмитрием, если он еще никуда не пропал. Обратный путь занял ровно тридцать дней. По дороге их два раза трепали шторма, но, к счастью, не очень сильные. Гликее уже как-то втянулась в суровую зимнюю жизнь и страдала не так сильно. К тому же, после того как миновали зону холодного течения, заметно потеплело, а на подходе к Кинурии стало ощущаться дыхание весны.

Груз с Эги удалось продать в среднем почти в два раза дороже, получив на руки двадцать две тысячи и за медь тринадцать с половиной. В этом здорово помог Коля со своими связями. После того как Саша

рассчитался с командой (5100 монет), у него на руках еще оставалась вполне приличная сумма в тридцать одну тысячу с мелочью, что давало возможность смотреть в будущее с оптимизмом. Но кораблю требовался ремонт. Прежде всего замена внешней обшивки корпуса в задней части, которая сильно пострадала от пиратской картечи в свое время и теперь была порядком изъедена морской водой. Еще Коису не нравилась бизань-мачта, а значит, надо было ее заменить. Перебрать такелаж, починить или заменить паруса. Надо было осмотреть днище, потому что в балластном отсеке теперь постоянно была вода, которую периодически откачивали. Опять же, вынуть сам балласт и просушить отсек для него. В общем, работы набиралась уже целая куча.

Занимаясь хозяйственными делами, Саша узнал и свежие новости. Начиналась большая война. Когда корабли Глафиара громили побережье Арморики, являвшееся пиратским логовом, Империя восприняла это как посягательство на свои интересы. Или сделала вид, что это ее оскорбило. Когда-то Арморика была имперской провинцией, но лет двадцать назад, после очередной гражданской войны, отпала. Чем руководствовался императорский двор, объявляя войну Глафиару, так и осталось непонятным. Но поскольку весовые категории были несопоставимы, то остальные государства собственно Элои усмотрели в этом угрозу и для своего существования и, сколотив неустойчивую коалицию, также вступили в войну. А вскоре туда оказались втянуты и их союзники, в частности республика Локрида и герцогство Платея. На это можно было бы не обращать внимания, поскольку основной театр военных действий находился далеко на юге. Но, во-первых, любая крупная война резко увеличивала количество пиратов во всех окрестных морях, а во-вторых, появлялись еще и каперы, которые мало отличались от пиратов, разве что не были столь кровожадны и не трогали своих союзников. Но последнее не точно. Море, как правило, надежно прячет многие тайны. Поэтому теперь любое плавание становилось опасным вдвойне. Но, с другой стороны, резко возростала роль военных перевозок, которые, как правило, очень щедро оплачивались, в чем Саша уже смог убедиться.

После того как неотложные хозяйственные дела были решены, а корабль встал на ремонт, Саша наконец-то нанес визит Дмитрию, по-прежнему находившемуся в городской тюрьме. Встреча снова вызвала радость у узника, поскольку его теперь не баловали гости частыми посещениями. После приветствий Дмитрий сразу поинтересовался, как прошло плавание.

– Отвратительно, – устало ответил Саша. – Но это все фигня. Твой

Витек просто послал меня к черту и смылся, не дав ни одной монеты.

Дмитрий помолчал немного, а потом философски заметил:

– Ожидаемо. Но попытаться стоило.

Саша удивленно посмотрел на него и спросил:

– То есть ты ожидал такой результат, но тем не менее отправил меня в эту дыру через зимний океан на люгере? А ничего, что мы несколько раз чуть не пошли ко дну, а мой штурман чуть с ума не сошла после того собачьего холода, через который мы не раз проходили?

– Но ведь не утонули же. Все остались живы и здоровы, – спокойно ответил Дмитрий. – Зато теперь ты точно знаешь, что слова про обратный портал – это не моя выдумка и не морковка перед твоим носом, чтобы ты вытащил меня отсюда. Все реально. Как и то, что я до сих пор в тюрьме, а мое освобождение откладывается на неопределенный срок.

– Я рисковал своей жизнью и жизнью еще сорока человек, чтобы только убедиться в твоей правдивости?

– Не только. Шанс получить деньги все же был. Особенно если бы ты припугнул Витька. Он не отличается особой храбростью. Достаточно было наставить на него пистолет.

– Так уж получилось, что первым пистолет наставил он на меня.

– Ну, повторил бы потом попытку. Взял бы с собой кого-нибудь из команды, Эвриду например, и вломился бы в дом...

– И убил при этом охранников, приказчика и слуг? – уточнил Саша.

– Ну и что? – ничуть не смутился Дмитрий. – Если это нужно для дела, то нет смысла щепетильничать. – И после небольшой паузы добавил: – Для важного дела. Которое имеет для тебя большое значение. Ты ведь хочешь поскорее домой?

– Хочу. Но не такой ценой, – мрачно ответил Саша.

– Нормальная цена, – пожал плечами Дмитрий. – Все так делают.

– Не все, – буркнул Саша. – Я так не делаю.

– Ладно. Все ясно с тобой, чистоплюй хренов, – махнул рукой Дмитрий. – Ты хоть не пустой мотался?

– Нет, заработал кое-что. Тридцать тысяч.

– Сколько? – неподдельно удивился Дмитрий. – Ну, ты даешь! Пожалуй, ты небезнадежен. На чем поднялся?

И Саша рассказал ему о своих приключениях.

– Удачно, – отметил собеседник. – Что ж, теперь у тебя будет возможность проявить себя еще больше на государственной службе. Даже я знаю, что началась большая война. А это значит, что будут срочные донесения, перехват их, доставка грузов и охота за торговыми кораблями

противника.

– Это пиратство, – буркнул Саша.

– Это война, парень! – возразил Дмитрий. – Если этого не будешь делать ты, то это сделают с тобой. Можешь, конечно, спрятать голову в песок и сидеть на берегу, но, надеюсь, эта песня все же не про тебя.

– Значит, ты мне предлагаешь теперь грабить корабли? – с нажимом спросил Саша. И иронично добавил. – На люгере. Да?

– Во-первых, забудь про это слово. Если ты будешь нападать только на корабли противника, то никто тебе слова худого не скажет. Разумеется, кроме этого противника. А во-вторых, это если и может стать твоим заработком, то только побочным. Тут ты прав, люгер – не тот корабль, который может стать грозой морей. – И Дмитрий саркастически улыбнулся. – А вот различные поручения от властей или крупных торговых компаний, о которых я тебе уже говорил, это может оплачиваться довольно щедро. Улавливаешь ход моих мыслей? Корабль в порядке?

– Ну, не разваливается, конечно, но ему нужен хороший ремонт. Сейчас этим и занимаемся, – ответил Саша, уже думая о дальнейших планах.

– Вот и отлично, – ободрил его Дмитрий. – Кстати! Ко мне тут Леонидыч заезжал, – вспомнил он.

– И как он? – живо поинтересовался Саша.

– Все так же, – с улыбкой ответил Дмитрий. – Посочувствовал мне, укорял за жадность... Убежден, что если и ты не сможешь меня отсюда вытащить, то не сможет никто.

Саша криво улыбнулся. Но спросил о другом:

– Больше ничего не говорил?

– Говорил, конечно. Исходя из последнего письма Игоря, у того все нормально. В Мелибеа все идет своим чередом. – И, помолчав немного, Дмитрий добавил: – Постумия в свободное от службы время продолжает проникаться мудростью жрецов, все больше склоняясь к тому, чтобы посвятить себя богам.

При последних словах Саша вздрогнул.

– Не переживай, – утешил его Дмитрий. – Здесь нет обета безбрачия и местным жрицам не только можно утолять плотский голод, но и выходить замуж, если приспичит. Я бы на твоём месте все же съездил туда. Корабль пока что на ремонте, а так развеешься, душу успокоишь.

– Да, пожалуй, я последую твоему совету, – согласился Саша.

На этом и закончился их разговор.

На хозяйстве Саша оставлял Сергея как своего компаньона. Конечно, тот тоже был не прочь навестить Леонидыча, к которому испытывал большое уважение, но прекрасно понимал, что у капитана есть гораздо более веские причины спешить в Мелибеа, а потому не возражал. Коля был в делах по горло, крутился, как уж на сковородке на своем складе. Гликее пропадала где-то на берегу, и Саша даже порадовался, что не надо объяснять ей лично причины своего спешного отъезда и видеть ее печальные глаза. Все практические вопросы, связанные с ремонтом судна, решал Коис. Материалы были закуплены, и работы шли своим чередом. Разумеется, и речи не могло быть, чтобы отправляться в дорогу пешком. Несколько месяцев назад Саша все же брал уроки верховой езды, которые не сделали его хорошим наездником, но научили сносно держаться в седле и не бояться этих полезных животных. Здесь практиковалась система аренды лошадей, за которых вносилась залоговая стоимость, равная цене. Потом ее возвращали, удерживая вполне скромную сумму, если лошадь не имела повреждений. Дороги Локриды считались безопасными, но солидным людям ездить без сопровождения считалось неприличным. К тому же случиться могло всякое, и разбойники хоть иногда, но появлялись. Поэтому Саша взял с собой Эвриду и еще двух матросов, раньше бывших абордажниками в команде Дмитрия. За четыре клячи внес залог в размере тысячи двухсот монет и уже после обеда отправился в путь.

Глава 13

Продвигались со всей возможной поспешностью, то пуская лошадей в галоп, то переходя на шаг. По совету Эвриды, прекрасно знавшей, что капитан – плохой наездник, в это время он слезал с седла и вел своего коня в поводу, разминая непривычные к верховой езде мышцы и давая животному больше отдыха. Потом снова галоп и снова пешая прогулка. Тем не менее к концу дня Сашина задница ощутимо побаливала. А на следующий день все тело ныло, особенно ноги. Но усилием воли он продолжал гнать свой маленький отряд вперед. В Локриде уже царила весна, светило яркое солнце, и днем было по-настоящему тепло. Разве что листья на деревьях еще не начали распускаться.

В Мелибеа прибыли на третий день, к обеду. Едва спрыгнув с коня, Саша оставил его на попечение матросов, а сам бросился в казарму храмовой стражи. У входа он нос к носу столкнулся с лейтенантом, который сразу узнал его и сказал, что Постумия отсыпается после ночного дежурства. Влетев в спальную комнату, Саша замер на пороге. Здесь никого не было, на единственной занятой кровати из-под одеяла виднелась светловолосая голова. Подойдя поближе и стараясь не шуметь, Саша молча опустил на соседнюю кровать, не сводя глаз с дорогого лица. Через незашторенные окна проникало достаточно света, чтобы различить мельчайшие детали. В этот миг Саша наслаждался одним только видом женщины, к которой так стремился. И конечно, Постумия это почувствовала. Ресницы дрогнули, из-под открывшихся век показались голубые глаза, сначала смотревшие на него с полнейшим непониманием, потом с сомнением, а когда пришло осознание, то губы растянулись в улыбке и женщина, не отрывая головы от подушки, негромко сказала:

– Я только что видела тебя во сне. Я еще сплю или уже проснулась?

– Проснулась, – ответил Саша и погладил ее по щеке.

Из-под одеяла высунулась горячая ладонь и задержала его руку.

– Ты надолго? – спросила Постумия.

– На несколько дней. Корабль все равно на ремонте. – И после паузы Саша добавил: – Мой корабль.

– Я знаю, – улыбнулась Постумия. – Я не сомневалась в тебе, капитан Ассар.

– Откуда тебе это известно? – удивился Саша.

– Я сопровождала Парменона во время поездки в Бригес. Он сразу

рассказал мне о всех твоих приключениях. – Немного помолчав, она спросила: – Ты пообедал?

– Нет. Спрыгнул с седла – и сразу к тебе. Даже не знаю, чего больше хочется.

Постумия снова улыбнулась и произнесла:

– Мне тоже. Надо только встать и привести себя в порядок.

– Хорошо, – улыбнулся в ответ Саша. – Я пока схожу к Парменону и узнаю, как там баня. Постараюсь долго не задерживаться и буду ждать тебя там.

Поцеловав ее в теплую и мягкую щеку, Саша вылетел из казармы и отправился к хорошо знакомому дому, где провел несколько месяцев.

Леонидыч сидел на веранде и грелся на солнышке. Завидев приближающуюся фигуру, он долго не мог опознать ее, но когда разглядел лицо, вскочил и бросился навстречу. Обнялись как старые знакомые. Потом он отстранил от себя Сашу, сжимая вытянутыми руками за плечи и всматриваясь в его лицо.

– А ты изменился, – отметил он.

Саша лишь смущенно улыбнулся, не зная, как реагировать на это. Потом еще раз обнялись, и Леонидыч хлопнул его по плечу, увлекая за собой к дому. На веранду вышла Фотина, также обрадовавшись.

– Ты же голодный с дороги, – воскликнула она. – Обед уже готов, садись за стол, кормить буду.

– Подожди, – остановил ее Леонидыч. – Ты Постумию уже видел? – спросил он Сашу. Тот кивнул. – Тогда я тут чаю сооружу, а ты, Фотина, лучше баньку погрей немного. Думаю, это сейчас важнее, – и подмигнул Саше.

– В самом-то деле, – удивилась своей недогадливости Фотина. – Ну, тогда располагайтесь здесь, а я быстро. – И с этими словами накинула куртку и пошла в сторону бани.

– Ну, рассказывай, где тебя носило! – потребовал Леонидыч, наливая кипяток с плиты в чайник.

– Далеко, – ответил Саша, а потом рассказал о всех своих приключениях без утайки.

– Да-а-а... Тяжелые расклады, – задумчиво проговорил Леонидыч. – Значит, ты намерен вернуться?

– Хотелось бы, – пожал плечами Саша, допивая чай. – Дело ведь не только во мне. Надо Игоря вытаскивать, да и остальные тоже не горят желанием жить здесь. Мы еще не привыкли к этому миру, а дома родители, друзья... Мы здесь все равно чужие.

– Я тебя понимаю, – обнадежил его Леонидыч. – Первые годы жизни здесь для меня подобный выбор тоже был бы очевиден. А сейчас... Ну куда я пойду? Как я могу бросить Фотину? И остальных? Теперь мой дом здесь, и не нужны мне никакие блага цивилизации.

Помолчали немного, а потом одновременно посмотрели друг на друга, и Леонидыч с улыбкой кивнул.

– Иди, потом поговорим, – сказал он. И Саша вихрем умчался на долгожданную встречу.

Постумия уже ждала его, сидя на лавке перед дверью. Жаркие поцелуи и объятия прервали только на то, чтобы помыться с мылом под великолепным горячим душем. Поскольку они делали это вместе и одновременно, то Саша сразу заметил на ее теле свежий шрам. Он тонкой линией перечеркивал левую часть живота и сходил в пятно на боку.

– Что это? – упавшим голосом спросил он, прекрасно понимая причины появления такой отметки.

– Память о последней драке, – тихо ответила Постумия, ровно стоя перед ним под струей воды и совершенно не стесняясь ни своей наготы, ни шрама на теле. – Летом в окрестностях объявилась банда, грабившая паломников на дороге. Естественно, ловили ее мы.

– Как же ты ухитрилась? – спросил Саша, прикасаясь к белой полосе.

– Мы тогда вообще шестерых потеряли, сами угодив в засаду. Если честно, то в какой-то момент я думала, что это мой последний бой.

– Кажется, тебе повезло.

– Да. Еще чуть в сторону, и я бы здесь не стояла. А так – вскользь по животу прошло, только бок насквозь проткнули шпагой.

Помолчав и продолжая гладить пугающую отметину, Саша спросил:

– Он мертв?

– Да, – ответила Постумия, прижимаясь к нему своим телом под жаркими струями. – Это последнее, что успел сделать их главарь перед смертью. А если ты будешь продолжать болтать, то тоже умрешь. – И после паузы добавила: – Разве что мучиться будешь меньше.

Остаток этого и весь следующий день слились в сознании Саши в сплошном наслаждении. Они прерывались только на еду и ополаскивание под душем. Ему просто доставляло огромное наслаждение быть рядом с той, чей образ согревал душу во время изматывающего плавания через холодные воды. Он мог подолгу вглядываться в ее бездонные глаза, находя неповторимое очарование в морщинках вокруг них, и говорить при этом самые нежные слова. Он снова изучал каждый кусочек ее сильного и отзывчивого тела, с нежностью глядя отметины, оставленные оружием

давно умерших врагов. И все это время ни о чем не думал. Кроме накопившегося голода по телу Постумии, Сашины силы поддерживала настойка на золотом корне, фляжку с которой предусмотрительная женщина принесла с собой. Но даже эта безумная вакханалия в конце концов подошла к концу.

Утром третьего дня они оба лежали на мокрой от пота простыне, не в силах даже пошевелиться. Помывшись под душем, оделись и отправились к площадке с видом на долину, так как оба понимали, что нужна пауза. Постумии, судя по всему, сделали послабление по службе в силу особых обстоятельств, и все это время их никто не беспокоил.

Молчание затягивалось. Чувствовалось, что женщина хочет сказать что-то важное, но не знает, как начать разговор. Внимательно посмотрев ей в глаза, Саша спросил:

– Что-то изменилось?

– Да, – ответила она после небольшой паузы. – После того боя мне выдали большую премию, ведь именно я убила главаря. А по сумме заслуг сократили срок контракта.

– Это же здорово! – обрадовался Саша. – Сколько тебе осталось?

– Нисколько, – тихо ответила Постумия. – Я могла оставить службу еще в начале зимы, но ждала тебя.

Саша чувствовал, что здесь что-то не то. Тон, которым все было сказано, указывал на какие-то дополнительные факторы, не сулящие радости.

– Ты пойдешь ко мне на корабль? – спросил он в лоб.

Постумия долго смотрела вдаль. Саша видел ее красивое лицо сбоку и читал бурю противоречивых чувств, терзавших ее. Наконец она справилась с собой и, по-прежнему не глядя на него, ответила:

– Нет. – Саша стиснул челюсти. – Прости. Мне предложили учебу в академии жрецов. Авансом и без вступительных экзаменов.

Саша медленно выдохнул. Нет, мир не рушился на его глазах. Он даже не испытывал чувства, что его обманули. И все еще любил эту женщину, желая ей счастья и добра. Но вынести эту новость спокойно было трудно.

– Ты же плохо читаешь, – тихо сказал он.

– За этот год я многому научилась и читаю уже без запинки, – в тон ему тихо ответила Постумия. – Теперь книги – мои лучшие друзья. А еще меня здесь подтянули в арифметике, и я чувствую себя в силах продолжать учебу.

– А где школа?

– В Этоле. Это столица Глафиара.

– Я знаю. Кто тебя порекомендовал?

– Никто. После того как банду уничтожили, сюда приезжал ректор академии по каким-то своим делам и навещал меня, пока я лежала в лазарете. Мы много беседовали, и он сказал, что мои идеи заслуживают большего внимания, чем проповедь в сельском храме. Понимаешь! – воскликнула Постумия, неожиданно распаляясь и поворачиваясь к Саше лицом. – Сам ректор лучшей академии во всей Элосе сказал мне, никому не известной наемнице, что мои идеи важны и интересны! Только их надо отшлифовать и систематизировать. А для этого нужно получить образование и еще многому научиться. Я смогу рассказать людям, что одно только наслаждение и безудержная погоня за ним ведут в никуда. Если до сих пор я утверждала справедливость на земле только своей шпагой, то теперь это можно будет делать словами и с гораздо большим размахом!

Саша смотрел на нее и невольно любовался. Да, это был конец их романтической истории. И, скорее всего, он ее больше никогда не увидит. Но в этот момент ее лицо и глаза буквально светились изнутри. Сочетание внешней и внутренней красоты гипнотизировало его, и оторвать взгляд было попросту невозможно.

– Что? – спросила она, неожиданно смутившись.

– Я еще никогда не видел таких красивых женщин, – тихо сказал Саша. – И дело не в чертах лица, а в том свете, который ты излучаешь. Мне очень больно осознавать, что мы, имея возможность быть вместе, вынуждены разлучиться. Но кто я такой, чтобы запретить этот свет в маленькой вонючей каюте своего убогого корабля...

– Саша, что ты такое говоришь? – воскликнула Постумия, беря его лицо в ладони и заглядывая в глаза. – Год назад ты ушел отсюда пешком, не имея ни гроша в кармане. А теперь у тебя собственный корабль, способный пересечь зимний океан. И дело даже не в корабле, а в тебе, отважившемся на такое и вернувшемся. И я ни секунды не сомневаюсь, что еще через год у тебя будет большой корабль, капитанскую каюту которого ни у кого не повернется язык назвать вонючей. И неужели ты думаешь, что меня останавливает такая мелочь, как тесная каюта и опасности плавания? Меня, ночевавшую в заснеженной тайге в землях габалов, по нескольку дней блуждавшую в болотах среди туч комаров, годами спавшую в палатках? Но я не могу отказаться от своего призвания. Если я сейчас уйду с тобой, то мысли о том, от чего я отказалась, отравят сперва мою жизнь, а потом и твою. Только второго такого шанса у меня уже не будет. И я просто превращусь в очередного мрачного головореза из твоей команды, как эта одноглазая дылда, которая тебя сопровождает.

Повинуясь внезапному порыву, Саша обхватил Постумию за бритый затылок и закрыл ее губы нежным поцелуем. Они долго так стояли, не в силах оторваться друг от друга. А когда наконец Саша отстранился, то спокойным и уверенным голосом произнес:

– Все правильно. Это твой путь, который лишь на короткое мгновение пересекался с моим. Дальше каждый пойдет сам, сохранив в сердце память о светлых днях, проведенных вместе, и об испытанном счастье. Надеюсь, что я останусь для тебя не только хорошим любовником, скрасившим серые будни службы.

– Нет, не только. Если бы не ты, я бы не додумалась до тех мыслей, которые так поразили ректора.

– Надо же, как интересно, – с печальной усмешкой сказал Саша. – Я, больше всего на свете желая быть рядом с тобой, заронил в твою голову мысли, которые в конечном итоге и увели тебя от меня.

– Год назад ты мог остаться в храме и стать жрецом, – ответила Постумия. – И тогда я бы точно от тебя никуда не делась. Или мы вместе поехали бы учиться.

– Может быть... Может быть... – задумчиво проговорил Саша. – Но теперь-то уж пути назад точно нет. Я принял на себя обязательства, от выполнения которых зависит жизнь слишком многих людей. Поэтому даже если бы я захотел, то уже не смог бы свернуть с выбранной дороги. В конце концов, так даже лучше. В будущем и тебе, и мне пришлось бы делать один очень трудный выбор, способный полностью изменить нашу жизнь. А теперь такая необходимость отпадает в принципе. Во всяком случае для тебя.

– О чем ты? – насторожилась Постумия.

– Теперь это не важно, – грустно сказал Саша. – Об этом лучше вообще никому не знать.

Постумия некоторое время не сводила с него пристального взгляда, но Саша выдержал эту дуэль. А поскольку она даже предположить не могла, что он имел в виду, то вынуждена была отказаться от попыток узнать его тайну.

– Пойдем, надо все же поесть нормально, – сказал он, обняв женщину за плечи. – А то ты выпила уже из меня все соки.

– Мне пора в казарму, – виновато сказала Постумия.

– Тебя накажут? – шутливо спросил Саша.

– Нет, я отпросилась на вчерашний день.

Они прошли немного вместе, до развилки дорожек.

– Я надеюсь, ты не уедешь прямо сейчас? – спросила Постумия.

– Завтра. Я хочу провести с тобой последнюю ночь.

– Я тоже. И... заходи вечером в казарму, намну тебе бока напоследок, – улыбнулась Постумия.

Когда Саша добрал до дома Леонидыча, то никого не увидел на веранде. Не было ни сил, ни настроения что-то делать и предпринимать. Хотелось просто посидеть в тишине и осознать то, чего лишился. Умом он понимал, особенно теперь, что у них действительно разные пути, но сердцем пока что принять этого не мог. Вскоре появился Леонидыч, возвращаясь из какого-то храма. Молча сел рядом на ступеньках.

– Рассказала? – тихо спросил он.

– Да, – ответил Саша. – А вы знали?

– Конечно знал. Но такие вещи лучше узнавать из первоисточника, поэтому я был не вправе влезать в ваши отношения. Да и убежал ты довольно быстро. Когда бы я тебе это рассказывал?

– Я вас совершенно не виню. Все правильно, – тихо сказал Саша. – Просто грустно. Вы же понимаете?

– Да, – ответил Леонидыч и, помолчав, так же тихо спросил: – Ты ел? Саша покачал головой.

– Я тоже голодный. Где-то у Фотины был отличный супчик, сейчас мы его и раздобудем. – И с этими словами он отправился на кухню.

Весь день говорили о всякой ерунде. Леонидыч сетовал, что толком ничем не может помочь в освобождении Дмитрия, хотя, как выяснилось, хороших адвокатов привел именно он. Сейчас, конечно, мог подкинуть денег, но это были действительно скромные суммы, достаточные, чтобы прожить одному, и совершенно недостаточные, чтобы содержать корабль. Мог походатайствовать о получении кредита в банке, зависимом от храмовников, но возвращать пришлось бы с большими процентами. А у Саши от прежних времен осталась стойкая аллергия на банкиров и кредиты.

Вечером зашел в казарму, где его уже ждала Постумия. Она сразу вручила ему учебную шпагу, и начался жаркий бой. Если раньше Саша получал от нее тумаки и почитал за счастье, если ему удавалось дотянуться до тела наставницы, то сейчас они поменялись местами. При чем Постумия совершенно не ожидала такого поворота и сначала отнесла это на счет своей расслабленности. Но даже когда она использовала все свое мастерство, ситуация мало изменилась. Убедившись в том, что мастерство Саши резко возросло, и получив несколько болезненных ударов, Постумия отступила назад и отсалютовала шпагой своему партнеру.

– Кажется, теперь мне надо учиться у тебя, – сказала она с горькой

улыбкой.

– Плох тот ученик, который не превзошел своего учителя, – произнес Саша, отвесив учтивый поклон.

– Тебя учил кто-то еще, – утвердительно сказала Постумия. – И я бы с удовольствием теперь брала уроки у тебя. Жалко, что на это нет больше времени.

– Может, займемся чем-нибудь другим, раз у нас мало времени? – шутливо поинтересовался Саша.

И Постумия с этим немедленно согласилась. Ночь была жаркой, они оба старались насытиться друг другом на всю оставшуюся жизнь, хоть это и невозможно. Утром Постумия сняла со своей шеи серебряный амулет, который всегда был на ней. Это была грубовато сделанная морда волка с разинутой пастью.

– Это оберег, который в большом почете в тех местах, откуда я родом, – сказала она. – Вполне возможно, что я до сих пор жива благодаря ему. Мне он больше не нужен, скоро я надену знак Ипни. А вот тебе в самый раз. К тому же пусть это будет память обо мне. Наденешь?

– Конечно, – ответил Саша, приподнимая голову над подушкой. Он испытал странное ощущение, когда маленький кусочек металла лег ему на грудь. Только что снятый с тела Постумии, хранящий ее тепло, частички пота, запах и что-то еще. Возможно, частичку ее души, которую она теперь передавала ему.

* * *

Покинув храмовый комплекс, Саша решил проведать Игоря. Благодаря тому что в пути он чередовал галоп с шагом, до деревни добрался за два дня. Староста принял его радушно. Может, и не как старого знакомого, но никакого недовольства не высказывал по поводу гостя и на угощение не поскупился. Его младшая дочка, которой Саша в самые первые дни подарил складной ножик, за эти полтора года сильно выросла, превратившись в высокую жилистую девушку, и очень радовалась прибытию гостя. А когда узнала, что он теперь капитан собственного корабля, то смотрела на него с нескрываемым восхищением.

Игорь тоже был рад приезду старого друга. С жадностью выслушал все новости из первых рук. А известие о том, что обратный путь существует, но не здесь, окончательно встряхнуло его, пробудив жажду действия. Первым его позывом было отправиться на другой континент и

перевернуть там все вверх дном в поисках портала. Но когда Саша обрисовал ему обстановку и то, что аборигены в тех краях дружелюбием не отличаются и, скорее всего, просто прибьют любого чужака на своей земле, то товарищ поумерил свой пыл. В конце концов он решил присоединиться к друзьям, начав осваивать морское дело. Потому что копать в конторских книгах он бы не смог однозначно. Возникла была мысль забрать все свои туристические пожитки из тайника в горах, но, во-первых, не понятно было, где их хранить. На корабле-то места мало. А во-вторых, зачем им катамаран на море? Разве что гидрокостюмы могли пригодиться как очень полезная штука и в исключительных случаях.

Когда все решения были приняты, Саша отправился на переговоры с хозяином по поводу лошадей. Одну для Игоря, другую для баула с гидрокостюмами и вещами товарища. Но лишних у старосты не было. Со скрипом он согласился продать только одну лошадь. А вторую предложил поискать в селе. Саша подозвал околачивающуюся рядом хозяйскую дочку, явно подслушивавшую взрослые разговоры, и, вручив ей серебряную монету, предложил заработать еще одну, если она найдет, у кого можно купить лошадь. Обрадовавшись не столько деньгам, сколько вниманию аж целого капитана, она умчалась выполнять важное задание. И вскоре вернулась с положительными новостями. Две новые лошади обошлись в шесть сотен. Но Саша надеялся продать их в Бригесе примерно за те же деньги.

После ужина девчонка подловила его на пути из туалета и начала напрашиваться к нему в команду. Саша быстро сообразил, что она попросту хочет сбежать из дома, хотя ее наверняка и привлекала романтика дальних странствий. А может, и еще что-нибудь вообразила себе. В голове подростка могло твориться все что угодно. Портить отношения со старостой очень не хотелось, да и зачем ему нужен неумелый матрос-подросток? Пришлось застращать ее рассказами об ужасных штормах, кровожадных пиратах и злых туземцах. Но это, судя по всему, мало смутило девочку. Поколебать ее уверенность в авантюрных намерениях смогла только красочная картина изматывающего физического труда и тяжелых лишений матросской службы. А чтобы доказать, что у нее просто не хватит сил работать с такелажем наравне со всеми, он предложил побороться на руках за пустым обеденным столом, где они ели все вместе летом. Конечно, девочка не справилась со взрослым мужчиной, хотя и оказалась неожиданно сильной, по мнению Саши. В общем, он «с сожалением» отметил, что из нее получится хороший матрос, но чуть позже, когда она еще подрастет и окрепнет. Хотя куда уж дальше расти. Она

сейчас уже почти сравнялась с ним головами, а в Саше был ровно метр восемьдесят.

Когда девчонка ушла в расстроенных чувствах, из-за дома вышел хозяин и, присев рядом на лавку, тихо поблагодарил его за умелое убеждение непутевой дочери.

– В ней молодая кровь бурлит, – посетовал он. – Ума не приложу, в кого она такая. До вашего появления мечтала уйти в солдаты или наемники. Конечно, сейчас ее никто не возьмет, молодая еще слишком. Но через год или два армейские вербовщики могут посмотреть сквозь пальцы на ее возраст. А тут опять война начинается, им нужно пушечное мясо... – И хозяин горестно вздохнул. – Чую, сбежит она рано или поздно. И я вот что подумал. Сейчас ей, конечно, рано куда-то вступать, но если уж этому и суждено будет случиться, то пусть лучше послужит на вашем корабле. Как вас найти в Бригесе, если что?

Саша задумался, зачем ему такой довесок.

– Вы уверены, что это хороший выход? За год плавания в мирное время я участвовал уже в трех морских боях. И вокруг меня гибли люди. Мои люди, – добавил он после паузы. – Она ничего не умеет сейчас и не научится этому, находясь здесь. Поэтому будет простым матросом. Я не смогу ее защищать персонально, и поэтому риск для нее будет все равно велик.

– Я понимаю, – вздохнул староста. – Но я сам воевал. И знаю, что шансы выжить молодому солдату на суше еще меньше, даже если в целом армия побеждает. Я не прошу вас утирать ей сопли и беречь больше, чем других матросов. Просто мне кажется, что с вами ей будет лучше. Но если с ней что-то случится, то клянусь, обиды на вас я держать не стану.

– Хорошо, – тяжело вздохнул Саша и оставил ему Колин адрес, поскольку своего пристанища еще не имел.

На следующее утро он, не теряя время, взял с собой Эвриду и ускакал в горы, к памяtnому месту своего попадания в этот мир. Снова чередовал галоп с шагом, вспоминая знакомые места. Проскакали поляну лесорубов, удивленно проводивших взглядами двух вооруженных всадников. Дальше ехали осторожно по узкой тропе, лишь иногда пуская лошадей рысью. И через три часа уже были у знакомого водопада. Ведя лошадей в поводу, отправились вверх по склону, с трудом разыскав нужную расщелину. Саша разгреб кучу листьев, добравшись наконец-то до мокрых мешков со снаряжением. Перебрав их, достал гидрокостюмы, вид которых вызвал огромное удивление у Эвриды, и упаковал их в баул, притороченный к седлу своей лошади. Затем так же пешком спустились к тропе и, сев на

лошадей, отправились в деревню.

Успели к обеду, во время которого и староста, и его дочка бросали на него взгляды, каждый надеясь на что-то свое. А потом оседлали лошадей и отправились в обратный путь.

Для Игоря это было настоящее мучение. По прошлой жизни он был знаком с лошадьми, но одно дело – кататься на ней шагом и совсем другое – ехать целый день, иногда переходя в галоп. По рекомендации все той же Эвриды после скачки он всегда шел пешком, чтобы хоть как-то размять ноги. Тем не менее на второй день ему было очень плохо. Но он превозмог себя и продолжил путь. До Бригеса они добрались только на четвертый день, сразу направившись в порт.

Сергея обрадовался приезду старого товарища, но когда первые восторги улеглись, посерьезнел и начал мяться, не зная, очевидно, как сообщить неприятную новость.

– Что случилось? – спросил Саша, почуяв неладное.

– Гликеея ушла, – упавшим голосом произнес Сергей.

– Как ушла?

– Сказала, что нанялась на другой корабль. И это... – снова замялся Сергей, – оставила тебе письмо. В каюте лежит.

Саша пулей взлетел на корабль и ворвался в каюту. На его койке лежало запечатанное сургучом письмо. Вскрыв его, он развернул сложенный лист, вглядываясь в ровные буквы, выведенные каллиграфическим почерком.

«Капитан Ассар, я глубоко благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Начиная от спасения из безнадежного положения в Метоне и кончая той чуткой заботой, которой вы окутали меня во время тяжелого зимнего плавания. Я неосмотрительно позволила пробудиться чувствам в своей душе по отношению к вам, еще не зная, что ваше сердце принадлежит другой. Поэтому даже после того, как вы все объяснили, мне было трудно сдерживаться. Благородство вашей души, из-за которого вы помогали мне, чуждому человеку, лишь заставляло сильнее страдать от неразделенных чувств, и я не могу больше этого выносить. Мое сердце разрывается от желания быть постоянно рядом с вами и не видеть вас больше никогда в своей жизни, не имея возможности сблизиться больше. Возможно, я поступила неправильно и буду потом сожалеть о своем поступке, но мне представился шанс наняться штурманом на другой корабль, отправляющийся в Глафиар. Я отношусь с большим уважением к вам и вашему выбору. Надеюсь, вы будете

счастливы с той, кто смог завоевать ваше благородное сердце, и иногда будете вспоминать своего некрасивого штурмана, когда-то готового отдать за вас жизнь. Чтобы хоть как-то компенсировать вам неудобства, связанные с моим уходом, оставляю на корабле все инструменты и комплект карт. На моем новом месте службы все это есть. И, конечно, передаю вам ружье, когда-то подаренное мне командой.

Прощайте, капитан Ассар, и пусть удача вам сопутствует во всех начинаниях.

Пятый день второго месяца.

Ваш бывший штурман Гликеея».

Тяжелый комок подкатил к горлу. Горько улыбнувшись, Саша сопоставил даты и понял, что произошло это в тот же день, когда состоялся решающий разговор с Постумией. Обе женщины, к которым он что-то испытывал, покинули его одновременно. Он не считал, что его предали или бросили. По большому счету он сам был во всем виноват. Будь он внимательней к каждой из них, то мог бы удержать рядом. Но каждый шел своим путем. Просто на время они пересеклись. Тем не менее было очень больно. Пошарив в ящике шкафа, Саша нашел там бутылку коньяка, купленную по прибытии корабля в Бригес и не допитую. Он глотал благородный напиток, не ощущая вкуса, мрачно уставившись перед собой.

Когда спустя час друзья осторожно зашли в каюту, то застали его в неподвижной позе, внимательно что-то изучавшего на противоположной стенке. В ногах стояла пустая бутылка, а рядом, на койке, лежало распечатанное письмо. Быстро переглянувшись, они вышли, но вскоре вернулись, принеся пару пустых бочонков и немного еды. Усевшись перед своим капитаном, находившимся в прострации, Серега достал из-за пазухи еще две бутылки и поставил их на ящик, вытасченный из-под койки.

Саша сфокусировал глаза на них и печально ухмыльнулся. Нажраться стоило. Игорь спокойно извлек пробку из бутылки и расставил стаканы. Окинув взглядом друзей, философски изрек:

– Есть женщины, с которыми хочется выпить. Есть женщины, за которых хочется выпить. А есть женщины, из-за которых хочется выпить. В любом случае без бухла не обойтись. Вот она, причина мужского алкоголизма. – И разлил ароматный напиток по посуде. – За тебя, Сань. Если бы не ты, то я так и сидел бы в деревне и, наверно, скоро тронулся бы умом.

Естественно, двух бутылок не хватило, и друзья вскоре перешли на корабельные запасы дешевого пойла. Утомонились глубокой ночью, когда

Саша уже давно отключился, безмятежно сопя на койке, а двое оставшихся продолжали копаться в сложностях человеческих взаимоотношений. Серега со свойственным ему скептицизмом изрек очередную истину:

– Самый страшный жанр – вовсе не ужасы. Бойтесь хороших и светлых историй о любви. Они заставят вас верить в то, чего нет.

У Игоря уже не было сил спорить с ним, но принимать мудрость друга на веру он напрочь не желал, поскольку в другом мире у него осталась жена, к которой он стремился всей душой. Усталость брала свое. Друзья кое-как расползлись по койкам и заснули крепким сном.

Утром все удивились той кипучей деятельности, что развил их капитан. Узнав, что ремонт корабля уже закончен, он лично облазил с Коисом каждый закуток, убедившись, что все в полном порядке. Следовало искать себе достойную и выгодную задачу. К тому же Саша не желал ни секунды оставаться без дела, стараясь заглушить горечь двойной потери.

На побережье уже начали появляться нежно-зеленые листья на деревьях, на каждом свободном клочке земли пробивалась трава, пряча зимнюю грязь. Люди снимали с себя зимние куртки, впитывая долгожданное тепло и радуясь жизни. Но капитана Ассара все это мало радовало. Он просто не обращал на подобную ерунду внимания. У него была впереди важная цель, и сейчас он был уверен, что его ничего не сможет остановить или изменить направление движения к ней.